Ф. Г. Сафронов

РУССКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ТОРГИ

на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.

Издательство «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Якутский филиал
Сибирского отделения
Институт языка, литературы и истории

Ф. Г. Сафронов

РУССКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ТОРГИ

на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Монография посвящена малоизученному вопросу истории северо-востока Азии периода феодализма — деятельности русского торгового и промышленного населения Якутии, Охотского побережья, Чукотки, Камчатки, Курильских, Командорских и Алеутских островов, деятельности, приведшей к включению обширного региона в систему всероссийского рынка.

В работе изучены размеры движения промышленников, организация промыслов, техника охоты, вывоз пушнины, сибирский рынок в законодательстве России и характер торговли.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. П. ЕГУНОВ

$С\frac{10603 - 360}{042(02) - 80}$64—80. 0505010000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа посвящена важному вопросу истории северо-востока Азии периода феодализма — деятельности торгового и промышленного русского населения на территории Якутии, Охотского побережья, Чукотки, Камчатки, Курильских, Командорских и Алеутских островов, деятельности, приведшей к включению всего этого огромного региона в систему всероссийского рынка.

Проблема эта изучена не в достаточной степени.

В литературе имеется больше сведений о торгах и промыслах в Якутии. Г. Ф. Миллер оставил отрывочные известия о сибирских торгах XVII в.[1] В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина хранится рукопись кандидатской диссертации И. И. Селиверстова, в которой обстоятельно показаны промыслы и торги русских в Якутии в начальный период ее освоения — в 1640—1660-х годах[2]. Русским промыслам и торгам в Якутии XVII в. посвящена глава в очерках «Якутия в XVII веке», написанная членом-корреспондентом АН СССР С. В. Бахрушиным[3]. Те же вопросы кратко рассматриваются в работах В. Н. Иванова[4] и О. Н. Вилкова[5]. Организация соболиных промыслов в XVII в. представлена в содержательной статье С. В. Бахрушина о покруте на промыслах[6] и в работах В. А. Александрова[7] и И. С. Гурвича[8].

Много хуже обстоит дело с изучением последующего периода. Некоторые сведения о торговле в Якутии в первой половине XVIII в. содержатся в книге якутского историка П. С. Софронеева[9]. Более или менее обстоятельные данные о рынке в Якутии конца XVIII — первой половине XIX в. сообщаются в работах Г. П. Башарина[10]. Участие русских крестьян Якутии в торгах специально рассматривалось в наших работах[11].

Почти совсем обойден молчанием вопрос о промыслах на Охотском побережье и на Камчатке. Можно найти

лишь отдельные материалы о торговле в этом регионе в работах таких дореволюционных авторов, как А. Шаховский[12], В. Берх[13], К. Дитмар[14] и А. А. Прозоров[15]. Что касается промыслов на островах Тихого океана, то следует отметить ценные монографии Р. В. Макаровой[16] и С. Г. Федоровой[17].

Наконец, отметим капитальный труд красноярского историка П. Н. Павлова «Пушной промысел в Сибири в XVII в.» и другие обстоятельные его работы, посвященные истории пушного промысла в Сибири в целом периода ее первоначального освоения русскими. В них рассматриваются отдельные вопросы пушного промысла и на северо-востоке Азии, такие, как природные запасы ценных зверей и естественные возможности промысла, состояние пушной охоты до прихода русских, место пушнины в торговле, техническая организация охоты[18].

В данной работе сведения, сообщаемые нашими предшественниками, использованы максимально. Однако в ней промыслы и торги изучаются в целом по всему северо-востоку Азии и на всем протяжении XVII — середины XIX в. В этих территориальных и хронологических рамках детально исследованы таежный и морской пушные промыслы, размеры движения промышленников, организация промыслов, техника охоты, вывоз пушнины, торговля, связанные с этими промыслами, сибирский рынок в законодательстве феодальной России, формы и характер торговли до и после возникновения ярмарок, роль Сибири в формировании всероссийского рынка.

В истории северо-востока Азии это важные вопросы. В литературе в совокупности они получили название торгово-промышленной колонизации (т. е. освоения). В процессе такой колонизации нетронутые огромные природные богатства края длительное время служили интересам не только самих промышленников, торговцев и феодальной знати, но и всего государства в целом, интересам его финансового укрепления и усиления его внешнеторговых связей со странами Азии и Европы.

Явления подобного масштаба не могли не оставить следа. Этим следом являются многочисленные деловые бумаги, ныне бережно хранимые в государственных архивах различных городов нашей страны. Среди них наибольшее значение имеют документы таможенного управления, прежде всего так называемые таможенные книги, во мно-

жестве сохранившиеся в фондах Сибирского приказа и Якутской приказной избы Центрального государственного архива древних актов в Москве. Книги эти различного назначения и названия (таможенные приходные, расходные, соболиные, товарные ценовные, явчие, проезжие, отпускные, меновные и т. д.), относящиеся к XVII и к первой половине XVIII в., в совокупности дают огромный материал буквально по всем вопросам организации промыслов и торговли на северо-востоке Азии. Хорошим дополнением к ним служат и другие книги и столбцы указанных двух обширных фондов, в частности разные документы о торговых и промышленных людях, начиная от их челобитных и кончая воеводскими распоряжениями.

Интересные сведения по XVIII в. имеются в рукописи сподвижника Петра I Г. Фика «Всеподданнейшее предложение и известие, касающееся до якутов, тунгусов и других в северной Сибири отдаленных Российской империи покорившихся ясачных народов и особливо о великих отягощениях» от 1744 г., хранящейся в Эрмитажном собрании Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В документах Центрального государственного архива Якутской АССР, кроме прочих, следует отметить материалы Зашиверского и Среднеколымского частных комиссаров, Усть-Оленекского, Усть-Янского и Нижнеколымского крестьянских обществ, отображающие деятельность русских крестьян Приполярья— арктических охотников. По первой половине XIX в. ценные документы содержатся в фондах Центрального государственного исторического архива в Ленинграде. Наконец, отметим важность привлечения материалов Центрального государственного архива РСФСР по Дальнему Востоку в Томске, относящихся к торгово-промышленной деятельности русских на Охотском побережье, Камчатке и на островах Тихого океана.

Написанию данной работы много помогли и опубликованные источники, в особенности тома «Актов исторических», «Дополнений к актам историческим», «Полного собрания законов Российской империи» и материалы, содержащиеся в таких сборниках документов, как «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII веке», «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» и «Акты архивов Якутской области» Е. Д. Стрелова.

Работа выполнена в отделе истории Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

[1] *Миллер Г.-Ф.* Известия о торгах сибирских.— Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, сент., дек., 1756, февр., май.
[2] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-х годах XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952.
[3] *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии.— В кн.: Якутия в XVII веке: Очерки. Якутск, 1953.
[4] *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966.
[5] *Вилков О. Н.* Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968. Вып. 3.
[6] *Бахрушин С. В.* Покрута на соболиных промыслах XVII в.— Научные труды. М., 1955, III, ч. 1.
[7] *Александров В. А.* Русские промышленники в Якутии до образования якутского воеводства.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1968.
[8] *Гурвич И. С.* Русские на северо-востоке Сибири.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М., 1963, V; *Он же.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
[9] *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII в. Якутск, 1972.
[10] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956; *Он же.* Рынок в Якутии конца XVIII — первой половины XIX в.— Исторические записки, 1956, т. 55.
[11] *Сафронов Ф. Г.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956; *Он же.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961.
[12] *Шаховский А.* Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт.— Северный архив, 1823, ч. VII, № 13.
[13] *Берх В.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823.
[14] *Дитмар К.* Путешествие и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901.
[15] *Проворов А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902
[16] *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
[17] *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.
[18] *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972; *Он же.* Вывоз пушнины из Сибири в XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. 1; *Он же.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в.— Там же. Новосибирск, 1965. Вып. 2; *Он же.* Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1973.

Глава первая

ПРОМЫСЛОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ДОБЫЧА МЕХОВ

В истории северо-востока Азии вслед за служилыми людьми, пашенными крестьянами и городским населением большую роль сыграли промышленные люди. Это объясняется огромной ролью ценных пушных мехов в жизни страны. В XVII в. они занимали одно из первых мест во внутренней и внешней торговле России. На Свинской, Макарьевской, Астраханской и Ирбитской ярмарках, в Москве, Вологде, Устюге-Великом, Холмогорах, Сольвычегодске, Усть-Цыльме, Пустозерске, Тобольске, Мангазейске, Енисейске, Якутске и в других сибирских городах шла оживленная торговля меховыми товарами. Однако бо́льшая часть мехов шла за границу: через Архангельск — в Германию, Голландию и Англию; через Новгород, Ригу, Ревель, Нарву и Псков — в Швецию, Пруссию и Данию; через Смоленск — в Польшу и Литву; через Азов — в Крым, Турцию и Грецию; через Астрахань — в Персию и Среднюю Азию; через Тобольск — в Бухару; через Тобольск, Иркутск и Нерчинск — в Китай.

В этой торговле немаловажную роль сыграла царская казна. Путем взимания ясака и поминков с сибирских народов (в Европейской России меховой ясак собирали только с пермских «инородцев»), десятинной пошлины с торговых и промышленных людей, покупки у частных лиц, мены у сибирских ясачных на одекуй, бисер, муку и т. д., конфискации у воевод и служилых людей незаконно приобретенных мехов и другими путями она ежегодно скапливала громадное количество ценных шкур. Последние шли не только на продажу по указанным каналам. Они служили предметом дорогих государевых даров властителям иностранных государств, подарков царским сановникам за службу. Меха выдавались служилым людям вместо жалованья. Немалая доля во внутренней и внеш-

ней торговле пушниной принадлежала частным торговцам — гостям и торговым людям. Словом, пушной товар сыграл большую роль в экономическом усилении Российского государства в целом [1].

Откуда доставался этот товар? Из Сибири, служившей почти единственной кладовой «мягкой рухляди». Соболи, лисицы разных оттенков цветов, песцы белые и голубые, горностаи, белки и другие пушные звери являлись в то время главным богатством этого края.

Добывали это богатство, столь ценившееся на внутреннем и внешнем рынках, главным образом предприимчивые жители Русского Севера, Поморья, как его называли в XVII в. Они переваливали через Уральские горы и, преодолевая огромные просторы сибирского бездорожья во многие тысячи верст, являлись в города и остроги края и расходились по многочисленным промысловым местам. По мере истребления зверя в этих местах они в поисках еще нетронутых охотничьих угодий шли все дальше и дальше на восток, пока не достигали Якутска. Однако и Якутск не стал конечным пунктом движения охотников на пушных зверей, называвшихся в то время промышленниками. Наоборот, он послужил главными воротами, через которые шло все их многотрудное движение в сторону Северного Ледовитого океана, Берингова пролива, Тихоокеанского побережья и Даурии. И все ради добывания дорогих мехов путем охоты и выгодного торга. Поэтому промышленные люди в отличие от служилых людей, крестьян и горожан в основной своей массе были временными посетителями края. Тем не менее их значение в истории Сибири, в том числе и северо-востока Азии, неоспоримо. Именно благодаря их деятельности этот край постепенно включился в систему всероссийского рынка и наряду со служилой, крестьянской и городской колонизациями возникла промышленная колонизация со всеми ее специфическими чертами, оставившими глубокий след в жизни аборигенного населения.

Об этом виде колонизации в литературе имеется немало сведений, однако в отношении северо-востока Азии — всегда разрозненных и отрывочных, в виде иллюстрации того или иного положения, в виде статей или же разделов очерков и монографий. В них, как правило, целостное рассмотрение проблемы подменялось в зависимости от характера работы показом той или иной ее стороны. В одних

случаях внимание обращалось на размеры движения промышленников, в других — на сумму их добычи и торговых операций, третьих интересовала техническая сторона организации той или иной промышленной экспедиции. Исключение составляет работа И. И. Селиверстова «Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-х годах XVII века». Другой работой подобного типа является ценная монография Р. В. Макаровой «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.», но и она посвящена ограниченному району островов Тихого океана.

Такой характер литературы предопределил и содержание данной главы. В ней делается попытка осветить все стороны промышленной колонизации XVII — середины XIX в. с охватом всей территории северо-востока Азии.

Размеры движения промышленников

Деятельность торговых [2] и промышленных людей, связанная с пребыванием на северо-востоке Азии, облагалась большим числом налогов, так называемыми таможенными пошлинами.

Каждый прибывавший обязан был платить прежде всего явчую пошлину по алтыну с человека. После этого он уплачивал пошлины: полавочную — за занятие места в гостином дворе для продажи своих товаров, по 8 денег с человека за каждую неделю; записную порублевую — за проданные им товары, по алтыну с каждого рубля; роговую — за каждую голову купленного рогатого скота («роговую с рогу»), по 1—2 алтына; пошерстную — за каждую купленную лошадь, по алтыну; весчую — за куплю и продажу весчих товаров, главным образом продовольствия, с купца с пуда — по две деньги, с продавца — по одной деньге; печатную — с рубля по деньге («с русских товаров и с хлебных запасов и с мяхкой рухляди да с оценки и з денег»), а с бестоварных — по гривне с человека; отъезжую — за отпуск на промыслы в соболиные угодья, по алтыну с человека. Когда же наступала пора возвращения на родину, каждый торговый и промышленный человек уплачивал сразу три отъезжих налога: собственно отъезжую пошлину — по алтыну с человека, посороковую — с каждых сорока увозимых соболей по 4 деньги, порублевую — с каждого накопленного рубля по 4 же деньги. Однако самой главной, самой прибыльной для

казны являлась десятинная пошлина, т. е. взимание с торговых и промышленных людей десятой части с привозимых ими с Руси и из Сибири товаров и хлебных запасов и с увозимой ими на Русь и в сибирские города мягкой рухляди и другой ценности. Кроме всего этого, торговые и промышленные люди уплачивали в казну оброчные деньги по 8 алтын 2 деньги с человека на год, а в последней трети XVII в. и так называемые указные деньги, по 16 алтын 4 деньги. Следует отметить, что все эти виды пошлин и их размеры оставались неизменными до конца 1680-х годов.

Для совершения всех этих трудоемких операций в Якутске под стенами острога стояла таможенная изба во главе с таможенным и заставным головой. Он избирался на 1—2 года из среды торговых людей, обладал большой властью и действовал назависимо от воеводы. Воевода мог только осуществлять контроль над его деятельностью и о нарушениях сообщить в Москву царю. При таможенных и заставных головах состоял в помощниках таможенный подьячий и несколько целовальников, избираемых в порядке повинности также торговыми людьми на тот же годовой или двухгодичный срок.

Таможенные и заставные головы вместе с выборными целовальниками в соответствии с принятыми правилами учитывали всех прибывающих торговых и промышленных людей, привезенные ими товары и хлебные запасы, отпускали их на промыслы и для торговли, а после совершения этих операций — на Русь и в сибирские города, снабдив проезжими грамотами «на мяхкую рухлядь и на всякие товары за ленскою таможенною печатью». Одновременно собирали все вышеназванные таможенные пошлины, причем десятинную пошлину с мехов они собирали по принципу «от девяти десятого зверя, от лутчих лутчего, от середних середнего». Всю собранную пушнину и деньги помесячно сдавали воеводе в приказную избу.

Сбор таможенных пошлин из-за его трудоемкости и обширности края осуществлялся не только в Якутске, на глазах у таможенного головы, но и в других пунктах, правда, наиболее важных, где сосредоточивалось большое число промышленных и торговых людей, в таких, как Ленский волок, Чечуйск, устье Олекмы, Жиганск, Оленек, янские, индигирские, колымские ясачные зимовья и остроги. Туда посылались не головы, а целовать-

ники, избранные на двухгодичный срок находившимися в Якутске торговыми и промышленными людьми, опять-таки в порядке повинности и на их коште. Они снабжались подробной инструкцией воевод и были обязаны «ходить от зимовья до зимовья, сбирать таможенную пошлину, от девяти десятого зверя, от лутчих лутчего, а от середних середнего, разбираючи ровно, с соболей и с лисиц и с бобров и со всякого зверя». Собранную пушнину и деньги посылали в Якутск к воеводе.

Сбор всех видов пошлин как в якутской таможне, так и в других названных пунктах очень подробно записывался в книги: в Якутске — таможенными подьячими, в остальных местах — выборными целовальниками. Книги эти носят различные названия и назначения. В «книгах явчих таможенных соболиных» и «книгах явчих таможенных русским товарам и хлебным запасам» регистрировались меха и товары, привезенные каждым промышленником и торговым человеком в отдельности в г. Якутск, в «книгах записных оценочных русским товарам и хлебным запасам»— не только количество мехов и товаров, но и их стоимость. В книгах другой категории записывалась собранная пошлина, поименно что с кого. Это прежде всего «книги таможенные десятинные соболиные» и «книги десятинных денежных пошлин», в которые вносились только десятинные сборы. В «книгах таможенных денежного сбору», «книгах приходных таможенной денежной казне», «книгах таможенных записных и рыбных денежных пошлин и скота пошерстного», «книгах записных и весчих и скота пошерстных денежных пошлин» и других регистрировался сбор прочих пошлин.

Составление этих книг, ложившееся на плечи таможенного подьячего в Якутске и выборных целовальников в зимовьях и острожках и требовавшее уйму времени в тех условиях техники письма и делопроизводства, само по себе являлось итогом огромной работы таможенных голов и целовальников по учету большого количества людей, товаров и мягкой рухляди, проходивших через Якутск и другие пункты.

Но именно благодаря этим книгам, хорошо сохранившимся, мы можем описать подробности промыслов далекого прошлого, прежде всего размеры движения промышленного и торгового населения, совсем еще недостаточно изученные.

На этот вопрос впервые серьезное внимание обратил С. В. Бахрушин, использовавший, кроме опубликованных документов, ряд таможенных книг середины XVII в. По его данным, якутская таможня в 1642 г. отпустила 1131 чел., из них на соболиные промыслы — 839 чел., на рыбную ловлю — 31 чел., на Русь и в сибирские города с промыслов — 233 чел.; в следующем году — 907 чел., из них на промыслы — 653 чел. и с промыслов — 254 чел. На этом основании ученый сделал вывод, что «ежегодно через таможню проходило в эти годы около 1000 чел., кто на промыслы, кто с промыслов», что это было «время расцвета ленских промыслов, своего рода пушной лихорадки». Движение промышленников было значительно и в дальнейшем: в 1653 г. в якутской таможенной избе заплатили явку 489 чел., в 1655 г.— 456, в 1656 г. — 549, в 1657 г.— 549, в 1658 г.— 510 чел.[3]

Много таможенных книг использовал в своей диссертации И. И. Селиверстов. Но, к сожалению, общие размеры движения промышленных торговых людей он показал только до 1640-х годов. По его подсчету, из Якутского острога по всем направлениям (вниз и вверх по Лене, по ее притокам Витиму, Олекме, Алдану, Вилюю, на Маю, Оленек, Яну, Индигирку, Алазею, Колыму, Анадырь и т. д.) было отпущено на соболиные и рыбные промыслы и для торга в 1642 г.— 931 чел., в 1643 г.— 553 чел., в 1645 г.— 459 чел., в 1646 г.— 522 чел.[4]

Мы в свою очередь изучили таможенные книги до самого начала XVIII в., т. е. почти до самых последних книг, сохранившихся в фондах Сибирского приказа и Якутской приказной избы Центрального государственного архива древних актов в Москве. Наши данные до конца 1650-х годов, т. е. до времени, исследованном С. В. Бахрушиным и И. И. Селиверстовым, в основном совпадают с их данными [5].

Таким образом, в конце 1630-х — начале 1640-х годов ежегодно из Якутска отпускалось на промыслы и для торга до 900 человек и более, в последующие годы и до конца 1650-х годов — до 500 человек и более.

Со второй половины 1660-х годов наблюдается резкое падение промыслов. В 1660 г. было отпущено на промысел и для торговли 195 чел., на соболиный промысел и рыбную ловлю — 4 чел., на рыбную ловлю — 1 чел., на Русь после промыслов — 186 чел., в сибирские города —

33 чел., т. е. через Якутскую таможню прошло 419 чел. В 1665 г. отпущено на соболиный промысел и для торговли только 23 чел., на соболиный промысел и рыбную ловлю — 2 чел., возвратился на Русь — 71 чел. и в Сибирь — 10 чел. В июне — августе 1670 г. на промысел отпущено 15 чел., в Россию — 87 чел., в Сибирь — 17 чел. В 1676 г. до конца июля в Якутск с промыслов возвратилось 53 чел., в мае — июле 1680 г. — 80 чел. В июле-августе 1685 г. на промыслы отпущено только 3 чел., в Россию и в Сибирь — 208 чел. Летом 1690 г. приплыло с Руси в Якутск 11 торговых людей и 1 промышленник. В 1692 г. отпущено на промыслы 22 чел., на Русь и в Даурию — 7 чел. В 1695 г. летом приплыло с верховьев Лены 8 торговых людей и 4 гулящих человека, отпущено на Русь и в Даурию 9 чел. Наконец, в 1700 г. явили в якутскую таможню добытой во время промысла и перекупной рухляди 7 торговых и 7 промышленных человек [6]. К этим данным можно прибавить жалобы якутских воевод 1670-х годов на то, что «в Якуцком остроге в проезде торговых и промышленных людей бывает мало»[7].

Словом, нет никакого сомнения в том, что падение промыслов на северо-востоке Азии, начавшееся со второй половины 1660-х годов, завершается к началу XVIII в. полным их исчезновением, т. е. прекращением приезда людей из далекой России и Сибири со специальной целью добычи ценных мехов.

Это явление объясняется хищническим истреблением зверей промышленниками, что засвидетельствовано многими документами тех времен. К началу 1670-х годов зверь был выбит даже на далеких реках — Оленьке, Яне, Индигирке, Алазее и Колыме. В 1675 г. якутский воевода А. Барнешлев писал в Москву, что «на тех реках соболиных промыслов не стало»[8]. То же повторялось и в отписке И. Приклонского от 1681 г.[9] Еще интенсивнее зверь истреблялся в более близких местах, что очень чувствительно отразилось на положении местного населения, которое было обязано ежегодно вносить в казну ясак мехами и в связи с этим вынуждено в поисках соболиных угодий уходить в леса все дальше и дальше. В 1678 г. якутские князцы от имени всех якутов писали царю, что они «промышляют на государя по Лене, и по Олекме, и по Алдану, и по Витиму, и по Учуру, и по Тонторе, и по Мае, и по Ядоме, и по иным сторонным рекам ясак», и на этом осно-

вании просили не допускать туда промышленных людей, разоряющих их промысловые места. Заявления подобного рода они делали не раз и раньше. Поэтому правительство уже с 1660-х годов издавало распоряжения о недопуске промышленных людей в промысловые угодья местного ясачного населения. В 1680 г. это распоряжение было повторено вновь назначенному воеводе И. Приклонскому, который должен был «в Якуцком сказать государев указ и учинить наказ крепкой: по которым рекам по Лене, по Олекме, по Мае, по Ядоме и по иным сторонным рекам живут ясашные иноземцы и промышляют ясаком, и по тем рекам торговым и промышленным людям ходить не велеть, а велеть ходить на промыслы в те места, чтоб ясашным людям от промыслу их тесноты и ясачному сбору недобору не было»[10]. То же в 1685 г. писалось таможенному голове Лазару Потапову. Воевода М. Кровков напоминал ему, чтобы он торговых и промышленных людей не отпускал по тем местам, «где живут ясачные иноземцы и промышляют на великого государя ясак, (чтобы) ясачному сбору недобору не было»[11]. В 1694 г. подобное распоряжение Сибирским приказом было дано воеводе М. Арсеньеву [12].

Однако предписания подобного рода, как справедливо отмечал С. В. Бахрушин, оставались мертвой буквой [13]. Не было решительно никаких возможностей для контроля за маршрутом передвижения промышленников и средств для понуждения к исполнению предписаний. Промышленные и торговые люди всегда стремились в места наиболее угожие. Да они собственно и не знали или плохо разбирались в том, в каких местах располагались урочища якутов и кочевья тунгусов. Бывали и прямые нарушения указов, даже со стороны официальных лиц. Сборщик ясака в Олекминском острожке сын боярский Григорий Пущин имел, например, наказ и, кроме того, две указные памяти воеводы Ф. Бибикова не пропускать торговых и промышленных людей по Олекме к Чаре и если обнаружит у кого добытые там меха, конфисковать их в казну. Тем не менее он указу «учинил непослушен и своим вымыслом для своей бездельной корысти» в 1679 г. отпустил на те реки для промысла на четырех дощаниках 43 «покрученника» гостя Остафья Филатьева [14]. Надо думать, что подобные и другие случаи нарушения указов и предписаний не являлись исключением. Скорее они были системой.

В итоге в 1730-х годах о богатейших когда-то ленских промыслах сохранились одни предания. «Ныне же не токмо там (т. е. на Олекме.— *Ф. С.*), но и в других местах,— писал Г. Миллер,— где есть российские поселения, нет никакого соболиного промыслу для того, что соболи близ жилья не водятся, но по пустым лесам и по высоким горам в отдалении». Даже на Витиме, где еще местами уцелел соболь, промышленники, проводя целый год в несносных трудах, «почитают за счастье, если им по 10 соболей на человека придется»[15].

Это и есть то оскудение, в результате которого ушла в область предания история края, отмеченная своеобразными чертами промышленной колонизации.

Главными действующими лицами этой колонизации были люди, приезжавшие с целью добычи пушнины. Они по численности намного превосходили людей, приезжавших для торговли.

Это можно проиллюстрировать данными таможенных книг 1640—1650-х годов, когда на северо-восток Азии приезжало большое число торговых и промышленных людей. В 1641 г. из Якутска было отпущено на соболиные промыслы 453 чел., на соболиные промыслы и для торговли — 80 чел., для одной торговли — 12 чел.; в 1645 г.— соответственно 477, 65 и 4 чел., кроме того, на соболиный промысел и рыбную ловлю — 60 чел. и для одной рыбной ловли — 37 чел. Это же соотношение сохраняется и дальше. В 1650 г. в течение двух летних месяцев (июнь, июль) проезжие грамоты на соболиные промыслы получил 141 чел., на соболиные промыслы и рыбную ловлю — 37 чел., на соболиные промыслы и для торга — 68 чел., на соболиные промыслы, рыбную ловлю и на торговлю — 1 чел.; в 1655 г.— на соболиные промыслы 195 чел., на соболиные промыслы и торговлю — 26 чел. Наконец, по данным книги 1660 г. на промыслы ушло 140 чел., на промыслы и торговлю — 55 чел., на промыслы и рыбную ловлю — 4 чел., на рыбную ловлю — 1 чел.[16] Данные приведенных годов могут быть неполными, тем не менее они неопровержимо и согласно показывают, что подавляющее большинство, а иногда даже почти все, кто приезжал на Лену, шли на соболиные промыслы.

Это обстоятельство требует от исследователя рассмотрения прежде всего вопроса о том, как организовывался промысел в XVII в.

Организация пушного промысла

Промышленники происходили главным образом из уездов Европейского Севера, т. е. из русских земель, лежавших по берегам Белого моря, Онежского озера и по рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре, а также причислявшихся к этим землям Вятки и Перми Великой. Из этого обширного края, в целом называвшегося Поморьем, вышла главная масса промышленников, известных в отложившихся архивных документах под именем колмогорцев, двинян, устюжан, пинежан, каргопольцев, белозерцев, усть-цилемцев, сольвычегодцев, чердынцев, вологжан, усольцев и др. Промышленников из уездов Центральной России было немного. В социальном отношении промышленники были прежде всего крестьянами. Посадских было значительно меньше. Крестьянин-поморянин — вот кто был главной фигурой, осуществлявшей промышленную колонизацию не только на северо-востоке Азии, но и во всей Сибири. Живя на далеком Севере, он был черносошным, т. е. сидел на государственной земле и был свободен от помещичьего гнета, барщины и оброка. Его относительная свобода при малоземелье и частых неурожаях и при прочих трудностях жизни позволяли ему временно менять место своего жительства в поисках лучшей жизни. И тут его взору являлась Сибирь, о богатствах которой распространялось много разных слухов. И он шел туда ради богатых промыслов и прибыльных торгов. Шел с расчетом пребывания на промыслах два, три года и более.

До Якутска следовало проехать многие тысячи верст трудного пути. На этом пути Верхотурье являлось первым крупным пунктом, где собирались торговые и промышленные люди и который никак им нельзя было миновать. Туда попадали санным путем на лошадях. Там зимовали, и с наступлением весны товары грузили на суда, и по речным путям мимо Туринска и Тюмени попадали в Тобольск, оттуда водой же мимо городов Сургута, Нарыма и Кетского острога — в Маковский острог. От этого острога по Маковскому волоку, т. е. сухим путем, доходили до Енисейского острога. Далее путь шел вверх по Верхней Тунгуске и Илиму до Илимского острога. Здесь или в Енисейске землепроходцы проводили вторую зиму и только следующей весной, перевалив Ленский волок,

ранним летом в конце мая или в июне достигали заветной цели — Якутска.

Так в дороге проходило 2 года. Понятно поэтому, что снаряжение на промысел не являлось простым делом и было доступно не просто смелым и отважным, но и состоятельным. Каждому участнику вояжа следовало для своего содержания везти с собой немалый запас продовольственного и промыслового запаса, который назывался «промышленным заводом». Промышленники везли с собой муку ржаную и овсяную, масло коровье, жир говяжий и рыбий, мед, соль. Кроме рубах, штанов, шуб, зипунов, рукавиц, одеял, для одежды брали сукно, холст, крашенину. Запасались обувью. Имели «меди в котлах», «олова в блюдех и торелах» и другой посуды, без чего нельзя было обходиться. В число «промышленного завода», кроме продовольствия, входили холст парусный, лыжи, камусы лосиные лыжные, сети и пряжи неводные, обметы соболиные, топоры, у некоторых луки со стрелами и даже пищали. Каждому промышленнику, по подсчетам И. И. Селиверстова, следовало брать с собой промышленного завода в среднем на 10—30 руб., что являлось по масштабам цен того времени немалой суммой [17].

Количество продовольственного и промышленного запаса, необходимое каждому промышленнику на одну промысловую кампанию, в XVII в. называлось «ужиной» или «ужной». Поэтому в таможенных книгах обычно писали, что на промыслы на столько-то ужины выбыло столько-то пудов муки и прочего продовольствия и столько-то разного снаряжения. Или писали еще проще, что на промысел отпущено столько-то ужин, т. е. столько-то людей с необходимым снаряжением.

Собиравшиеся на дальний промысел торговые и промышленные люди при отъезде часто брали не весь перечисленный промышленный завод, так как возить большие тяжести на далекое расстояние при тогдашнем бездорожье было делом дорогостоящим, сложным и трудоемким. Поэтому вместо муки, масла, жира и других «обиходов», которые можно было найти на месте в сибирских городах, поморяне брали с собой деньги и все необходимое приобретали в пути во время зимних остановок в Верхотурске, Енисейске и на Ленском волоке, где обычно скапливалось большое число промышленных и торговых людей и где происходила оживленная торговля различными товара-

ми. Последним пунктом, в котором происходило полн оснащение всем необходимым для промысла, являл Якутский острог.

Значительная часть людей, желавших ехать на пр мыслы, не имела нужных запасов и необходимого снаря жения. Это были те смельчаки из бедных или разори шихся крестьян и посадских, которые мечтали удачны вояжем поправить свое житье-бытье. И они шли к состоя тельным и «крутились» на промыслы. Так с самого начал образовались две группы промышленников: «своеужинни ки», т. е. те, которые шли на промысел за свой счет, с своей ужиной, имели в своем составе разнородный контин гент — от рядовых промышленников и торговых людей д самых богатых гостей, и «покрученники, т. е. те, которы отправлялись на промыслы за счет нанимателя «на хо зяйских харчах».

Своеужинники-предприниматели, нанимавшие покру ченников, снабжали их всем необходимым промышлен ным заводом на весь период отлучки из дома: перевозоч ными средствами, продовольствием, одеждой, обувью посудой, охотничьим снаряжением. Покрученники нани мались смотря по обстоятельствам, времени и месту н 1—4 года и обязывались «всякую работу работать бе ослушания», «будучи на промыслу никаким воровство не воровать, не пить и не бражничать, зернью и карт и какою закладною игрою не играть», делать все, «чт хозяева велят делать», ибо «их дело невольное», в про тивном случае хозяин или его приказчик имеют прав примерно их наказать и «от всякого дурна унимать и смирять». Покрученники получали треть своей добычи а две трети отдавали снарядившему их своеужиннику которого звали «хозяином». Все эти обязательства покру ченников фиксировались в особом документе, имевше юридическую силу и называвшемся «покрутной записью» Покрутные записи, детально фиксировавшие сроки и условия найма, взаимоотношения нанимателя и нанимае мого, ставили покрученников в полную зависимость о их хозяев. Покруту на соболиных промыслах XVII в П. Н. Павлов правомерно считает «средневековым п форме капиталистическим наймом с личной зависимость покрученников от нанимателя»[18].

Каково было численное соотношение между своеужин никами и покрученниками? Якутские таможенные книги

времен расцвета промыслов дают ясный ответ на этот вопрос. В 1641 г. было отпущено из Якутска на соболиные и рыбные промыслы и для торговли своеужинников всех категорий (промышленников, торговых людей, крестьян и др.) — 218, покрученников — 315, в 1645 г.— соответственно 275 и 376, в 1650 г.— 85 и 162. Таким образом, покрученников было значительно больше, иногда даже в два раза, чем своеужинников [19].

В чьем распоряжении находились эти покрученники, т. е. для кого они добывали больше пушнину: для промышленников или для торговых людей? В 1641 г. из Якутска было отпущено на «соболиные промыслы» и на «соболиные промыслы и для торговли» промышленников — 178, покрученников промышленников — 86, торговых людей — 33, их покрученников — 192, крестьян — 7, их покрученников — 37 [20]. Как видно, торговым людям, составлявшим менее пятой части искателей добычи, принадлежало преобладающее большинство покрученников— в два с лишним раза больше, чем промышленникам и крестьянам. Подобная картина наблюдается и в другие годы. В 1645 г. отпущено «на соболиные промыслы», «на соболиные промыслы и для торгу», «для рыбной ловли и на соболиный промысел» и «на рыбную ловлю» промышленников — 241, их покрученников — 156, торговых людей — 25, их покрученников и покрученников более десяти торговых людей, не выехавших на промыслы (многие торговые люди на промыслы сами не ездили, отправляя покрученников во главе с «передовщиками»),— 177, крестьян — 9, их покрученников — 29 и 11 покрученников дьяков [21]. В данном случае число торговых людей оказалось в семь раз меньше числа промышленников. Тем не менее они имели покрученников больше, чем промышленники. В 1650 г. были отпущены для тех же целей, как и в предыдущем году, 71 промышленник, 59 их покрученников, 11 торговых людей, их покрученников и покрученников не выехавших на промыслы торговцев (их в этом году было около полудесятка человек) — 101, крестьян — 3, их покрученников — 2 [22]. Торговых людей было в шесть раз меньше, чем промышленников, тем не менее у них имелось почти в два раза больше покрученников. В 1655 г. было отпущено «на соболиный промысел», «для торгов и соболиного промыслу» и «на рыбную ловлю» промышленников — 105, их покрученни-

ков — 47, торговых людей — 10, их покрученников, покрученников не выехавших на промыслы около десят других предпринимателей — 33 [23]. Следовательно, тор говых людей было в пять раз меньше промышленнико но они отпустили на промыслы почти столько же покру ченников, сколько все промышленные люди.

Подобные примеры можно было бы умножить. Но они достаточно ярко показывают, что громадное боль шинство «крутившихся» на промыслы лиц пушнину до бывали для торговых людей, что поэтому последние, не смотря на свою малочисленность, благодаря широком применению метода найма играли не меньшую, чем про мышленники, роль в промышленной колонизации северо востока Азии.

Теперь рассмотрим вопрос в другой плоскости: како число покрученников нанимал каждый из промышленны или торговых людей? Из 178 промышленников, выехав ших из Якутска на промыслы в 1641 г., не имел покру ченников 121, имели только 57, причем 13 имели по 1 по крученнику, 5 — по 2, 2 — по 3, 2 — по 4, 2 — по 5 и только 1 имел 6 покрученников. На многих приходилос по четверти, трети, половине и т. д. покрученника, та как два или несколько человек объединялись и нанимал «общих покрученников». Из среды торговых людей бе покрученников выехали на промыслы только 5 чел. При казчик одного торгового человека выехал с 30 покручен никами, 3 чел.— с 19 покрученниками каждый, 1 чел.— с 14 и 3 чел.— с 13 покрученниками каждый. Остальны имели менее 10 чел.[24] В 1645 г. на промыслы было отпу щено без покрученников 145 промышленников, с покру ченниками — 96. При этом по 1 покрученнику имел 48 чел., по 2 — 14 чел, по 3—7 чел., по 4—4 чел., по 5— 1 чел., 6—1 чел., 9—1 чел., 11—1 чел. На многих прихо дилось менее 1 покрученника. Из торговых людей покру ченников не имело только 4 чел., 3 чел. имело по 14 покру ченников, 1 чел. — 12, 1 чел.— 11, 3 чел.— по 10, 2 чел.— по 9, 2 чел.— по 8, 2 чел.— по 7, 1 чел.— 6, остальные — по 5 и менее [25]. В 1650 г. из 71 промышленника покручен ников не имело 47. При этом 15 промышленников имели по 1 покрученнику и только один — 13 покрученников Остальные имели по 2—3 покрученника. Из торговы людей, которых было около полутора десятка, покру ченников не имело только трое, один имел 27 покручен

ников, один — 16, остальные — по 8 и менее покрученников [26]. В 1655 г. из 105 промышленников покрученников не имело 80, т. е. преобладающее большинство, по одному покрученнику имели 20 чел., у остальных было по 2—5 покрученников и только у одного — 6. Торговые люди имели каждый по 5, 7, 9 покрученников, хотя были и такие, у которых их было меньше [27].

Таким образом, две трети или три четверти промышленных людей выезжали на промыслы без покрученников и добывали пушнину только сами. Применяла наемную силу лишь одна их треть или четверть, причем значительная их часть имела только 1—3 покрученников. Свыше 10 покрученников имели совсем немногие. Другое положение было у торговых людей, особенно у богатой их части. Крупные торговцы Ярославля, Великого Устюга, Сольвычегодска и других городов Поморья организовывали настоящие промысловые экспедиции, посылая десятки людей. Иногда они добирали до 40 покрученников и более. Так, в 1640-х годах В. Федотов отпустил однажды с братом на Лену 40 покрученников [28].

Покрученников вербовали частью в самих поморских местах, откуда выезжали промышленные и торговые люди, частью по пути следования, в сибирских городах и острогах, особенно в Верхотурске, Тобольске, Енисейске и в Илимске. Но больше всего в Якутске, поскольку это было выгоднее и освобождало предпринимателей от дополнительных расходов по снабжению покрученников в продолжительном пути. Вот, например, данные якутской таможенной явчей книги 1650 г. В мае — июле этого года в Якутск приплыли 31 торговый человек (с учетом лавочных сидельцев, братьев и прочих родственников) и 15 промышленников. У них было только 48 покрученников, причем совсем не имели покрученников 11 промышленников и 9 торговых людей. Из тех же, кто имел покрученников, только 1 торговец имел 11 покрученников [29]. Ясно, что остальные покрученники, которых должно было быть значительно больше, чем число прибывших, были набраны в Якутске. За счет кого? Прежде всего за счет гулящих людей, т. е. людей, не имевших определенного занятия. В упомянутой книге числится 7 гулящих людей, прибывших в Якутск без всякого товара и денег. Такие люди приезжали ежегодно в расчете на различные заработки. Их можно было находить

и в самом Якутске. Разумеется, они прежде всего крутились на промыслы. Затем за счет промышленников, не имевших достаточного запаса и промышленного завода и считавших выгодным находиться в составе ватаг богатых торговых людей, или же разорившихся промышленников, превратившихся в гулящих людей. Некоторые из последних покрученничество сделали как бы своей постоянной специальностью и из года в год нанимались на промыслы. Например, покрученник, допрошенный по делу о незаконной торговле с якутами. Выяснилось, «что де он живет в Якуцком остроге 13-й год и у хозяев на покруте по покрутным записям, что де хозяева велят делать и он де их слушает, его де дело невольное». В течение 13 лет он переходил от одного торгового человека к другому. В 1646 г. «был он, Ларька, на покруте у торгового человека Баженки Иванова Белозера и сидел в той же волости, где и ныне сидел». В прошлом «ходил на покрутах» у Григория по прозвищу Туюса — 2 года, у Баженки Белозера — 2 года, Ивашка по прозвищу Щипицы — 1 год, у Вас. Константинова Попова — 1 год, у Савки Фофонова — 4 года, у Ивашки Шепунова — 1 год [30].

Таким образом выясняется, что уже в первой половине XVII в. в Якутске сложился рынок наемной рабочей силы, на котором одни и те же люди из года в год «крутились» на промыслы.

В Якутск, который являлся заветной целью искателей добычи, промышленные и торговые люди, как показывают якутские таможенные явчие книги, приплывали по Лене в мае-июне, как только река освобождалась от льда, после зимовки в Енисейске или на Ленском волоке. Приплывали партиями в 10—20, а то и 30—40 чел. Смотря по времени вскрытия реки и по другим обстоятельствам основная масса людей прибывала или во второй половине мая, или в первой половине июня. В июле приезжали отдельные партии, почему-либо задержавшиеся в пути [31].

В Якутске за лето происходила последняя подготовка к отъезду на промыслы. Люди на рынке приобретали недостающие товары и предметы промышленного завода, вербовали покрученников и наемных работных людей, распродавали лишние запасы. Одновременно они наводили справки о том, куда лучше ехать. Ведь край был обширен и неведом. Ловили каждый слух, внимали вся

кой молве. Расспрашивали не только вернувшихся с промыслов, но и всякого встретившегося. Судили и рядили днями и ночами, принимали в расчет все: расстояние и «угожесть» мест, способы проезда туда, наличие водоемов, где бы можно было ловить рыбу на пропитание, расположение местного населения, его отношение к пришлым людям и т. д. Наконец принималось окончательное решение и определялся район выезда.

Кто отпускал их на промыслы? До 1646 г. воеводы. Затем по жалобе влиятельных гостей на их «грабежи и насильства» и другие злоупотребления Сибирский приказ все дело отпусков торговых и промышленных людей передал таможенным и заставным головам [32].

Те, кто ехал на промыслы, делали им заявление в устной или письменной форме. Головы за своей подписью и с приложением «печати Сибирского государства» давали им «Проезжие» грамоты с подробной записью кто куда едет и на какой промысел, сколько с ним идет хлебного запаса и промышленного завода и на какую сумму, где взысканы или будут взяты десятинная пошлина с этих запасов и отъезжая пошлина [33]. Одновременно подобные записи делались в книге таможенных отъезжих пошлин.

Время отъезда из Якутска на промыслы зависело от расстояния до района выезда. Следовало к началу зимы быть на месте промысла и подготовиться к суровой зиме. Поэтому в бассейны Оленька, Яны, Индигирки, Колымы и других северных рек, а также в иные отдаленные места вниз и вверх по Лене торговые и промышленные люди выезжали по водному пути уже в июне и июле. Только в более близкие места выезжали в августе и сентябре.

Промышленные экспедиции выезжали во все наиболее угожие места обширного края, в бассейны всех крупных рек. Однако преобладающее их большинство от Якутска шло вниз по Лене на север. В таможенной книге 1641 г. отмечено, что все 532 промысловика отпущены «вниз по Лене»[34]. Из книги 1645 г. видно, что по Лене вниз ушло 544 чел., а вверх — 104 чел., причем здесь в большинстве случаев указаны конкретные места. Вниз по Лене больше всего людей ушло на Алдан и Маю — 261 чел., на «заморские реки» Яну, Индигирку, Колыму «и в ыные сторонные реки»— 133 чел., на Алдан и Вилюй — 35 чел., в Жиганы — 14 чел. Относительно остальных 101 чел. конкретные места не указаны. Вверх же по Лене почти

все ушли в бассейны рек Олекмы, Чары и Патомы. В 1650 г. 45 чел. выехало на Олекму, 203 — вниз по Л не: на Индигирку, Колыму «и в ыные сторонные реки» 94 чел., в Жиганы — 27, на Алдан и Вилюй — 32, б указания места — 50 чел.[36] 1655 г. составляет некотор исключение. В том году вверх по Лене ушло больше лі дей — 132 чел. (все на Олекму). Вниз же ушло 92 чел в том числе в Жиганы — 53 чел., на северные реки - 25, без указания места — 14 чел.[37] В дальнейшем, особе но с начала 1660-х годов, немногие приезжающие промыш ленники из-за исчезновения зверя в других местах в шли только на север. Лишь отдельные экспедиции отпра лялись на юг в сторону Олекмы [38].

Промышленники выезжали в районы промыслов производили охоту артелями.

Представление о промышленнике-одиночке, приезжав шем из Руси в одиночку и выезжавшем из Якутска н далекий промысел самостоятельно, без товарищей, сле дует считать неправильным. Такие одиночки были, н только как исключение, в отдельных местах и в отдельны случаях. Их добыча, как правило, была небольшой, ино гда даже едва окупавшей содержание их самих.

Объединение в артели обусловливалось объективным факторами. Промысловые угодья от Якутска находилис очень далеко. Чтобы добраться до них, надо было про ехать многие сотни, а иногда и тысячи верст по неизвест ным водным путям, по неизведанной тайге, преодолева множество трудностей в перевозке снаряжения и про мышленного завода. Условия пребывания в местах охоть были неизвестны. Словом, все требовало объединения і силы, и средств.

Размеры артелей бывали самые разные. Большей ча стью в них входило до 10 чел. Уже 6 чел. могли составит нормальную артель. Однако бывали артели, состоявши из нескольких десятков человек, доходя в отдельных слу чаях до 40 чел. и более.

Покрученники одного хозяина, естественно, состав ляли уже готовую артель. Если их было много, они могли смотря по обстоятельствам, разделиться даже на несколь ко артелей. В одну артель могли вливаться покрученникі нескольких своеужинников, если у каждого из них был мало таковых. Были и артели одних своеужинников, н имевших покрученников. Наконец, образовывались объе

динения весьма смешанного состава, куда входили и одинокие своеужинники, и покрученники со своими хозяевами.

Такие артели образовывались временно, распадаясь после одной промысловой кампании. Объединяли они прежде всего трудовые усилия в пути, в провозе запасов, в устройстве совместной зимовки. Однако во многих случаях они объединяли и доходы, распределявшиеся затем поровну. Так поступали покрученники одного хозяина, которые в общий котел клали всю добычу, общим было у них и продовольствие. Так могли кооперироваться и члены смешанных артелей. Но бывали артели, члены которых охотились каждый на себя, равно и продовольствие было своим.

Особый вид объединения своеужинников представляли группы так называемых складников. Они «складывались животами своими торговать и промышлять вместе за одно». Это были пайщики, дававшие «складные записи меж собою полюбовно». Все запасы они клали в общий котел, добычу делили поровну [39]. Вопреки мнению некоторых исследователей такого рода кооперация, как показывают таможенные документы, не была распространенным явлением. В 1645 г., например, на различные промыслы из Якутска ушел 651 чел., а среди них складников было только 39 [40]. Складывались запасами по 2—4 чел. и на одну кампанию. Они, по малочисленности не составляя отдельной артели, входили в состав какой-либо другой артели.

Во главе каждой артели стоял передовщик, или ватащик, избираемый самими промышленниками из своей среды. Это были обычно бывалые, опытные люди. Если передовщиком являлся покрученник какого-либо хозяина, он в отличие от других своих собратьев получал целую ужину, т. е. всю свою добычу. Передовщики нередко на промыслы брали своего собственного покрученника.

Ватаги из Якутска на промыслы отправлялись сроком на 2—3 года. Промышленный человек Колмогорского уезда Пенежского волока Гришка Григорьев сын Вижевцов «в прошлом во 153 г. (1645) ходил для своего соболиного промыслу с покрученники с пятью человеки да шестой свой ужинник по Олекме реке, а был он из промыслу без выходу два года»[41]. Однако срок пребывания на промыслах, в избранном направлении зависел от условий

промыслов, наличия зверя и т. д. Два-три года в одно районе задерживались только при благоприятных усл виях. Если же район почему-либо оказывался неудовле ворительным, после одной зимовки возвращались Якутск или же переходили в другой район, часто отда ленный.

Техника охоты

По прибытии на место промыслов артели охотников пер вым делом выбирали место для зимовья и общими усиля ми строили избу-времянку с расчетом, чтобы в ней поме щались все члены артели — до нескольких десятков че ловек.

Затем, если в артели было несколько партий со своими передовщиками, члены всей ватаги выбирали главного передовщика, обещая ему во всем подчиняться. Перед уходом в лес промышленники зарывали в ямы провиант, «чтобы не украли его неверные народы, ежели им в небытность промышленных людей на зимовье найти случится».

Промысел начинался в октябре или ноябре и продолжался до первой половины марта. В другое время охотиться было нельзя, так как соболи весной линяют, летом же шерсть у них коротка, а осенью еще не дошла. Промышленники оставляли зимовье до весны, когда все снова собирались вместе [42].

Промышляли только соболя, который являлся единственным промысловым зверем до самого прекращения движения промышленников на северо-восток Азии, т. е. до конца XVII в. Это было вызвано тем, что соболи за великолепный мех высоко ценились и пользовались большим спросом на рынке. Среди них попадались такие, которые стоили по 400, 450 и даже по 500—550 руб. за сорок, а единичные исключительно ценные «одинцы» продавались по 20—30 руб. за штуку (300—450 руб.)[43]. Прочие же звери, добыча которых не окупала расходы, не интересовали промышленников. Об этом свидетельствует ничтожный вывоз шкур прочих зверей в течение почти всего XVII в. В 1641 г., например, торговыми и промышленными людьми вывезено на Русь и в симбирские города лисиц красных — 27, песцов — 1, бобров — 3, росомах — 7, горностаев — 20, белок — 180; в 1650 г. толь-

ко 7 лисиц красных; в 1655 г.— 1 черную лисицу, 17 — сиводушчатых, 26 — красных, росомах — 11; в 1665 г.— 2 — черночеревые лисицы, росомах — 1, горностаев — 440; в 1670 г.— 1010 горностаев [44]. В 1676 г. промышленные и торговые люди явили в якутскую таможенную избу 54 лисицы красные, 240 горностаев; в 1685 г. они же вывезли на Русь и в Сибирь 1 рысь, 100 песцов, 10 белок, 6570 горностаев [45].

Отпущены туда-то «на соболиный промысел»— вот стереотипные записи в якутских таможенных книгах, постоянно встречающиеся в течение всего XVII в. Значит, люди шли для ловли только одних соболей. Лисицы, песцы, росомахи, горностаи, белки их не интересовали и за ними они специально не охотились. Поэтому промысел всегда носил специфический соболиный характер. Это обстоятельство заставляет нас писать преимущественно о приемах ловли одних соболей, добывавшихся ежегодно в огромном количестве, особенно до 1660-х годов.

Приемы ловли соболей состояли в следующем.

После того как зимовье было поставлено, промышленники делали запас пищи на зиму. Одни ходили на рыбную ловлю, другие — на ловлю зверей. Последних били из ружей, луков, ловили плашками, петлями. Крупных зверей (лосей, оленей и др.) загоняли иногда в заранее приготовленные замаскированные ямы. Боровую дичь ловили петлями.

Когда начиналась пора охоты, промышленники вначале прочесывали тайгу вблизи зимовья до тех пор, пока не иссякнут соболи. Затем главный передовщик собирал всю артель в зимовье, разделял ее на мелкие партии по нескольку человек, назначал им по передовщику, если они такового не имели, распределял между ними места охоты и указывал им маршруты следования. Каждому передовщику приказывал смотреть за своими людьми «накрепко, чтоб промышляли правдою, ничего бы про себя не таили и тайно ничего не ели», чтоб по обычаю своих предков некоторых зверей и птиц «прямыми их именами» не называли.

После этого промышленники оставляли зимовье и уходили в далекую тайгу по назначенным дорогам. Платье у них было специальное, предназначенное для промысла. Одевали они короткую душегрейку, удобную для передвижения. Поверх нее надевали короткий суконный на-

плечник — лузак, сделанный так, чтобы снег не попа
внутрь душегрейки. На руки под душегрейку надева
для тепла овчинные нарукавники — наколотники, а
верх рукава душегрейки — овчинные опушки — накоч
ни, чтобы снег не попал внутрь рукавицы. На голо
вместо шапки надевали суконные сермяжные малахаи и
треух. Обувью служили так называемые уледи, специа
но сделанные для ходьбы на лыжах.

Уходили в тайгу на лыжах, привезенных или сдела
ных в зимовье, низ которых для быстроты и легкости п
редвижения подклеивался шкурами из лосиных и
оленьих ног. Тянули за собой нарту с кладью, сделанн
наподобие санок, длиной до 2 сажен, шириной в 6—
вершков. Шли по снегу, опираясь на специально сдела
ный деревянный посох длиной в полсажени и больш
Некоторые, если представлялась возможность, испол
зовали собак и оленей.

Продвижение мелких партий по тайге шло органи
зованно, везде одинаково сложившимся порядком. Вп
реди шел передовщик. Он уходил за день вперед, оста
ляя на деревьях затесы, по которым за ним должны был
идти промышленники, находил место для стана, окол
которого будет промысел, и начинал строить шалаш. П
доспевшие промышленники достраивали его, если он бы
еще не готов, и обсыпали его снегом. Переночевав здес
уходили в лес, оставляя за собой опять-таки затесы н
деревьях, ставили по падям и речкам около деревье
«в пристойных местах» кулемы, т. е. ряд примитивны
пастей или ловушек с наживой из мяса или рыбы. Места
на которых ставили группами несколько десятков кулем
назывались кулемником или ухожьем. В одном ухожь
бывало до 80 кулем. Каждый промышленник за день ста
вил до 20 ловушек. Когда около первого стана было по
ставлено нужное количество кулем, промышленники ух
дили дальше, в другое соболиное место, куда первы
ушел по обыкновению передовщик и где приготовил н
вый стан. Там ставились новые кулемы. Затем промышле
ники тем же порядком уходили в лес все дальше,
дальше, останавливаясь в пути в новых станах и став
около них каждый раз кулемы. Идя таким образом, он
прятали около станов в земле или в снегу часть про
вианта для пропитания при возвращении в зимовье ил
при осмотре пастей.

Как только было пройдено определенное число станов (обычно до десяти), передовщик посылал половину партии обратно к этим станам для осмотра пастей. Те собирали добычу, снимали с соболей шкуры, строго соблюдая все табу, так как по представлению промышленников соболь был умным зверем и если что люди сделают грешного, он узнает и за это их накажет, не попадет в кулемы или испортит их и уйдет. Когда промышленники возвращались с соболями к передовщику, на осмотр пастей отправлялась другая половина партии, бывшая с передовщиком. Она осматривала те пасти, которые были поставлены во время отлучки первой половины, и повторно — уже осмотренные первой половиной. После возвращения этой части партии к ловушкам отправлялась первая половина. И так по очереди до конца кампании.

Таким образом постепенно продвигались промышленники по соболиным угодьям, причем по мере удаления от зимовья к первым пастям после повторного осмотра промышленники за дальностью расстояния могли и не возвращаться. Они спешили все вперед, к новым «урожайным» местам.

Промышленники находились в тайге до конца охотничьего сезона, а затем возвращались в зимовье. По пути они в последний раз осматривали кулемы и заколачивали их, чтобы летом в них соболи не попадали.

Во все время нахождения в тайге промышленники одновременно с кулемами промышляли соболя и обметами, особенно если в кулемы попадало мало соболей. Обметы — это сети длиной до 13 сажен и более и шириной в 2 аршина. На каждые два человека брали по одному обмету. При обметывании сетью была «наибольшая нужда в собольих следах, которых промышленой всячески ищет». При обнаружении норы сети ставили у ее выхода и сторожили тут до выхода соболя. В этом случае промышленнику иногда приходилось сидеть в ожидании выхода зверя дня по два, по три. Если же в норе было несколько выходов, то во все выходы, кроме одного, пускали дым, чтобы выгнать зверя. Если же соболь прятался в ветвях дерева, дерево срубали, предварительно расставив обмет на место падения его верхушки, и соболь, видя человека у пня, бросался от него прочь и попадал в сеть. В случае, если соболь прятался под корнем дерева, то промышленники обметывали «вкруг всего дерева»[46].

В ловле соболей значительная роль принадлеж[а] промысловым собакам. Они выслеживали зверя и за[го]няли его на дерево; схватывали его, если он был ран[ен], давили его, если он попадал в обметы. Это был «про[мы]сел на собачьей ноге», как говорили промышленни[ки]. Соболиные собаки были «чрезвычайно ловки в отыска[нии] соболей». Поэтому «добрая промышленная соболиная [со]бака» в Якутске ценилась дорого: до 5 и даже до 10 ру[б.] в 1640-х годах. Промышленники, бравшие на промыс[ел] собак, возили с собой «собачий корм»—«рыбьи кост[и]», «муку и костье» и пр.

Соболей стреляли и из луков, особенно если они с[и]дели на дереве, куда их загнала собака. Поэтому мног[ие] промышленники в своем скарбе имели «лук промышле[н]ный добрый», «лук стрельный», также дорого цени[в]шиеся [47].

Таковы были способы соболиной охоты в течение вс[е]го XVII в., да и после, где она сохранялась. Какой и[з] этих способов был наиболее производительным? Конечн[о,] ловля кулемами, и намного больше, чем все другие сп[о]собы вместе взятые. Это обстоятельство быстро понял[и] и местные жители. Майские тунгусы подали жалоб[у] якутскому воеводе В. Пушкину, в которой писали, ч[то] в 1647 г. к ним на их жировья пришли многие промы[ш]ленные и торговые люди и «зимою с самого с первозим[ь]да до весны секут кулемник и теми кулемниками и к[о]рень соболиный выбили, а обметом и собачьим промы[с]лом те торговые и промышленные люди соболиный пр[о]мысел промышлять покинули»[48].

Применение кулем и обметов в ловле соболей явл[я]лось, по-видимому, новыми приемами, принесенными ру[с]скими промышленниками на северо-восток Азии, прие[]мами, резко интенсифицировавшими охоту и постепен[но] перенятыми впоследствии аборигенным населением. Здеш[]ние аборигены, как и другие народы Сибири, зверей д[о]бывали преимущественно луками. «Иноземцы стреляю[т] из луков, а иного промыслу, как промышляют русск[ие] с обметами и кулемниками, соболей не добывают»,— п[и]сал в свое время В. Поярков [49].

Окончание промыслов. Возвращение на родину

После окончания зимней охоты весной партии промышленников возвращались в оставленное ими осенью зимовье. Снова все собирались вместе. Передовщики партий предъявляли главному передовщику добытых соболей и прочих зверей, докладывали о том, кто как вел себя на промыслах. И, если кто погрешил, главный передовщик по рассмотрении наказывал: к столбу ставил или назначал худшую еду, иногда бил, в отдельных случаях лишал пая или отбирал скарб и делил между пайщиками[50]. Потом промышленники делили между собой шкуры добытых зверей. Делили, как договорились: по целой ужине — передовщикам и своеужинникам, по трети ужины — покрученникам, по две трети ужины — их хозяевам.

В зимовье оставались до вскрытия рек, потом группами и в одиночку расходились в разные стороны. Большинство ехало в Якутск, откуда начиналась дорога на родину. Так распадалась артель. До этого промышленники находились в зимовье, проводя время в разного рода взаиморасчетах и в выделке шкур. Промышленники были, как правило, хорошими скорняками и пушниками. Они умели не только обрабатывать шкуры, но и сортировать их («разбирать»), отнести «лутчей зверь к лутчему, середней к середнему, а худой к худому»[51]. Потом шкурки связывали в пачки по сорок штук, что и называлось «сороком» (ввиду многочисленности шкур в XVII в. счет мехов всех зверей велся по сорокам). Высшего качества соболи подбирались и сшивались по паре и назывались «паренными». Самые выдающиеся экземпляры, не имевшие себе пары, держались отдельно и назывались «одинцами»[52]. Одновременно промышленники от хороших сортов шкур отделяли брюшко. Так возникали пупки, лоскутки пупчатые, брюшки, кончики. У низших сортов отрезали хвосты, иногда только кончики хвостов, называвшиеся остредями. Кроме этих названий, в таможенных книгах встречаются «огрызки соболиные», «объедки», «обрезки» соболиные, т. е. лоскутки шкур, почему-либо испорченные.

Когда промышленники оставляли зимовье, некоторые из них находили выгодным оставаться здесь до следующе-

го промышленного сезона, особенно когда угодья оказ вались богатыми зверем. Это были «годовальщики». Н которые из них оставались на промыслах «годовать б выходу» иногда больше двух лет подряд [53].

Те же, которые оставляли зимовье, по пути дела остановки, торговали с местным населением и русским Одни из них скупали пушнину, другие продавали. Н которые промышленники добытую пушнину часто пр давали даже на месте промысла.

По пути следования торговые и промышленные люд регистрировались в таможенных заставах в Чечуйске Олекминске, Жиганске, Оленске, в янских, индигирских колымских зимовьях и со своих мехов и товаров уплачи вали десятинные и иные пошлины. Многие проезжал через эти пункты без регистрации с тем, чтобы за вс сразу рассчитаться в Якутске, куда, как видно из тамо женных книг, приезжали (большей частью приплывали) в мае, июне и июле в зависимости от расстояния и дру гих обстоятельств. До августа и сентября задерживалис по разным причинам лишь немногие. Отдельные люди прибывали в Якутск в апреле, по снегу. Это те, которые охотились где-нибудь в ближних местах.

Промышленные и торговые люди по прибытии в Якутск являлись в таможенную избу, где их меха и товары до сматривали таможенные головы и целовальники и взы скивали все полагавшиеся с них пошлины. После этого торговые и промышленные люди получали возможность вести торговые операции в гостином дворе, которые так же облагались всевозможными сборами.

По окончании всех дел одни промышленные и торговые люди оставались для промысла на следующий охотничий сезон и, получив отъезжие грамоты, выезжали в избранные ими районы, проводя там зиму таким же образом, как и в прошлом году. Другие выезжали на родину в Сибирь и на Русь. Таможенные головы и целовальники давали им «на мяхкую рухлядь и на всякие товары проезжие грамоты за своею Ленскою таможенною печатью» [54].

Мягкой рухляди они вывозили ежегодно на Русь и в Сибирь много, особенно в первые десятилетия. При благоприятных условиях один промышленник в течение зимы мог добывать до 260 соболей. В среднем же он добывал от 2 до 5 сороков. В 1640-х годах торговые и промышленные люди добывали на ужину кулемами «в зи-

му сорока по три, и по четыре, и по пяти, и по шести, и по полусема сорока на человека»[55].

Однако счастье не всем улыбалось. В то время как одни вывозили много мехов и, таким образом, вполне добивались своих целей, другие ехали домой без всяких пожитков. «А товару и денег и мяхкой рухляди нет ничего»,— пишется про таких неудачников в якутских отпускных таможенных книгах. Проиллюстрируем это примерами. В 1641 г. в течение июня и июля выехало на Русь и в Сибирь 110 чел. Среди них без товаров и денег выехал только 1 чел.[56] В дальнейшем число промотавшихся резко увеличивается. В 1650 г. выехал на родину 181 чел., в том числе без товаров, денег и рухляди — 84 чел., в 1655 г.— соответственно 142 и 45 чел., в 1660 г.— 230 и 97 чел., в 1665 г.— 172 и 82 чел., в 1670 г.— 121 и 48 чел., в 1685 г.— 170 и 161 чел. Таким образом, число выехавших без всяких мехов, все более увеличиваясь, в 1660-х годах доходит уже почти до половины общего числа выехавших, а со второй половины 1670-х годов половину. Этот факт явился одной из причин захирения соболиных промыслов к концу XVII в. и прекращения приезда промышленных людей.

Истоки такой неудачи значительной части промышленников кроются прежде всего в том, что часть бедных покрученников, особенно та, которая по разным причинам мало добывала соболей, продавала свою долю на месте промыслов и в Якутске и проедала ее. Резкое же увеличение числа бестоварных в последние десятилетия объясняется также хищническим истреблением соболей и иссяканием их запасов. Некоторая часть таких разорившихся промышленников вовсе не возвращалась домой и оставалась в Якутске, либо верстаясь в служилые люди, либо оседая на пашню, либо пополняя ряды гулящих людей.

Промышленные и торговые люди выезжали из Якутска в основном в июле и августе, после совершения торговых операций.

Морской зверобойный и пушной промыслы

Начиная с последних десятилетий XVII в. постепен уменьшается приезд промышленных людей в матери вую часть северо-восточной Азии. Заканчивается пери так называемой промышленной колонизации Сиби Драгоценный соболь был выбит повсюду. Его запасы сякли. За ним шли через всю Сибирь многочисленн искатели наживы. Шли постепенно и упорно. По м истребления зверька — от одного места к другому, бо богатому и нетронутому. Шли, пока не оказались на тественных рубежах страны — на Охотском побереж и на Камчатке. Попутно они оказывали всемерное соде ствие служилым людям в их деятельности по освоен новых земель и подчинению власти русского царя аборигенного населения. Так что сибирский соболь с по себе сыграл двоякую роль в истории Русского гос дарства: во-первых, являлся одним из основных фактор ускоривших включение огромного края в состав Росси во-вторых, способствовал укреплению не только царск казны, но и экономики всей страны в целом. Он сыгр примерно ту же роль, что и золото в открытии Инди Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Америк

Соболь сыграл свою роль. Роль выдающуюся. Одна с конца 1730-х годов его место заняли бобры и котики обитатели тихоокеанских островов. Началась эпоха ново пожалуй, даже более грандиозной промышленной кол низации. Правда, на этот раз колонизации не Сибир а отдаленных и многочисленных островов, расположенн между Азией и Америкой.

Все это началось с непредвиденного. Решили для то говли с Японией и Китаем через Северный морской пу (о плавании С. Дежнева, который первым открыл Бери гов пролив, в то время еще не знали) выяснить, соедин ется ли Азия с Америкой и если да, то где, или меж ними имеется пролив. Послали экспедицию В. Беринг Она в июле-августе 1728 г. из устья р. Камчатки на бо «Св. Гавриил» совершила плавание к северу, вступи в воды пролива, впоследствии названного Беринговы потом повернула обратно и возвратилась в устье р. Ка чатки. Экспедиция не видела ни американского берег ни поворота азиатского берега к западу и, таким образо

не решила поставленной задачи. Поэтому послали вторую экспедицию, во главе с тем же В. Берингом. Суда этой экспедиции «Св. Петр» во главе с В. Берингом и «Св. Павел» во главе с А. Чириковым в июне—ноябре 1741 г. совершили из Авачинской губы плавание к северо-западным берегам Америки, открыв некоторые Алеутские острова и Аляску. Эти экспедиции попутно сделали другое важное открытие: они установили, что посещенные ими места таят несметные запасы морских бобров, котиков и голубых песцов. Их сведения дополнялись вещественными доказательствами: адъюнкт Г. Стеллер, плававший вместе с Берингом, с острова Беринга привез более 600 бобровых шкур, а спутники А. Чирикова — одних только бобровых шкур 900 штук [57]. И пошли толки о новых богатствах неизведанных земель.

Среди них первое место занимали морские бобры и котики.

Морской бобр и поныне в народе известен больше всего под названием камчатского бобра. Вместе с речной выдрой он входит в семейство куньих, поэтому его часто называют также и морской выдрой. Другое его название, часто встречающееся в научной литературе,— калан. Арена его жизни — прибрежная часть моря и узкая кромка суши. Во время камчатских экспедиций Беринга каланы заселяли побережья островных систем и материков северной части Тихого океана. Южная граница их распространения доходила до островов Хонсю и Сахалина, восточная — до южной части Калифорнии. На севере граница распространения каланов определялась кромкой плавающих льдов в зимнее время. Калан — самый ценный в мире пушной зверь. Еще Г. Стеллер писал: «Не могу передать красоту этого животного в живом состоянии: когда оно бежит по земле, то кажется чернее атласа и его яркая чернота сверкает». Мех этого зверя, бурого или черного цвета, характеризуется высшими показателями густоты и пышности, мягкости и нежности, шелковистости и красоты, носкости. В пору прихода русских в районы северной части Тихого океана здесь водилось несметное число стад этого уникального зверя [58].

Морские котики происходят из семейства ушастых тюленей. Они — одни из самых густоопушенных зверей в мире. Шкура — темно-бурого цвета, также высокоценная, очень прочная и ноская. Их лежбища находились

в морях и океанах северного и южного полушарий. С
верные котики представляют собой самый ценный в
Они раньше занимали многие островные системы и м
териковые побережья северной части Тихого океа
в том числе Берингова, Охотского и Японского морей

Кто являлись подлинными первооткрывателями эт
богатств? Конечно же, спутники В. Беринга и А. Чи
кова. Однако настоящим пионером, показавшим доро
к этим богатствам, начавшим пушной промысел на ост
вах и тем положившим начало возникновению новой
богатой промышленности, приведшей в конечном сче
к многочисленным географическим открытиям в северн
части Тихого океана, является простой человек — се
жант команды Охотского порта Емельян Басов. Его им
заслуженно увековечено в истории. Этот смелый и пре
приимчивый человек первым решил проверить слух
распространившиеся после экспедиции Беринга и Чир
кова чуть ли не по всей стране. Он собрал компани
в состав которой вошли московский купец А. Серебре
ников, один служилый, два посадских человека, д
крестьянина и два участника второй экспедиции Беринг
построил в Нижнекамчатске суденышко и в 1743 г. с
вершил первую свою экспедицию на Командорские ос
рова. Зиму 1743/44 г. Е. Басов со своими товарищам
промышлял на острове Беринга и добыл вместе с ним
1200 бобров и 4 тыс. голубых песцов. Окрыленный перв
ми успехами, он летом 1745 г. вместе с иркутским ку
цом Н. Трапезниковым организовал новую компани
в составе 32 чел., вместе с которой зиму 1745/46 г. пров
на островах Беринга и Медном. Добыча оказалась мно
больше первой: 1670 бобров, маток и кошлаков, 1600 бо
ровых хвостов, 2200 котиков и 2240 голубых песцо
Е. Басов организовал еще две экспедиции: в 1747—1748 г
в компании с вышеупомянутым Н. Трапезниковым и с
ленгинским купцом А. Толстых и в 1749—1750 гг. с те
же Н. Трапезниковым, оба раза на остров Медный. В ит
ге четырех экспедиций было добыто ценной пушнины
265 616 руб.

Успех этих экспедиций Е. Басова вызвал всеобщу
страсть к островным промыслам. Предприимчивые люд
ради наживы снова потянулись на восток, как в XVII
в Сибирь. Но на этот раз много дальше — к берегам Т
хого океана. В первую очередь купцы, обладавшие д

статочными средствами для организации дальнего вояжа. Приезжали они не только из Архангельска, Каргополя, Сольвычегодска, Великого Устюга, Соликамска, Тотьмы, Иренска, Вологды и других мест Русского севера — традиционного района выхода промышленников XVII в., но и из многих городов Центральной России: Харькова, Нежина, Курска, Тулы, Москвы, Ярославля и др. Выезжали купцы и из сибирских городов Нарыма, Тары, Тобольска, Иркутска, Селенгинска, Якутска и др. В промыслах участвовали также охотские и камчатские купцы. К их услугам были крестьяне, посадские и прочий мелкий люд, добиравшиеся до Охотска и Камчатки из тех же отдаленных районов страны, как и сами купцы, и в расчете добычи нанимавшиеся в работные люди на промысловые суда торговых людей. Они, как и в XVII в., назывались промышленниками.

Так начались морские зверобойные и пушные промыслы, оставившие глубокий след в политической и экономической истории Российской империи феодалов и крепостников.

Об этих промыслах мы получаем превосходное представление из монографии Р. В. Макаровой, в которой подробно исследуются экспедиции русских промышленников в Тихий океан во второй половине XVII в., организация ими пушного промысла и сбыт пушнины, политика царизма в связи с развитием этих промыслов [60]. Эти же вопросы в какой-то степени рассматриваются и в капитальном исследовании С. Г. Федоровой, посвященном истории образования постоянного русского населения в русской Америке [61]. По этой причине, а также и потому, что значительная часть Алеутских островов и Аляска не входят в состав Азиатского материка и, следовательно, выходят за пределы исследуемого нами ареала, мы, разумеется, не будем специально рассматривать все вопросы, связанные с морскими промыслами. Нам хочется лишь раскрыть преемственную связь многих сторон этих промыслов с соболиными промыслами XVII в.

Морские промыслы на далеких островах требовали много затрат. Следовало построить судно и снарядить его, запастись всем необходимым на долгий срок выхода в океан и т. д. Поэтому тут не могло быть и речи об отдельных промышленниках, выходящих в море на свой страх и риск в одиночку или маленькими группками.

Коллективные усилия — вот что требовалось обс
новкой. Организаторами коллективов выступали куп
Несколько купцов — в большинстве случаев до 4 чел.
объединялись и образовывали компанию, члены котор
назывались компанейщиками. Они, как и в XVII в
набирали работных людей, правда на этот раз называ
шихся не покрученниками, а промышленниками. А н
бирали они их не только среди приезжих русских, но
среди камчадалов, более привычных к условиям морско
плавания. Последние часто составляли даже половин
нанятых. В морской вояж нанимались и отдельные яку
ты [62].

Компанейщики заключали с нанятыми контракт
с точной фиксацией условий найма. Одни из промышлен
ников поступали на работу «ис платы» (ради получени
условленного денежного вознаграждения), другие «ис по
лупая» (ради получения половины пая, т. е. половин
доли, приходившейся на каждого члена вояжа).

Одновременно купеческие компании строили гребны
суда. Больше — на Камчатке, по берегам рек Камчатк
и Большой, меньше — около Охотска, по берегам ре
Охоты и Урака. Строили сами компанейщики и их работ
ные люди. Суда были самые примитивные, северного бе
ломорского типа. Основу плоского днища делали из од
ного выдолбленного дерева. К нему лиственничными
хвойными прутьями, китовым усом или просто ремням
«нашивали» боковые доски. Поэтому и суда подобного ти
па назывались шитиками. Пазы проконопачивались мхом
Железа совсем не употребляли. Якоря были деревянными
к ним привязывали камни-грузила. Длина судов дохо
дила до 10 м, ширина — до 5 м. Палуб они не имели. Н
зато мачты были числом до двух. При попутном ветр
употреблялись паруса из оленьих шкур [63]. Про эти суд
Паллас писал: «Строение оных столь худое, что весьм
удивительно кажется, как они могут противиться свире
пости бурного моря»[64]. С 1757 г. промышленники начал
строить более совершенные двухмачтовые боты, скреп
ленные по пазам железными скобами, так называемы
гвозденники. Строительство и снаряжение судов стоил
дорого — от 4 до 10 тыс. руб. Особенно если якоря был
железными, которые, как и канаты, доставлялись п
дальней и плохой дороге в разобранном виде. Якор
сваривали и канаты скрепляли на месте строительств

судов. Много труда стоила и доставка стройматериалов на лошадях и на лодках [65].

Компанейщики выезжали на промыслы, как и в XVII в., с обязательного разрешения властей. Организаторы экспедиции подавали челобитные в канцелярии Охотского порта, Большерецкого или Нижнекамчатского острогов, в зависимости от того, откуда они выезжали. И быстро получали требуемое разрешение. Они выбирали из своей среды или нанимали со стороны морехода, бывавшего ранее в морских вояжах, и передовщика. В то время как мореход исполнял обязанности штурмана или капитана, передовщик был прежде всего организатором промысла, хотя он, кроме того, ведал и всей хозяйственной жизнью судна, нес ответственность за все его снаряжение и следил за поведением промышленников. Часто обе эти обязанности совмещало одно лицо.

Правительство поощряло подобные экспедиции торговых и промышленных людей. Оно предписывало через сибирских губернаторов всем приморским канцеляриям оказывать мореходам всяческое содействие и разрешало последним свободно плавать, промышлять пушнину и свободно реализовать ее. Оно давало им льготы, списывало с них казенные долги, отличившихся жаловало в дворяне. Это происходило, во-первых, потому, что экспедиции давали казне экономическую выгоду, так как правительство взыскивало с промыслов десятинную пошлину (до 1774 г.) и ясак с жителей открытых земель и островов, во-вторых, потому что они приводили к расширению территории страны. Уже в указе Анны Ивановны от 20 сентября 1733 г. предписывалось содействовать морским промыслам, «ибо удобнее без убытку казенного сами купцы и промышленники в отдаленные места путь сыщут, как и Камчатка и иные прежде неизвестные места купцами и промышленниками сысканы» были. Это положение оставалось неизменным в течение всего XVIII в. Поэтому в выдаваемых компанейщикам разрешениях постоянно делалось указание «призывать в подданство ласкою и приветом» жителей открываемых островов, «брать с них ясак, от чего б могла быть казне прибыль». Цели экспедиций в этих документах официально формулировались так: для «прииску незнаемых островов и приведения живущих тамо народов в российское подданство и промыслу всякого рода морских и земных зверей, якоже

ласкового и дружеского с ними торгу». С каждой экспе-
дицией ехали от имени казны ясачный сборщик и пере-
водчик [66].

Получается, таким образом, что правительство ис-
пользовало торгово-промышленные экспедиции частных
лиц для осуществления своих политических целей и
«распространению державы». И весьма успешно. Факты
показывают, что именно экспедициями частных пре-
принимателей были открыты вся цепь многочисленных
Алеутских островов и северо-западное побережье Америк

Р. В. Макарова историю открытия и освоения эти
мест делит на три этапа. Первоначально, в 1743—1755 гг
промышленные экспедиции ездили относительно близк
на Командорские и Ближние Алеутские острова. В э
места были совершены 22 промысловые экспедиции. Им
открыты острова Медный и Ближние Алеутские (в чис
последних наибольшие — Атту, Агатту). Затем, 1756-
1780 гг., мореходы шли все дальше и дальше. В течени
этого периода благодаря их походам завершается откры
тие всех групп островов Алеутской гряды: Крысьи
(наибольшие — Кыска, Амчитка), Андреяновских (наи
большие — Танага, Канага, Адак, Атка, Амля), Лисьи
(наибольшие — Умнак, Уналяска, Унимак). На эти груп
пы островов было совершено 48 экспедиций многочислен
ных мореходов и промышленников. Среди них следует о
метить имена первооткрывателей островов Кыска С
Кожевникова (1757—1761), Умнак и Уналашка Ст. Гл
това (1758—1762), Унимак Дм. Панькова (1758—1763
Андреяновских Андреяна Толстых (1760—1764), Кадья
Ст. Глотова (1762—1766). В этот же период морех
Гаврила Пушкарев открыл в 1760—1762 гг. полуостр
Аляску. В 1781—1799 гг. в связи с истреблением значи
тельной части бобров на средних Алеутах добыча пушни
ны сосредоточилась главным образом на островах аме
риканского побережья и на самом побережье. В это
период, в середине 1780-х годов, были открыты остров
Павла и Георгия, позже названные островами Прибылов
в честь их открывателя морехода Г. Л. Прибылова, со
стоявшего служащим крупной компании якутского купц
П. С. Лебедева-Ласточкина [67].

Так к концу XVIII в. было закончено овладение рус
ской Америкой, а жители ее обращены в российских под
данных и стали уплачивать ясак. Обращены в подданны

усилиями одних промышленников (без какого-либо участия казаков и других военных сил), не знавших морского дела и шедших прежде всего «для своей собственной пользы» на судах, выстроенных, чтобы не потерять время, из сырого леса и едва могущих противостоять умеренному ветру. Их не пугали ни частые и сильные бури, ни густые туманы, ни холод и голод, ни цынга, ни прочие трудности плавания на далекие и незнаемые земли. Многие из них гибли в бурных водах океана. Но это их не останавливало. Котики и бобры звали все вперед и вперед. «Как соболь мало-помалу довел русских до Камчатки, так повел их через весь ряд Алеутских островов до противоположного материка еще более дорогой камчатский бобр»[68]. Тот же бобр и котики повели купцов и промышленников и на Курильские острова, где промысел получил особенно широкое развитие в 1760—1770-х годах.

Какова была добыча? Судя по приблизительным данным, приводимым в литературе, огромной. Не входя в детали, отметим, что в течение 1743—1800 гг. промышленники вывезли с Алеутских островов и с северо-западного побережья Америки мягкой рухляди по местным заниженным ценам на 7 901 647 руб., а с Курильских островов за 1765—1778 гг.— на 162 067 руб.[69] По данным М. А. Сергеева, общая стоимость всей добытой на тихоокеанских островах пушнины за 1745—1798 гг. достигла по охотским ценам около 9 млн. руб.[70] В казну в виде десятинной пошлины поступило пушнины на сотни тысяч рублей.

Однако с конца XVIII в. характер морского промысла меняется, что было связано с появлением иностранцев в водах северной части Тихого океана. Дело в том, что царское правительство, занятое европейскими делами, не объявляло миру о своих правах на открытые русскими промышленниками острова и земли. Поэтому иностранным судам представлялась возможность беспрепятственного проникновения в эти районы. Первым, кто способствовал этому проникновению, был известный английский мореплаватель Джеймс Кук, совершивший три кругосветных путешествия. Во время третьего путешествия (1776—1779), совершенного по поручению английского правительства для поисков северо-западного прохода и для захвата земель в северной части Тихого океана, он побывал на Алеутских островах и у берегов Аляски, Ка-

нады и Камчатки, тем самым показав дорогу своим с отечественникам в места, принадлежащие России. Вслед за ним в 1779 г. Камчатку посетили капитаны Кларк Гором. После этого в русских водах Тихого океана появились уже купцы и промышленники из англичан, которые стали заниматься зверобойным промыслом на глазах у русских промышленников и выменивать меха у островитян. Вслед за англичанами появились французы, испанцы и шведы. Больше активничали испанцы, появившиеся в этих районах со стороны близкого юга — колонизуемой ими Калифорнии. В последующие десятилетия XVIII в. наплыв иностранных, особенно английских, промысловых судов в зону деятельности русских промышленников усилился. Только в 1788—1789 гг. к северу от Кадьяка и Афогнака и в направлении Калифорнии русскими было обнаружено около 30 иностранных судов [71]. Иностранные суда не только хищнически истребляли морских зверей и торговали с местным населением, но даже иногда вооружали последних, подстрекая их к выступлению против русских [72]. В дальнейшем нашествие иностранных промышленников еще более усилилось. Капитаны русских судов, совершавших кругосветные плавания и побывавших в 1815—1821 гг. в северных тихоокеанских водах, довели до сведения правительства о том, что «в последнее время иностранные суда весьма часто стали посещать наши колонии на Восточном океане, производя торговлю с туземцами мелочными товарами и хмельными напитками в ущерб торговле русских подданных»[73].

Так появилось иностранное соперничество, приведшее к возникновению важной проблемы удержания занятых земель и эффективной их охраны. Однако для этого нужно было иметь сильный военно-морской флот, крепости и воинские части в них. Но у царского правительства не было ни того ни другого. Следовательно, если бы обстановка обострилась, оно не было в состоянии удержать за собой огромные владения на стыке Азии и Америки. Ведь его единственными представителями в этом районе были одни промышленники, отдельные компании которых к тому же конкурировали между собой, враждовали, сеяли интриги друг против друга.

Конечно, на занятые земли можно было бы распространить государственный правопорядок, установивший-

ся внутри страны, образовать там прочное управление, принять меры к заселению, строить форпосты с гарнизонами и т. д., чтобы превратить их в органическую часть Российского государства. Но правительство об этом не думало. Новые земли по своей дальности казались малодоступными, пути сообщения слишком трудными. А средств на их преодоление, как и считали высшие сановники, не было. Поэтому земли русской Америки находились на особом положении. Фактическими хозяевами в них являлись частные купцы и промышленники, эпизодически собиравшие для казны небольшой ясак с местного населения. При таком положении было лучше вместо нескольких конкурирующих между собой мелких компаний купцов и промышленников иметь одну мощную торгово-промысловую компанию, которая могла бы сдерживать иностранных промышленников, закрепить, освоить и таким образом утвердить права России на Американском материке и на островах Тихого океана. Эта мысль многим казалась верной и под конец была подхвачена самим правительством, так как оно хотело освободиться от тягот управления отдаленными землями и переложить охрану их на других, в данном случае на компанию.

Однако мысль эта зародилась не в тиши канцелярий. Ее автором был не государственный деятель, а простой гражданин страны, ее горячий патриот —рыльский купец Г. И. Шелихов. Перспектива разбогатеть потянула его на восток. В 1773 г., в двадцатишестилетнем возрасте, он оказался в Иркутске. Здесь Шелихов быстро сблизился с купцами и уже в 1775 г. принял участие в тихоокеанских промыслах. Благодаря своему выдающемуся организаторскому таланту он быстро занял среди купцов одно из главенствующих положений. Создавая компанию вместе с другими купцами, Шелихов стал снаряжать промысловые суда на Алеутские и Курильские острова. Затем в 1781 г. вместе с курским купцом И. Голиковым он создал Северо-Восточную компанию — первую большую и постоянную организацию для промысла зверей на Алеутских островах и у берегов Америки. В 1783—1786 гг. Шелихов совершил путешествие в Америку и на Алеутские острова, во время которого положил начало планомерной эксплуатации пушных богатств островов и Американского побережья, их заселению русским населением, построил крепости на Кадьяке и Афогнак. В результате

этого путешествия и организации промыслов он понял обстановку и в 1788 г. первым внес в Петербурге предложение правительству о сосредоточении всех промыслов в руках одной мощной купеческой компании, в данном случае его Северо-Восточной компании, с предоставлением последней долгосрочных привилегий и монопольных прав с одновременным запрещением деятельности других компаний. Когда же это предложение не было принято в верхах, он, продолжая исследование западного побережья Америки от Калифорнии до Северного Ледовитого океана, в 1794 г. создал еще одну компанию — Северо-Американскую как филиал Северо-Восточной компании для исследования и освоения побережья Америки к северу от Уналашки. В разгар этой работы в 1795 г. Шелихов скоропостижно умер [74].

Однако дело организатора первых крупных пушноторговых предприятий, дальновидного политика и хозяйственника, не раз выдвигавшего обширные планы освоения тихоокеанских земель, не пропало даром. В июле 1797 г. Северо-Восточная компания, главными хозяевами которой теперь являлись жена покойного Наталья Шелихова и Иван Голиков, объединилась с компанией иркутского купца Н. Мыльникова. Возникла Американская Соединенная компания. В сентябре 1797 г. ее существование было санкционировано указом императора Павла [75]. В июле 1799 г. вышел другой указ того же Павла. Компания была переименована в Российско-Американскую, объявлена «состоящей под высочайшим покровительством». Ей были предоставлены исключительные права и привилегии на 20 лет: управлять на правах неограниченного хозяина всеми землями в водах Тихого океана и на северо-восточном берегу Америки и к югу до Японии, основать поселения и прочие заведения, эксплуатировать ископаемые богатства, организовать пушные промыслы и т. д. Деятельность других компаний прекращалась [76]. Эти привилегии возобновлялись в 1821, 1842 и 1865 гг.

В результате Российско-Американская компания стала единственной хозяйкой обширных земель в северной части Тихого океана. Наступил новый период в истории Аляски, Алеутских и Курильских островов. Закончился период вольного хозяйствования (1741—1799) многочисленных отдельных купцов и промышленников. Место их заняло одно грандиозное коммерческое предприятие,

носившее одновременно и полугосударственный характер. Оно просуществовало до 1867 г., когда Аляска вместе с Алеутскими островами и островами Прибылова была продана Соединенным Штатам Америки.

Это и есть то изменение характера морского промысла с конца XVIII в., о котором говорилось выше, изменение, связанное главным образом с появлением иностранного соперничества. Это изменение, выразившееся в создании одной мощной компании, явилось реализацией проекта Г. И. Шелихова, выдвигавшегося им с начала 1780-х годов. Российско-Американская компания — его детище, детище этого «знаменитого отца русских колоний» (выражение В. Н. Берха) и «Колумба Росского» (выражение Г. Р. Державина)[77].

Деятельность Российско-Американской компании обстоятельно изучена в исследованиях первого историка этой компании П. Тихменева [78] и советского историка С. Б. Окуня [79]. Мы только отметим, что эта компания мало занималась заселением подвластной ей территории и развитием ее экономики, как того хотел Г. И. Шелихов. Все ее внимание было обращено на добычу пушнины и выгодную ее реализацию как внутри страны, так и за ее пределами.

Все было подчинено этой основной цели. Административным центром компании являлся Новоархангельск на Ситхе, основанный в 1804 г. и имевший укрепление и военный гарнизон. Здесь с 1808 г. находился главный правитель компании. Ему подчинялись директора шести округов, на которые делилась вся территория компании. Округа делились на охотничьи посты, имевшиеся на Курильских островах, Алеутах, Аляске и в других местах. Компания имела целую цепь контор и факторий от Охотска до самого Петербурга. В Новоархангельске как центральном пункте собиралась вся добыча, отсюда же округа снабжались всеми нужными припасами и товарами. Все сообщения поддерживались флотилией судов, принадлежащих компании. Основной их базой была Новоархангельская гавань.

В качестве добытчиков пушнины, называвшихся работными людьми, компания использовала почти только одних алеутов, курильцев, эскимосов и других коренных островитян, а также аборигенов материковой северо-западной Америки. У всех этих народностей морские

промыслы являлись одним из основных видов их заняти Поэтому они славились как искусные ловцы бобров и к тиков. Русские же работные люди в промыслах почти участвовали. Компания их использовала в качестве пре водителей промышленных артелей аборигенов, строителе гарнизонных служителей, мореходов, лоцманов и ра ных чиновников. Их набирали конторы компании, нах дившиеся по линии Сибирского тракта, особенно в Ир кутске и Охотске. Это были представители трудовы низов, как и в XVIII в., продолжавшие наниматься в морские службы с той лишь разницей, что они тепер контракты заключали не с компаниями отдельных ку цов, а с представителями одной мощной компании. При чем это были главным образом одни сибиряки. Из Евро пейской России теперь уже приезжали редко. В август 1799 г. в Охотске заключили контракт для отправки н остров Кадьяк на промыслы 72 работных человека, 6 из них внесены в список. Среди них сибиряков бы 61 чел., россиян — 5, неизвестного происхождения — 1 чел. В числе сибиряков крестьян насчитывалось 27 мещан — 13, ямщиков — 5, купцов — 1, цеховых — 4 ясачных — 11. Они были главным образом Иркутского ведомства, немногие происходили из Томска, Енисейска, Тюменска, Тобольска и Якутска. В числе россиян было 3 московских мещанина и 2 крестьянина Казанской губернии [80]. А вот данные другого контракта, заключенного в августе 1812 г. в Охотске же работными людьми, вые хавшими в Новоархангельский порт на промыслы. В до говоре значатся имена 59 чел. Из них сибиряков было 48 в том числе крестьян — 22, мещан — 17, ямщиков — 4 разночинцев — 2, якутов — 2, алеутов — 1; россиян — 6 в том] числе крестьян — 2, мещан — 3, разночинцев — 1 неизвестного происхождения — 5 чел. В числе сибиряков из Тюмени было 19 чел., Томска — 9, Тобольска — 6 Иркутска — 3, Ялуторовска — 2, Каинска — 2, Красноярска, Тарска, Ишимска и из Усть-Сысольска — по 1 чел.[81]

Как видно из контрактов, работные ехали, как и раньше, «в морской вояж» для промыслу «морских и земных зверей» на всех «Российскому высочайшему престолу принадлежащих землях». Они обязывались «для пользы государственной и общей прилагать всевозможные старания о прииске неизвестных доселе островов и земель

и «упражняться в звериных промыслах без лености в самой точности и в то самое время, кому когда что приказано будет», «вести себя добропорядочно, не пьянствовать, между собой обходиться миролюбивным образом, в карты и другия зерни не играть». Ехали в большинстве случаев «не из платы от компании, а из половины пая», как и в XVIII в. Мореходы получали по 4 пая [82].

Основными промысловыми зверями были морские бобры и котики. Однако много добывали также чернобурых и красных лисиц, белых и голубых песцов. Из прочих пушных зверей попадались рыси, росомахи, американский соболь, речные выдры, ондатры. Промышленники били также медведей, волков, собирали немало моржовых клыков и китового уса.

Посредством упорного и тяжелого труда аборигенов и работных людей компания наживала огромные богатства. Гартвиг приводит следующие приблизительные данные среднего ежегодного вывоза с 1823 по 1841 г.:

Шкурок морского бобра	9 190	Бурых песцов	2430
Шкурок речного бобра	789	Рысей	201
Хвостов морского бобра	1 070	Росомах	78
Бобровых струй	262	Соболей американских	810
Шкур морских котов	16 000	Ондатр	236
Чернобурых лисиц	900	Шкур медведей	243
Чернобрюхих лисиц	1 279	Шкур волков	10
Рыжих лисиц	2 246	Моржовых клыков	325 п.
Белых песцов	667	Китового уса	2 п. 12 ф.[83]

А вот данные, приведенные М. А. Сергеевым: в 1803 г. на трех судах компанией вывезено из ее владений более чем на 2,5 млн. руб. пушнины, в том числе 15 тыс. бобров и до 280 тыс. котиков, в 1797—1821 г. вывезено 72 894 бобра и 1 232 374 котика, в 1842—1862 гг.— 25 899 бобров и 372 894 котика [84].

Однако создание торговой Российско-Американской компании не прекратило иностранного соперничества. Иностранные предприниматели, стремясь овладеть рынком и ликвидировать российские владения в Америке, даже усилили свою деятельность. Среди них на этот раз первое место заняли американцы, которые стали успешно вытеснять своих западноевропейских конкурентов, а с середины XIX в.— даже и русских. Свою деятельность они

распространили вплоть до Чукотки и Камчатки. При этом с 1830-х годов они начали бить китов, в связи с чем возник новый вид морского промысла — китобойный. В водах Охотского и Берингова морей появились многочисленные китобойные суда, прежде всего американские и английские. Уже в 1846 г. в Беринговом и Охотском морях китовым промыслом занимались до 500 американских судов. Китобойные суда проникали и в Северный Ледовитый океан. В 1849 г. туда ходило 154 иностранных судна. Новый вид промысла приносил огромные барыши. В 1848—1849 гг. американцы выручили за жир китов из тихоокеанских вод России 17 412 453 доллара [85].

Царское правительство было не в силах положить конец этому хозяйничанью иностранцев. Оно даже не запрещало им китобойный промысел в своих водах. А это затрудняло деятельность Российско-Американской компании. В то же время в результате хищнического истребления резко сокращались пушные промыслы. Позиции же царизма на Тихом океане в связи с осложнением международной обстановки в 1860-х годах ослабли. Поддерживать регулярную связь с отдаленными колониями становилось все труднее. Все это привело к удовлетворению домогательств американцев — продаже им Аляски и Алеутских островов и ликвидации Российско-Американской компании.

Рассмотрев некоторые вопросы истории организации морских промыслов второй половины XVIII — первой половины XIX в., в заключение вкратце остановимся на одном важном вопросе. До самой середины XIX в. все транспортные связи России с побережьем Тихого океана осуществлялись через Якутск и начинающиеся отсюда Охотский и Аянский тракты. А это значит, что движение всех промышленников и купцов второй половины XVIII в., исследователей и чиновников Российско-Американской компании первой половины XIX в., перевозка их товаров и кладей осуществлялись главным образом именно через эти тракты. Осуществлялись одними якутами на их лошадях. Поэтому якуты сыграли огромную роль в освоении тихоокеанских земель России. Для иллюстрации этого факта истории достаточно сослаться на данные одного архивного дела.

Частные купцы и промышленники, ехавшие на восток, преодолев многотрудный и долгий путь, прибывали в

Якутск. Отсюда им предстояло ехать еще дальше: по указанным трактам перебраться на побережье Охотского моря. И тут к их услугам оказывались якуты центральных улусов. Они ежегодно за условленную плату перевозили до Охотска сотни людей и тысячи пудов их разнообразной клади. 26 июля 1811 г. якут Хадарской волости Батурусского улуса Наум Харитонов заключил контракт с иркутским купцом П. Местниковым на доставку из Якутска в Охотск в 1812 г. клади на 10 лошадях. За каждую лошадь он должен был получить по 22 руб. 29 июля того же года якут Хатылинской волости Батурусского же улуса В. Литвинцев обязался доставить из Якутска до Охотска в 1812 г. «разную товарную кладь» нежинского купца П. Березкина на 10 лошадях [86]. Так было во все время существования морских промыслов частных купцов и промышленников. Так продолжалось и дальше, когда развернулась деятельность Российско-Американской компании.

Якутские подрядчики обслуживали все перевозки и в обратном направлении: Охотск — Якутск. Это были якуты, доставившие груз и людей из Якутска в Охотск и при возвращении попутно бравшие новый груз. Якут Одейской волости Намского улуса Л. Корякин 13 августа 1811 г. в Охотске заключил контракт с великоустюжским мещанином А. Дудниковым на доставку в Якутск клади на своих четырех лошадях. Якуты Долдинской волости Мегинского улуса А. Шехурдин и А. Фадеев 27 июля 1812 г. обязались доставить в Якутск разной клади московского купца Жукова «сроком в 21 день»[87]. Много больше лошадей требовала перевозка компанейских грузов. В июне 1811 г. в Охотской конторе Российско-Американской компании подрядились доставить в Якутск вьюком компанейских пушных товаров: якуты Сыланской волости Батурусского улуса Ф. Крюков и Г. Варламов «на собственных 53 лошадях и своими рабочими людьми», якутский мещанин С. Бушков на 69 своих лошадях и своими же рабочими людьми. В сентябре того же 1811 г. в той же Охотской конторе заключили договор на доставку в Якутск компанейских пушных товаров на 38 лошадях якут Жексогонской волости Батурусского уезда В. Кривошапкин и якут Олтекской волости Борогонского улуса С. Нестеров. В июне 1812 г. обязались доставить в Якутск «чрез 23 сутки» компанейский пушной товар:

якуты Мелькахсинской волости Мегинского улуса Г. Сокольников и А. Чудинов на 22 лошадях, якуты Курбусахской волости Борогонского улуса Д. Вешников, Я. Федосеев, И. Черкалов, В. Дедюхин, Е. Охлопков, И. Порядин на 40 лошадях [88]. Важной статьей была и перевозка сотрудников компании. В августе 1811 г., например, якут Тулагинской волости Мегинского улуса обязался доставить в Якутск на 14 лошадях приказчиков компании. В июле 1812 г. якут Долдинского наслега Мегинского улуса П. Жирков подрядился перевезти в Якутск на 8 лошадях вдову покойного штурмана Е. Васильева Аграфену Акимову дочь [89].

Оседлые промышленники побережья Северного Ледовитого океана

Мы выше отметили, что основная масса промышленников на северо-востоке Сибири пребывала временно. Однако определенная их часть оставалась в Якутске на постоянное жительство, верстаясь в служилые люди, оседая на пашню, записываясь в посад и пополняя ряды гулящих людей. Оставались они и в пределах Полярного круга, где в конце XVII в. стали стягиваться к побережью Ледовитого океана, так как соболиные угодья опустошались, а верхние и средние течения северных рек были значительно беднее рыбой и дичью, чем низовья [90]. Власти стали их переводить в разряды тяглых людей — посадских и крестьян [91].

Так с конца XVIII в. появляются сведения о русских крестьянах и посадских людях, живших на побережье Северного Ледовитого океана в низовьях впадающих в него рек Оленька, Яны, Индигирки и Колымы. Правда, их здесь было очень немного. Русское население появляется и на Анадыре.

На Оленьке крестьянское поселение возникло на месте старинного Усть-Оленекского ясачного зимовья, поставленного в XVII в. на правом берегу устья Оленька, впадающего в одноименный залив моря Лаптевых.

Появление крестьян на этом месте было связано с ревизией 1795 г. В то время в устье Оленька проживало около 70 мещан. В 1797 г. Жиганский земский суд предписал им переселиться в Жиганск, объявив, что в округах

«при жительствах своих остаются одне крестьяне, а мещане все должны жительствовать при городах». Но мещане, не согласные переселяться на столь отдаленное место (более тысячи верст), в том же году подали прошение в Жиганский земский суд о разрешении им остаться на месте. При этом они ссылались на то, что на Оленьке «з давного времени, от прадедов», имеют «пропитание ловлею из рек рыбы, а на протчее содержание семейства чрез промысел полевых оленей и песцов, на что и заведены каждым по силе возможности немалыя по приличности песцовыя ловушки», что переселение их в Жиганск вызовет «отчаянное разорение», так как «каждой по известной бедности своей должен по выезде в город питаться мирским подаянием, коего по малоимению в Жиганске жителей и надеяться неможно, платы же кроме покупки другими промыслами достать совсем безнадежно». Поэтому они просили разрешения «переименоваться из мещан в крестьянское звание с тем, чтоб могли остаться при жилищах своих по-прежнему».

Это прошение через Жиганский земский суд попало в Иркутскую казенную палату. Последняя согласилась с доводами оленекских мещан, и в августе 1798 г. губернатор обратился в Сенат с ходатайством «о написании их в число крестьян». Вопрос был разрешен положительно, и оленекские мещане в самом конце XVIII в. были переведены в сословие крестьян [92].

В 1809 г. в Усть-Оленекском крестьянском обществе было 46 чел. мужского пола, т. е. около 90 чел. обоего пола [93]. В дальнейшем численность населения постепенно убывала. Так, в 1865 г. в обществе насчитывалось 58 чел., в том числе 27 мужчин и 31 женщина [94].

На р. Яне крестьянское поселение Усть-Янск выросло на месте Нижнеянского зимовья — второго пункта сбора ясака после Верхоянского зимовья. Оно стояло в низовьях Яны, на правом ее берегу, недалеко от моря. В конце XVIII в. в нем проживало около 20 крестьян, в 1810-х годах — около 40 [95]. Это число существенно не изменялось и в дальнейшем. Так, в 1863 г. в Усть-Янском крестьянском обществе числилось 26 ревизских душ, т. е. около 50 крестьян обоего пола [96].

На р. Индигирке в первой половине XVII в. возникло три ясачных зимовья. Из них Верхнеиндигирское зимовье (Зашиверское), в 1783—1805 гг. считавшееся горо-

дом и уездным центром, стало местом обитания русских мещан. В начале XIX в. мещане проживали и в других поселениях по р. Индигирке: Ожогинском — в 320 верстах ниже Зашиверска, на правом берегу; Русском Устье — на левом берегу Русско-Устьинской протоки реки, в 65 верстах ниже Аллаихи и в 80 верстах от моря; Усть-Елонском — в 2 верстах от Русского Устья и Едомском — на берегу Колымской протоки реки, в 70—80 верстах от моря. Крестьянами считались только жители Шанской деревни, находившейся ниже Ожогинска, на левом берегу реки, где в начале XIX в. проживало около 10 чел.[97] Впрочем, различие между крестьянами и мещанами было лишь формально-юридическое. На деле те и другие жили в одинаковых условиях, вели сходный образ жизни, занимаясь рыболовством и песцовым промыслом. Позднее шанские крестьяне были также переведены в сословие мещан, и таким образом индигирское русское население стало целиком мещанским. В первой половине XIX в. по берегам Индигирки возникло еще два новых мещанских поселения: Осениново и Шевелево. Все мещане были приписаны к г. Верхоянску.

На Колыме в 1640-х годах якутские казаки поставили три острожка: Верхнеколымский, Среднеколымский, Нижнеколымский. Из них Среднеколымский, с 1822 г. ставший центром обширного Колымского округа, населяли чиновники, казаки, духовные лица и мещане. Крестьян здесь не было. Только в дальних и ближних окрестностях Нижнеколымска, стоявшего в 120 верстах от моря, издавна стали жить мещане и крестьяне. В этом районе численность русского населения еще в 1762 г. достигла 900 чел.[98] В начале XIX в. поселения русских крестьян и мещан имелись на берегах Колымы выше и ниже острога и ее притоков Большого и Малого Анюя и Омолона [99]. Жители крестьянских деревень образовывали Нижнеколымское крестьянское общество. В 1806 г. в нем числилось 150 чел., в 1812 г.— 218. Мещан было больше [100]. В 1850-х годах в низовьях Колымы проживало около 750 чел. русского населения, в том числе крестьян — 144, мещан — 238 и военных — 286 [101].

На Анадыре русское селение Марково (на правом берегу р. Марковки, недалеко от ее впадения в среднее течение Анадыря) появилось в 1840-х годах. Оно было основано гижигинскими мещанами и крестьянами. В

1890-х годах здесь проживало более 300 русских и обруселых юкагиров и ламутов [102].

Русские жители Севера занимались только промыслами. Опыты хлебопашества и огородничества, проводившиеся в XIX — начале XX в. в бассейнах среднего и верхнего течения рек Яны, Индигирки, Колымы и Анадыря, не имели существенного хозяйственного значения. Рогатый скот и лошадей русские нигде не держали, так как жили по рекам, а луга были расположены по берегам озер. Только в Нижнеколымске и в селении Марково отдельные чиновники и мещане держали немного коров и лошадей. Разведение скота не практиковалось даже на средней Колыме, где якуты являлись скотоводами. Оленей имели только крестьяне и мещане, жившие в устьях Оленька, Яны и Индигирки, но лишь для транспортных нужд. Главными транспортными животными повсюду были ездовые собаки.

Первенствующее значение собаки определялось ее незаменимостью в условиях Севера в зимнее время. Во время езды по морскому льду, покрытому торосами, нельзя запрягать ни лошадей, ни оленей. Без собак нельзя сделать шага и по тундре. На собаках можно пробираться по таким местам, где не только нельзя проехать на оленях, но и трудно пешком пройти. Собаки отлично знают дорогу, они без труда отыскивают жилье и место отдыха в самую страшную вьюгу.

Основным занятием русских повсюду было рыболовство, так как северные реки, особенно в низовьях, богаты разнообразной ценной по питательным и вкусовым качествам рыбой: чиром, муксуном, омулем, нельмой, налимом и ряпушкой. Рыба служила основной пищей круглый год.

Главным сезоном лова рыбы являлись весна и лето. Это была горячая пора, когда все трудоспособное население выходило на лов, чтобы запастись на зиму пищей для себя и кормом для собак. Рыбу ловили в основном неводом. Немалую роль играли и сети, которые ставили на небольших речках и на удобных местах больших рек, предварительно перегородив их плетенками из таловых прутьев и оставив отверстие для сетей. С сентября по ноябрь и с марта по май практиковался подледный лов.

Рыбу не солили, так как не было ни соли, ни посуды. Ели ее в вареном виде без соли. Зимой любили строгани-

ну: с замороженной рыбы срезали тонкие ломтики и тотчас съедали. Кроме того, в любое время года ели много юколы — в виде закуски к чаю, заменявшей хлеб.

Важное значение имела охота, особенно на дикого оленя. Северный олень зиму проводит в лесотундре, лето — в тундре, около моря, где нет комаров и достаточно корма. Поэтому весной стада оленей устремляются на север, осенью же — обратно на юг. В эти два периода перекочевок оленей и охотились.

Охота была своеобразной. Оленей массами били во время переправы через реки, что красочно описано декабристом А. Бестужевым-Марлинским, отбывавшим якутскую ссылку. В «Рассказах о Сибири» он писал: «Зная время перекочевки оленей, все жители колымские и окрестных улусов собираются в берестяных лодочках, называемых ветками, к тому месту Колымы, где олени обыкновенно переплывают, и, следуя одной и той же тропинке, притаясь в траве, прилегши в лодках, ждут охотники добычу. На заре слышится топот бесчисленного стада... Вот ближе и ближе, передовой олень-вожак один сбегает к реке, робко озирается, слушает, фыркает, вдыхает ветер — все тихо и неподвижно. Не замечая опасности, он возвращается к стаду: это — знак переправы. Весело прыгают в воду олени, забросив рога на спину, и гордо плывут к другому берегу. Когда уже тысячи две в реке, ловцы с ужасным криком устремляются в средину, между тем как засада сзади препятствует остальным воротиться и спугивает всех в воду. Тут начинается побоище: ветки быстро охватывают стадо, отрезывают его от берегов и заставляют обратиться против течения. Самые удальцы врываются между оленей и колют их направо и налево небольшими копейцами близ заднего окорока — в печень или в легкие. Заколотые олени уносятся быстриною и нижние ветки плавят их к берегу; раненые выходят на песок и падают от изнеможения... Между тем течение сносит всю группу ниже и ниже, но бой продолжается с радостными восклицаниями и не всегда безопасно: иной олень, видя беду неминучую, ложится набок и так сильно брыкает задними ногами в ветку, что она опрокидывается; другие ловцы вывертываются сами от излишней запальчивости»[103]. Такой прием охоты на северного оленя был распространен повсюду.

Сезонный характер носила и охота на водоплавающую

дичь — гусей, лебедей и уток. Летом на берегу моря, в устьях рек, по их притокам, на островах, песчаных отмелях и в других местах ежегодно скоплялось огромное количество прилетных птиц. В конце мая — начале июня они вили гнезда и клали яйца, к концу июня — началу июля выводили птенцов. Во второй половине июля — первой половине августа линяли, лишаясь способности летать. Сообразно с этим и строилась охота. Главная охота происходила в сезон линьки. В остальное время немного дичи били луками и ружьями.

Линную дичь били во множестве. В водоемах, где водилась она, в вертикальном положении устанавливали невод длиной в 50 — 70 м и высотой около 1 м, растягивая его кругообразно на кольях и оставляя узкий проход для дичи. Затем охотники садились в ветки и, преградив дичи возможность к отступлению, гоняли ее взад и вперед до полного изнеможения. Когда птицы выбивались из сил, их окружали и, напирая на них лодками, загоняли в невод. Невод затем затягивали, и охотники, хватая птиц одну за другой, свертывали им шею и бросали на землю.

Русские промысловики эпизодически охотились на белого медведя и нерпу. На белого медведя охотились только в тех случаях, когда он устраивал берлогу на берегу моря, в сугробах снега. Его находили охотничьи собаки. Они раскапывали снег, и медведь набрасывался на них, высовывая голову или выскакивая наружу наполовину роста. В это время охотники стреляли в него из лука или ружья. На нерпу ставили сети против лунок на льду моря. Мясо шло на корм собакам, из шкур шили торбаза, штаны и шапки.

Русские охотились и на пушных зверей; ловили немного лисиц и горностаев, но главная охота была на песца — этого типичного представителя тундровой фауны. Он играл немалую роль в товарном доходе населения от Анабара до Анадыря. Его ловили пастями различных типов.

[1] *Павлов П. Н.* Вывоз пушнины из Сибири в XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965, вып. 1, с. 134; *Он же.* Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1973, с. 16; *Он же.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972, с. 74—104.

[2] Добычей мехов занимались не только промышленники, но и торговые люди, что и вынуждает нас промысловую деятельность последних рассматривать в данной главе.

3 *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии.— В кн.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953, с. 332—333.
4 *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якути в 40—60-х годах XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952
5 ЦГАДА, ф. 214, кн. 333, л. 75—192; ф. 1177, оп. 4, кн. 24 л. 370—480; кн. 192, л. 2—62; кн. 387, л. 178—298.
6 ЦГАДА, ф. 214, кн. 1245, л. 147—168; ф. 1177, оп. 4, кн. 749 л. 1—152; кн. 864, л. 107—190; кн. 1002, л. 123—174; кн. 1143 л. 1—16; кн. 1257, л. 2—27; кн. 1369, л. 103—142; кн. 1533 л. 68—98; кн. 1656, л. 1—24, 67—73.
7 ДАИ, т. VIII, с. 52.
8 Там же, т. VI, с. 402.
9 Там же, т. VII, с. 365.
10 Там же, т. VIII, с. 270.
11 АИ, т. V, с. 204.
12 Там же, с. 431.
13 *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии, с. 346.
14 ДАИ, т. VIII, с. 263.
15 См.: *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии, с. 346.
16 ЦГАДА, ф. 214, кн. 333, л. 75—192; ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480; кн. 192, л. 2—62; кн. 387, л. 178—298; кн. 749, л. 1—151.
17 *Селиверстов И. И.* Торги и промыслы русских в Якутии..., л. 124.
18 *Бахрушин С. В.* Покрута на соболиных промыслах XVII в.— Научные труды. М., 1955, т. III, ч. 1, с. 198—211; *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 86—91; Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882, кн. 1, с. 217—220; *Павлов П. Н.* Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в., с. 31—33.
19 ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, кн. 24, л. 370—480; кн. 192, л. 2—62; кн. 387, л. 178—298.
20 Там же, кн. 24, л. 370—480.
21 Там же, кн. 192, л. 2—62.
22 Там же, кн. 387, л. 178—298.
23 Там же, кн. 333, л. 75—192.
24 Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480.
25 Там же, кн. 192, л. 2—62.
26 Там же, кн. 387, л. 178—298.
27 Там же, кн. 333, л. 75—192.
28 *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии, с. 343.
29 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 387, л. 2—59.
30 *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 86.
31 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 387, л. 2—59; кн. 1369, л. 21—60; *Вилков О. Н.* Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968, вып. 3, с. 72.
32 КПМГЯ, с. 165.
33 АЮДР, т. III, с. 81.
34 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480.
35 Там же, кн. 192, л. 2—62.
36 Там же, кн. 387, л. 178—298.

[37] Там же, ф. 214, кн. 333, л. 75—192.
[38] Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 864, л. 107—190; кн. 1002, л. 123—174; кн. 1369, л. 103—142; ф. 214, кн. 1038, л. 43—55.
[39] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 85, 125, 126.
[40] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 192, л. 2—62.
[41] ДАИ, т. III, с. 173.
[42] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии... л. 133—134.
[43] *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии, с. 334.
[44] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480; кн. 387, л. 178—298; кн. 749, л. 1—151; кн. 864, л. 107—190; кн. 1002, л. 123—174; ф. 214, кн. 333, л. 75—192.
[45] Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 1143, л. 1—16; кн. 1369, л. 103—142.
[46] *Крашенинников С. П.* О соболином промысле.— В кн.: С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966, с. 158—170.
[47] *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии, с. 334.
[48] ДАИ, т. III, с. 214.
[49] ДАИ, т. III, с. 57.
[50] *Крашенинников С. П.* О соболином промысле, с. 171—172.
[51] ДАИ, т. III, с. 304.
[52] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: Сборник архивных материалов. Л., 1953, с. 193.
[53] ДАИ, т. III, с. 173.
[54] Там же, т. III, с. 308.
[55] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских и Якутии..., с. 137; *Павлов П. Н.* Вывоз пушнины из Сибири в XVII в., с. 136—137.
[56] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480.
[57] *Берх В.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823, с. 137, 143. Ленинградский историк Б. П. Полевой в статье «Главные задачи Первой камчатской экспедиции по замыслу Петра I» (Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1964, вып. II, с. 88—94) совершенно по-новому интерпретировал смысл инструкции Петра I, данной в 1725 г. В. Берингу. По его мнению, Петр I приказал Берингу плыть не на север, а на восток от Камчатки для возможного присоединения к России новых богатых промысловых районов Северной Америки. Рассуждения Б. П. Полевого кажутся хорошо обоснованными, и мы считаем, что исследователи, занимающиеся изучением истории Камчатских экспедиций В. Беринга, найдут в них полезные мысли.
[58] *Маракое С. В.* Природа и животный мир Командор. М., 1972, с. 47—63.
[59] Там же, с. 64—78.
[60] *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
[61] *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.
[62] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1506, оп. 1, д. 62, л. 7.
[63] *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909, с. 454.

64 *Паллас П. С.* О российских открытиях на морях между Азие и Америкой.— В кн.: Собрание сочинений, выбранных из меся цесловов на разные годы. СПб., 1790, ч. IV, с. 275—276.

65 *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторически очерк).— Морской сборник, СПб., 1869, т. IV, № 11/12, с. 44 *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй полови XVIII в., с. 107.

66 *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй полови XVIII в., с. 43—45, 105.

67 Там же, с. 54, 80—81, 115—116; *Федорова С. Г.* Русское насел ние Аляски и Калифорнии, с. 112.

68 *Гартвиг.* Природа и человек на Крайнем Севере. 2-е изд. М., 1866, с. 154.

69 *Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутски островов...; *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., с. 182—188.

70 *Сергеев М. А.* Советские острова Тихого океана. Л., 1938, с. 60.

71 *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., с. 127; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии, с. 104.

72 *Сергеев М. А.* Курильские острова. М., 1947, с. 117.

73 *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869, ч. II, с. 18.

74 Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948, с. 178—369.

75 ППСЗ, т. XXIV, № 18131, с. 725.

76 Там же, т. XXV, № 19030, с. 703—706.

77 *Полевой Б.* Григорий Шелихов «Колумб Росский». Магадан, 1960, с. 7—47; *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., с. 115—159.

78 *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861, ч. I; 1863, ч. II.

79 *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939.

80 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 141, л. 1—15.

81 Там же, ф. 1059, оп. 2, д. 117, л. 102—106.

82 Там же, ф. 1059, оп. 2, д. 117, л. 102—103; ф. 1520, оп. 1, д. 141, л. 1—2. Начиная с 1804 г. компания значительной части промышленников и мастеровых вместо «паев» (шкурами зверей) давала условленное по контрактам жалованье и продовольственный паек (*Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии, с. 141).

83 *Гартвиг.* Природа и человек на Крайнем Севере, с. 264. Бобровые струи — ценное ароматическое вещество, применявшееся в медицине (*Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии, с. 171).

84 *Сергеев М. А.* Советские острова Тихого океана, с. 61—63.

85 *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы, ч. V, с. 49—50.

86 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 2, д. 117, л. 14—15.

87 Там же, л. 39, 85.

88 Там же, л. 4—7, 46—47, 62, 64.

89 Там же, л. 40, 82.

90 *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, с. 61.

91 *Павлов П. Н.* Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири, XVII в., с. 25.

92 ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 1, л. 1—5.

93 Там же, ф. 8, оп. 1, д. 42, л. 39, 47—48; ААН СССР, ф. 161, оп. 1, д. 12, л. 4—5, 44.

94 *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, с. 101.

95 ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 42, л. 37—47; ф. 146, оп. 1, д. 50, л. 1; ф. 349, оп. 4, д. 19, л. 12.

96 Там же, ф. 146, оп. 1, д. 76, л. 1—2; д. 93, л. 10; д. 111, л. 5; д. 108, л. 4; д. 115, л. 1.

97 Там же, ф. 8, оп. 1, д. 42, л. 38—47; ф. 146, оп. 1, д. 35, л. 3.

98 *Богораз В. Г.* Русские на реке Колыме.— Жизнь, 1899, т. 4, с. 104.

99 *Геденштром М.* Описание берега Ледовитого моря между левым устьем Яны и Барановым камнем.— Сибирский вестник, СПб., 1823, № 2, с. 24.

100 ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 172, л. 33; ф. 10, оп. 1, д. 15, л. 2; ф. 53, оп. 1, д. 1, л. 5—12, 40—45.

101 *Аргентов М.* Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 г., и статистические сведения о Нижнеколымске 5—20 января 1850 г.— Записки СОРГО, 1857, кн. 3, с. 19—20.

102 *Гондатти Н.* Сведения о поселениях по Анадыру.— Записки Приамурского отдела ИРГО, Хабаровск, 1897, т. III, вып. 1, с. 71—110.

103 *Марлинский А.* Полн. собр. соч. 3-е изд. СПб., 1833. Ч. 1

Глава вторая

ТОРГОВЛЯ И ВКЛЮЧЕНИЕ КРАЯ В СИСТЕМУ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА

«»

Предварительные замечания

Производство торга, т. е. купля и продажа вещей, дав
выделилось в особый вид промысла. В истории Сибир
этот промысел сыграл важную роль. Вначале он был те
но связан с пушным промыслом. Отсюда и привившиес
в исторической литературе термины «торгово-промышле
ная колонизация», «промышленная колонизация», «то
говая колонизация». Выше мы только что закончил
подробный обзор различных аспектов первого вида кол
низации — промышленной. Теперь, следуя ходу об
ективного исторического процесса, необходимо перейт
к изучению сюжетов второго вида колонизации, тес
связанного с первым,— торговой. Но в начале — ря
замечаний предварительного характера, обусловленны
логикой научного мышления.

Сибирь — органическая часть России. Развитие е
производительных сил, экономики и культуры обуслов
ливалось уровнем развития самой России, страны, став
шей центром объединения окраин с различными этниче
скими образованиями. Понятно, что поэтому целесообразн
начать наше изложение с показа общего фона, с перво
причины — с состояния развития рынка в самой метро
полии.

Развитие рынка в Центральной России, как принят
считать в советской исторической литературе, проходи
ряд этапов. Бытуют понятия «окружной рынок», «област
ной рынок», «межобластной рынок», «всероссийски
рынок». Первый этап относят ко времени до образовани
централизованного Русского государства, когда в перио
феодальной раздробленности в силу низкого уровня ра
вития производительных сил торговые связи ограничива

лись пределами города и близлежащими селами и деревнями, т. е. округой данного города. Второй этап наступает примерно с XVI в. в связи со сложением политически единого государства и соответствовавшего ему начала объединения экономики страны. В этот период в условиях усиления территориального разделения труда, связанного с естественно-географическими условиями, складывались рынки, экономически связывавшие ряд городов и мест данной области, например Поморья с центром в Холмогорах, Среднего Поволжья с центром в Нижнем Новгороде, Новгородской земли с центром в Новгороде и т. д. В дальнейшем, во второй половине XVI в., с выделением районов, в которых получала преимущественное развитие какая-либо одна отрасль производства, появляются межобластные рынки и торговые связи, выходя за пределы данной области, охватывают уже ряд областей и, таким образом, складываются предпосылки всероссийского рынка — рынка, когда взаимными торговыми связями охватываются самые различные районы в масштабе всей страны в целом. Всероссийский рынок возникает, как пишет В. И. Ленин, в результате концентрирования «небольших местных рынков в один всероссийский»[1]. Появление его, обусловленное общим подъемом производительных сил в сельском хозяйстве, промышленности, производственной специализацией районов и углублением общественного разделения труда, относится к XVII в.[2], когда в Архангельске, Макарьевске близ Нижнего Новгорода, Свенске близ Брянска, Ирбитске появляются ярмарки всероссийского значения и когда Москва становится центром этого рынка. Завершение же процесса образования всероссийского рынка выходит за рамки XVII в., и указать точные хронологические его рамки представляется невозможным из-за недостаточной разработанности этого вопроса. Ясно одно, что это был длительный период, захвативший и первую половину XIX в., когда совершается постепенный переход к капиталистическим формам торговли.

Итак, окружной рынок до XVI в., областной — в XVI в. и всероссийский — с XVII в. Таковы примерные этапы прогрессивного развития торговли в метрополии. Разумеется, все это условно, ибо, как учил В. И. Ленин, любое определение, как бы оно ни было верно, никогда не может охватить всесторонних связей явления в его пол-

ном развитии и потому всегда условно и относительно[3]

Выходит, что присоединение Сибири к России нача лось еще в период господства в стране местных областн рынков, т. е. до образования всероссийского рынка. Дал нейшее продвижение русских на восток продолжало несколько десятилетий, пока они в середине XVII в. добрались до побережья Тихого океана. Поэтому знач тельная часть Сибири в состав России вошла одновреме но с формированием всероссийского рынка. И тольк Камчатка, Алеутские и Курильские острова, включенн в состав России в XVIII в., вошли в готовую систем сформировавшегося всероссийского рынка.

Следовательно, распространенное представление о том что Сибирь была включена в систему всероссийского рын ка, требует смыслового уточнения. Сибирь не была вклю чена в готовую систему всероссийского рынка как пассив ный объект! Нет! С одной стороны, она сама участвовал как активный субъект в его создании, в его формировании Значительная часть дорогих мехов, поддерживавши активность рынка, добывалась аборигенными жителями которые таким образом объективно выступали в рол активных творцов нового прогрессивного экономическог явления. С другой стороны, в самой Сибири еще до при хода русских издавна существовали свои рыночные связи послужившие благоприятной почвой для обменных свя зей в новых сложившихся условиях.

Последние имели место даже на северо-востоке Азии — в наиболее отсталой части Сибири. Здесь жили разны племена, находившие в окружавшей их природе «различ ные средства производства» и поэтому различавшиес «между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» и вследствие этого при сопри косновении производившие «взаимный обмен продукта ми»[4]. Явление это хорошо отражено в нашей литератур и не требует дополнительных изысканий [5]. Торговые свя зи, местами носившие регулярный характер, имелись меж ду якутами-скотоводами и тунгусами-оленеводами, а имен но: между олекминскими якутами и олекминскими тунгу сами, якутами центральной Якутии и вилюйскими тунгу сами, янскими якутами и зашиверско-индигирскими ла мутами. Якуты же вели торговлю с юкагирами Индигир ки и Колымы, а юкагиры в свою очередь — с анаулами и коряками. Коряки имели связи с охотскими тунгусами и

ламутами. Обменные связи установились даже с земледельческими племенами Даурии. Туда ездили олекминские и алданские тунгусы, их соплеменники с Охотского побережья и из Удского края. Это был межплеменной обмен, происходивший на границах расселения этнических образований. При этом поездки нередко совершались коллективно. Например, тунгусы для обмена прикочевывали к якутам целыми родами; то же делали и якуты. Обмен везде носил потребительский характер и продавались лишь излишки. Якуты сбывали скот, мясо, молочные продукты, орудия труда, предметы домашнего обихода и личного украшения из железа, меди и серебра; тунгусы — продукты оленеводства и шкуры пушных зверей; жители Даурии — хлеб, ткани, серебряные изделия и т. д. Следует заметить, что обменные отношения проникли и внутрь общин и вещи, превратившиеся в товары для внешних сношений, постепенно превращались в товары и во внутренней жизни самой общины [6]. Подобное явление наблюдалось прежде всего среди якутов, у которых скот обменивался на скот, на соболей, на меховые изделия и т. д.

С появлением в Сибири русского населения эти «туземные» рыночные связи не перестали существовать. Наоборот, они получили новый толчок для своего развития. В результате в Сибири постепенно создается свой областной рынок, влившийся во всероссийский. Его создателями были как местные аборигенные жители, так и русские насельники края.

Сибирь, выступавшая в качестве одного из активных компонентов в формировании всероссийского рынка, получила как источник дохода должную оценку со стороны царского правительства. Она была включена в ту таможенную систему, которая на Руси существовала со времен феодальной раздробленности. Сбор таможенных пошлин здесь начался почти с первых шагов ее присоединения к России [7]. В связи с этим на пограничных с Россией местах были поставлены таможенные заставы, а в уездах новой царской «вотчины» — таможенные избы и гостиные дворы во главе с таможенными головами и целовальниками. Повсеместная организация таможенной службы и распространение законодательства страны о рынке являются другим аспектом единства процессов, обусловивших формирование всероссийского рынка на громадной территории от западных рубежей России до Тихого океана.

Сибирский рынок в законодательстве феодальной России

Сибирь, хотя и была органической частью России, все-таки занимала особое положение в системе феодальной империи. Специфические условия этой страны к моменту ее присоединения к России в XVI—XVII вв., ее несметные пушные богатства в сочетании с отдаленностью и бездорожьем, потребность в организации добычи этой пушнины определили особый интерес царского правительства, олицетворявшего собой феодальное государство. Верховным собственником вновь приобретенных земель стало само государство, начавшее централизованную эксплуатацию богатств этих земель. В целях умножения взимаемой феодальной земельной ренты оно оберегало сибирские земли от захвата частными лицами. В результате здесь сложилось условное землепользование специфически «инородческого» и крестьянского характера. Местное население за пользование землей стало платить государству ясак (продуктовую ренту), крестьяне — десятинный и оброчный хлеб, позднее подушные и прочие налоги (ренту отработочную, продуктовую и денежную).

Огосударствление основного богатства края, каковым являлась земля, повлияло на все другие стороны жизни. Повлияло оно и на рыночное законодательство. Совершение торговых операций также стало важным объектом реализации государством своего права верховного собственника. Отсюда и возникновение ренты с торговли в виде многочисленных торговых и проезжих пошлин, которыми облагались те, чьими усилиями создавался рынок. Эта рента была значительно выше, чем в Центральной России, и удерживалась намного дольше, чем в метрополии. О номенклатуре различных пошлин, составлявших сущность этой ренты, мы вкратце рассказали в первом разделе первой главы настоящей работы. Кроме того, таможенной политике правительства в Сибири посвящены специальные работы А. Н. Копылова [8] и В. А. Александрова и Е. В. Чистяковой [9]. Она освещена и в капитальном исследовании О. Н. Вилкова [10]. Так что нет необходимости подробно разбирать вопросы, касающиеся таможенного законодательства.

Нас занимает другой аспект правительственной регламентации сибирской торговли, возникший с первых шагов

организации таможенной службы. Речь идет о стремлении правительства монополизировать в своих руках торговлю наиболее ценными видами пушных мехов. Уже в 1630-х годах в наказах таможенным головам предлагалось «самые добрые соболи и лисицы черные и чернобурые и бурые и бобры черные у кого объявятца у служилых и у торговых и у промышленных людей или у их покрученников на промыслу будут, и то все имати на государя», выплатив их хозяевам стоимость деньгами. Указы подобного рода посылались и в течение следующих десятилетий [11]. Однако в результате хищнического истребления зверей промышленниками, массовой скупки мехов торговыми людьми у местного населения и злоупотребления воевод и служилых людей поступление ясака в казну неуклонно падало. Это обстоятельство сильно беспокоило правительство и заставило его в конечном счете перейти к более решительным мерам, которые должны были резко увеличить доходы казны. Начало этим мерам положил боярский приговор от 29 октября 1696 г. «О продаже соболей и иной мягкой рухляди на деньги по ярлыкам»[12], которым была установлена продажа казенной пушнины на рынке и тем самым стеснена продажа мехов частными лицами. Завершение эти меры получили в именном указе от 22 марта 1697 г.[13], в котором писалось, что ясачная казна «в сборе и высылке к Москве учала перед прошлыми годами малиться», что в то же время воеводы, служилые и торговые люди своим воровством «многие соболи к Москве и в китайское государство и в иные места для мены и продажи посылали и сами в русские городы привозили и тем себя чрезмерно богатили». Чтобы впредь пресечь подобного рода явления, указ предписал служилым, торговым и всякого чина людям «соболей, пупков и подскоров и хвостов собольих и лисиц черных в сибирских городах не покупать и на товары не менять и в русские городы не высылать и самим не привозить и в китайское государство и ни в которые улусы и земли для продажи и мены не посылать и не возить». Если же у кого в русских городах впредь будут обнаружены означенные меха, их следовало «безденежно имать в его великого государя казну безповоротно», при повторном же обнаружении — конфисковать «все животы» виновного. Отныне соболи и лисицы черные следовало повсюду покупать в «одну великого государя казну» и «сбору и продаже в одной великого государя каз-

не быть». Частные лица для своих торговых целей, есл они того захотят, такие меха обязаны были покупат только у казны. Право же вольной покупки и продаж было сохранено лишь в отношении шкур менее ценны пушных зверей.

Так в 1697 г. была установлена государственная мон полия на покупку и продажу наиболее ценных видов си бирских мехов.

Правительство прилагало усилия к тому, чтобы в местах строго соблюдать установленные правила торговл Оно рассылало в сибирские уезды распоряжения и наказ с требованием строго учитывать товары приезжающи торговых людей и наблюдать за тем, чтобы они были пр даны в установленных местах и в установленные сроки И неизменно подчеркивалось, как в специальном нака воеводам от 1699 г., что торговать велено мягкой ру лядью «опричь соболиной рухляди и черных лисиц Только в 1710 г. была сделана небольшая уступка. 19 ян варя этого года в сибирские города была разослана цар ская грамота брать в казну соболей и лисиц только са мого высшего сорта (соболей ценой выше 100 руб. за со рок, лисиц — выше полтины за штуку), остальные ж меха было разрешено отдавать торговым людям, но с ус ловием, чтобы они были ими употреблены только «в ки тайский отпуск»[14].

Однако в дальнейшем правительство сочло нужны пересмотреть свое торговое законодательство. Объяснялос это рядом причин. Ясак считался одной из самых доход ных статей государственной казны по Сибири. Межд тем в 1730-х годах ежегодный его сбор иногда не доходи до 100 тыс. руб. А годовой оклад жалованья служилы людей деньгами и провиантом составлял около 136 тыс. руб Выходит, что сумма собираемого ясака не пок рывала даже расходы по управлению самой Сибири [1 В то же время ясачное население беднело. Его недоимк во взносе ясака катастрофически росли, что являлос следствием не только истощения промысловых угодий но и лихоимства сборщиков ясака. По свидетельств очевидцев, сборщики ясака в якутских улусах от населе ния брали «подарки». Львиную его долю получал ко миссар, возглавлявший отряд сборщиков. Столько ж брал писарь, чуть меньше — толмач и целовальник, з ними казаки — уже «на артель». Если у кого не был

и поживиться, у них брали «жен и их взрослых детей работу. Еще же отнимают у них сети, топоры, пальмы, дки, луки и стрелы, а иногда и платье с плеч хватают побоями на правеже в их юртах тайно вымучивают»[16]. едовало поэтому принять новые меры, которые бы, одной стороны, ограничили произвол ясачных сборщиков, а с другой — способствовали развитию торговли увеличили доходы казны. Первая задача была «решена» изданием ряда новых указов, целью которых являлось пресечение своеволия служилых людей. Решение второй задачи правительство видело в отмене государственной монополии на соболя и черную лисицу и в объявлении вольной торговли сибирскими мехами всех видов. Поэтому 26 июня 1727 г. был издан именной указ «О дозволении вольной торговли сибирскими соболями и другими заповедными товарами»[17]. Указ, отменив казенную монополию и объявив «вольный торг», вдвое повысил «для государственной пользы» и «чтобы пошлинный сбор множился» размеры взимаемых с мягкой рухляди торговых пошлин. С другой стороны, было объявлено право местных жителей на свободное обращение с добытыми ими мехами, в том числе собольими и лисьими. Последние их могли сбывать как им хочется: сдать в ясак или продать кому угодно на сторону.

Все эти меры по замыслу законодателей должны были привести к развитию сибирской торговли мехами и через то к умножению доходов казны. Полагали, что ежегодно можно будет получать значительно больше таможенных пошлин и ясака.

Однако действительность заставляла правительство вносить коррективы в пункты указа 1727 г. Дело в том, что ясачные сборщики принимали в казну пушнину обычно по более низкой цене, чем купцы. Поэтому ясачные предпочитали продавать соболей и лисиц купцам. В результате главным обладателем дорогой пушнины постепенно становилась не казна, а частные торговцы. Это обстоятельство вынудило Иркутскую провинциальную канцелярию уже 6 октября 1731 г. послать якутскому воеводе указ с предписанием, чтобы торговые и прочих чинов люди покупали мягкую рухлядь только в городах и в тех волостях, где имеются таможни, но чтобы они ни под каким видом не ездили в якутские волости, так как продажей водки, табака и других товаров

на пушнину они чинят «великий недобор» в ясаке и
линах [18]. Через несколько месяцев, 21 января 173
та же канцелярия предписала якутскому воеводе не
менять статьи указа 1727 г. и ясак «брать в казну
прежнему соболями», так как в Якутии «зверя дово
и только «за леностью своею не хотят промышлят
10 мая 1734 г. Сибирская губернская канцелярия р
рядилась, чтобы якутские воеводы учинили «заказ
крепко, чтоб ясашные люди лисицы черные и черно
и бурые и песцы черные и голубые объявляли в каз
имп. величества, а на сторону б никому не прода
и ни на что не меняли»[20]. 12 ноября 1739 г. Анна Иван
именным указом строжайше запретила торговлю за
щенными товарами и мягкой рухлядью не только в
бири, но и по всей стране [21]. 1 февраля 1740 г. Сенат
нял решение «О неторговании в Сибирской губерни
деревням приезжим и тамошним купцам мяхкою
лядью и о покупке в городах лучшей мяхкой рух
в казну»[22]. Сенат этим решением подтвердил пре
наказы сибирским губернаторам о том, чтобы торг
мехами происходила только в городах в гостиных
рах и на торгах, и о том, чтобы никто для покупки
кой рухляди в деревни и улусы ясачных народов н
дил.

Таким образом, указ от 26 июня 1727 г. о вол
торговле сибирскими мехами был существенно пере
рен. Ряд последовавших указов и распоряжений с
ограничил частную торговлю. Купцам следовало т
вать только на городских рынках и нельзя было ез
к ясачному населению. Более того, население време
лишалось права продажи на сторону соболей и че
лисиц. Все это приводило некоторых исследоват
к выводу, «что указ 26 июня 1727 г. остался на бу
Казенная монополия на пушнину фактически не
нялась вплоть до 1750-х годов»[23]. Однако такое утвер
ние слишком категорично. Речь должна идти то
о постепенном возвращении к порядкам, существова
до 1727 г.

Так продолжалось до 17 октября 1752 г., когда
издан указ Сената «О непропуске за границу мя
рухляди чернобурых и седых лисиц под опасением
фискации сих товаров»[24]. Хотя этот указ был напра
прежде всего против вывоза ценной пушнины за гран

ı в то же время вновь узаконил порядок, согласно ко-
рому ценные меха следовало сдавать только в казну и,
ким образом, снова восстановил в полном объеме го-
дарственную монополию, отмененную было в 1727 г.
Новый указ действовал около 10 лет, до воцарения
катерины II. Последняя, чувствуя шаткость своего по-
жения, при вступлении на престол поспешила удовлет-
рить некоторые требования представителей господст-
ющих классов. Она издала ряд указов и манифестов
среди них указ о запрещении монополий от 31 июля
02 г.[25] Этим указом ликвидировались привилегии ком-
ний и провозглашался принцип полной свободы тор-
вли в стране. Впоследствии в правительственных кру-
х стали понимать этот указ в качестве законодательного
та, санкционировавшего принцип неограниченной сво-
ды торговли [26]. В нем не было специального упомина-
я о пушной торговле, однако сила его влияния чувст-
валась повсюду. Исследователи свидетельствуют, что
рговля пушниной стала фактически свободной уже
1760-х годах [27]. Правда, торговать пушниной разреша-
сь только во время ярмарок и лишь в местах их прове-
ния. Это вызывалось интересами обеспечения своевре-
нного взимания ясака с местного населения. «Устав
управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.[28] ликвиди-
вал и это ограничение. Его 46-й параграф разрешил
чевым народам Сибири свободно торговать всеми при-
сами и изделиями «во всякое время».

Так обстояло дело с политикой правительства относи-
льно монополизации торговли наиболее ценными ви-
ми пушно-мехового сырья.

Верховный собственник сибирских земель не ограни-
лся этими мерами. Будучи заинтересован в исправном
имании ясака, он запретил воеводам, дьякам, подьячим,
моженным головам и всем приказным людям вести тор-
влю с местным населением (поскольку они находятся
а государеве службе, а не для свого торгового промы-
у»). То же распространялось и на их «знакомцев и свой-
венников». В 1699 г. верхотурским воеводам, где была
става, предписывалось обыскивать «животы» всех при-
жающих из Сибири воевод и других начальствующих
ц и их родственников и в случае обнаружения соболей
других мехов безоговорочно их «имать и присылать
Москве»[29]. В 1734 г. Сибирская губернская канцелярия

предписала якутскому воеводе Заборовскому, «буд ему в городе Якуцке воеводою, собольим и иною ника мяхкою рухлядью и хлебными запасы и вином и н кими товары не торговать и детям и племянником и дям ево торговать не велеть»[30].

Торговать запрещалось и рядовым служилым лю В наказных памятях XVII в., выдававшихся из Си ского приказа вновь назначенным воеводам, напом лось о том, чтобы сборщики ясака при выезде в ул «иноземцев» не брали с собой своих товаров и не то вали ими, не выменивали на мягкую рухлядь. Незак приобретенная пушнина подлежала конфискации. еводы в свою очередь о том же писали в наказных п тях, которыми снабжали каждого, кто выезжал для с ясака. В ясачные волости «русских товаров и табак возить и с иноземцы не торговати же, и мяхкой рух никакой у них не покупать», писали они. Однако эта литика проводилась непоследовательно. Вскоре рядо казакам разрешили покупку небольшого количества хов на «свои запасишки». Потом опять запретили. В 16 Сибирский приказ предписал воеводам отбирать у я ных сборщиков всю мягкую рухлядь «для того, что и указу великих государей велено ясак збирать на вели государей с радением, а самим товаров с собою в яса волости не возить и не торговать и ничем не корыст тьца». Но это правило действовало до 1698 г., когда чным сборщикам вновь разрешили брать с собой для мена на мягкую рухлядь товаров в дальних города 30 руб., в ближних — на 10 руб.[31] Впоследствии торг связи с местным населением опять запретили. Так, в струкции якутскому сотнику В. Кривошапкину о я ном сборе, данной из Якутской воеводской канцеля в 1752 г., предписывалось, ссылаясь на указ Иркутс провинциальной канцелярии от 1731 г., чтобы служи в ясачные волости «никаких своих товаров с собою имали с ясачными вином и товары никакими на мях рухлядь не торговали и не меняли и соболей и ли и иной всякой мяхкой рухляди у ясачных людей не купали и не выменивали». Все меха, приобретенные ким путем, подлежали полной конфискации, а нару телей следовало «жестоко истязать»[32].

Все эти установления в общих чертах действов и в первой половине XIX в. В «Уставе об управле

инородцев» 1822 г. писалось: «Торговля с кочующими служащим в той же губернии чиновникам, под каким бы то предлогом и видом не было, запрещается»[33].

Другой аспект законодательства феодальной России — это ограничение ассортимента товаров в торговле с ясачным населением. Из обмена были изъяты порох, свинец, ружья, бердыши, сабли, копья, пальмы, панцири, латы, шишаки, наручники, т. е. боеприпасы, оружие всех видов и защитные приспособления. Строжайше запрещалась продажа ясачному населению не только ножей, топоров и пил, но даже и конских сбруй. Все они назывались «заповедными товарами». Московское правительство в своих многочисленных наказах предписывало воеводам сибирских городов «осматривать и обыскивать накрепко» товары торговых и промышленных людей, чтобы они не возили с собой «заповедных товаров» и не торговали с иноземцами [34].

Список «заповедных товаров» с течением времени сужался. В наказах конца XVII в. в числе запрещенных товаров фигурируют вино и табак. Запрещенными они были и в XVIII в.[35] В дальнейшем снимается запрет с продажи табачных изделий. Но «горячие напитки» продавать местному населению, как и раньше, было нельзя. И это было узаконено 46-м пунктом «Устава об управлении инородцев» 1822 г.[36]

Наконец, еще об одной регламентации сибирской торговли. Уже в 1697 г. Посольский приказ, ведавший тогда сибирскими делами, предписывал воеводам не отпускать торговых и промышленных людей в ясачные зимовья до окончания сбора ясака [37]. Мера эта, призванная оградить интересы казны в сборе ясака, являлась действующим актом законодательства в течение всего изучаемого нами времени, т. е. вплоть до первой половины XIX в. включительно. По смыслу многочисленных законов, указов и предписаний пушнину следовало обменивать только после полного внесения ясака. Пушнина, приобретенная «преже государева ясачного сбору», подлежала конфискации.

Поэтому в целях полного сбора таможенных пошлин торговля с ясачными разрешалась в гостиных дворах, на глазах у таможенной администрации, а «в юртах и по речкам» запрещалась под угрозой конфискации имущества и даже иногда смертной казни. Сибирская таможен-

ная уставная грамота 1646 г. предписывала воеводам
и таможенным головам оповещать через бирючей торго
вых, промышленных и всяких чинов людей, «чтоб он
меж городов с ясачными людьми никакие товары не тор
говали и мяхкие рухляди у них не покупали; а торговал
б в городах после ясачного збору на гостиных двора
по-прежнему, чтоб в том таможенная пошлина не теря
лась»[38]. В строгом соответствии с этими установлениям
действовали и якутские воеводы. К примеру, можн
сослаться на память якутского воеводы М. Кровков
якутскому таможенному и заставному голове Л. Пота
пову от 1685 г. Кровков напоминает Потапову, что тор
говля с ясачными разрешается только после внесени
ими ясака и лишь «в Ленском Якутцком остроге на гос
тином дворе, а не на жилецких дворах». Поэтому предла
гает ему «беречь накрепко, чтоб торговые и промышлен
ные проезжие и служилые и посадские и всякие люд
мимо того места, где собирается великого государя та
моженная и всякая и десятая пошлина на Лене по воло
стям и по зимовьям и по юртам русскими своими товар
и хлебными запасы ни с какими людьми не торговали
а торг вели тут, где сбирается великого государя тамо
женная пошлина»[39]. Об этом же много говорилось и
XVIII в. Иркутская провинциальная канцелярия в испол
нение указа Сената в 1740 г. предписала воеводам своег
ведомства, чтобы «наикрепчайше запретили» купцам ез
дить в деревни и улусы ясачных народов и разрешил
им торговать только в «городах на гостиных дворах и н
торгах»[40].

Регламентация места проведения торговых операций
сохранялась и после указа Екатерины II 1762 г. о сво
боде торговли. В «Положении» Иркутского губернатор
Трескина от 1812 г. писалось, что «всякий иноверец, при
везший в город и в другое место, кроме ярмонки, рух
лядь, лишается оной и подвергается сверх того наказа
нию, как продавец потаенных товаров». Половина рек
визированной пушнины отдавалась в казну, другая по
ловина — доносчику [41]. Эти строгости были отменен
только в 1822 г., когда «Устав об управлении инородцев
разрешил коренным жителям продавать свои товары «во
всякое время».

Таким образом, законодательство феодальной России,
с одной стороны, лишило целые группы населения (слу-

жилых чиновников) права участвовать в торговле, с другой — временами ограничивало ассортимент товаров в торговле с ясачными и изымало из рынка ценные меха и, наконец, ограничивало время и место проведения торговли. Как эти установления отразились на состоянии рынка северо-востока Азии, какое значение они имели в реальной истории торгово-экономических связей? Нам представляется, что изучение сибирского рынка должно идти в направлении ответа именно на эти конкретные вопросы. Простое перечисление ассортимента и количества обращавшихся на рынке товаров, указание суммы оборота ярмарок и т. д., которые мы часто находим в литературе, не дают конкретного представления о степени развития рынка и его влияния на хозяйство и быт населения.

Реальная сила законодательных актов

Многие исследователи склонны преувеличивать влияние правительственных установлений на состояние сибирского рынка. Не без их влияния якутский историк П. С. Софронеев недавно писал, что эти установления «сильно тормозили развитие частной торговли»[42].

Однако внимательное изучение фактического положения дел приводит к другим выводам. Слов нет, что торговля, особенно с местным населением, была обставлена многими придирчивыми ограничениями. Причем дело не ограничивалось принятием одних законов, рассылкой указов и распоряжений в уездные центры. Принимались и практические меры для их реализации. Статьи законов доводились до каждого. О них хорошо знали не только приказные воеводских канцелярий и служилые чины, но и торговые и промышленные люди. Приказчики острогов, острожков и зимовий по мере надобности проводили «сыск торговых людей для заповедных товаров», спрашивали, кого считали нужным, «по своей непорочной евангельской заповеди в правду» об их прегрешениях [43]. Виновных наказывали, как велели статьи закона. В 1651 г., например, якутский воевода Д. Францбеков отобрал у торговых и промышленных людей на государя по извету промышленника Ю. Селиверстова «иноземского промыслу» 522 соболя [44]. Это была так называемая пен-

ная рухлядь, ею считалась любая конфискованная при нарушении правил торговли пушнина.

Вместе с тем эти санкции мало на кого действовали. Торговые и иных чинов люди постоянно нарушали государственную заповедь и почти беспрепятственно контрабандным путем торговали «всякими заповедными товары». Об этом свидетельствуют преамбулы подавляющего большинства упомянутых выше законодательных актов касательно сибирского рынка. В них часто повторялось, что торговые и прочих чинов люди, разъезжая в волости, продают водку, табак и другие товары и тем чинят «великий недобор» в ясаке и пошлинах, что воеводы, служилые и торговые люди покупают от местного населения воровством многие соболи и тем «себя чрезмерно богатили».

В целях конкретизации этого общего положения приведем некоторые факты. Около 200 якутских служилых людей в 1649 г. подали воеводе Д. Францбекову изветную челобитную о злоупотреблениях торговых людей. В ней они писали: «Торговые и прикащики и люди их посылают с Ленского Илимского волоку и с Якутцкого острогу на соболинные промыслы покрученников своих со всякими заповедными товары и хлебными запасы для торгу и промены иноземцы, не отъявяся в съезжей избе и в таможнях без подписных челобитных и без проезжих грамот, и садятся около ясачных зимовей и ясачных и неясачных людей иноземцев преж твоего государева ясачного збору оторговывают. И те, государь, купленные соболи и всякую рухлядь они торговые объявливают и сказывают в таможнях своего промыслу»[45]. Более того, однажды осмелевшие торговые люди прямо заявили Францбекову, что впредь «торговым людям на отъявку с русскими товары и с мяхкою рухлядью в съезжую избу не бывать и промышленных людей с мяхкою рухлядью не посылывать»[46].

Уже эти штрихи говорят о том, чего стоили на деле в условиях Сибири московские указы. Возьмем другой и не менее яркий факт. Приказчик Верхнеколымского зимовья казачий пятидесятник Г. Цыпандин в январе, июне и июле 1681 г. в различных пунктах своего ведомства расспрашивал торговых и служилых людей и юкагиров о торговле запрещенными товарами. При допросе многие служилые люди признались, что «де они грешные

люди» и продавали юкагирам табак, а юкагиры Каляшка, Кабалак, Лебо, Чючюйко, Карыпка «с своими родниками сказали по своей вере и шерте», что торговые люди продавали им на соболи и лисицы топоры, ножи и пальмы (за пальмы юкагиры давали по соболю, за ножи — по лисице)[47].

Нарушение установленных порядков приняло настолько систематический характер, что неофициальные лица не считались даже со строгими запретами, связанными с объявлением государственной монополии на ценные меха. «Я наипаче видел,— писал в 1730-х годах Г. Ф. Миллер,— что российские купцы из Якуцка не только в ближайшие остроги и зимовья, но и в самое дальное место в Анадырский острог для купечества ездили и с великою прибылью назад возвращались. Они должны токмо употреблять осторожность, чтоб с казаками дружески обходиться, дабы в торгу не учинили препятствие»[48].

Донесение зашиверского городничего Неймана от 1800 г. отражает бесполезность указов о проведении торговых операций во время ярмарок и только в местах их проведения. Нейман доносил, что купцы Горохов, Кондаков, Свинобоев, Сыроватский, Сухомясов и другие приезжают в жилища иноверцев, «минуя город проселочными дорогами», и производят «вымен на зверя еще до взносу в казну ясака», что поэтому «в казну взнос происходит большей частью деньгами, а не зверем»[49].

Подобных фактов можно было бы привести много. Но нам думается, что уже приведенных примеров достаточно для того, чтобы высказать свое мнение относительно реальной силы принимаемых законодательных актов в условиях отдаленного северо-востока Азии. Кажется, что сила эта была минимальной и при всем старании вышестоящих органов власти их установления больше оставались на бумаге. «Глас вопиющего в пустыне»— вот где можно употребить это выражение. Высокое начальство шлет указы, кричит, угрожает. Но это мало или почти не доходит до отдаленных «инородческих» волостей и улусов Якутии, Охотского побережья, Чукотки и Камчатки, где жизнь течет по-своему. Волости эти и улусы, как правило, были обширны и малонаселенны, труднодоступны и суровы. До них было трудно добраться служилым чинам. Да их и не было столько, чтобы везде и

всегда бывать и досматривать. Отсюда и воля торговцу, и нерегламентированный обмен. Поди и найди, где что было, и разберись.

Да и моральные качества служилых чинов были невысоки. В нашей литературе немало написано об их злоупотреблениях, лихоимствах и взятках. Даже Г. Ф. Миллер, занятый делами академической экспедиции, успел заметить ту сторону их деятельности, которая интересует нас в данный момент: купцы ездят по улусам якутов и стойбищам эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей и коряков, возят с собой среди прочих и «заповедные товары», знают, что если попадутся в руки приказных людей, то сумеют с ними договориться. И действительно, в большинстве случаев договаривались и отделывались «посулами». Что же говорить о рядовых служилых людях, когда «великого государя казной корыстовались» сами воеводы. Они получали со всех, с кого можно, взятки во всевозможных формах и совершали множество незаконных афер, они брали у местных жителей «насильством соболи и скот и кони добрые». Они были в числе не последних, кто торговал запрещенными товарами. То, что воевода М. С. Лодыженский в 1655 г. отпускал на Индигирку и Колыму для продажи в числе прочих товаров и вино [50], далеко не единичный случай. Словом, люди, облеченные большой властью для ограждения интересов государства, сами не оказывались на высоте положения. «Сами воровали и ворам потакали»,— говорили про них служилые люди [51]. И совершенно справедливо. Раз воровали сами высокопоставленные лица, то воровали, на них глядя, и их подчиненные.

Формы и характер торговли до возникновения ярмарок

На северо-востоке Азии ярмарки стали появляться начиная с 1760-х годов. Они ознаменовали в какой-то мере наступление нового этапа в развитии товарно-денежных отношений. Следовательно, есть необходимость в отдельном рассмотрении форм и характера торговли до возникновения ярмарок.

Торговля, как известно,— движение товаров из сферы производства в сферу потребления. Северо-восток Азии в этом отношении имеет своеобразие. Местное производ-

ство предметов потребления здесь было слабо развито в течение всего изучаемого периода. Приходилось поэтому привозить почти все: ткани, одежду, посуду и другие бытовые предметы, разные инструменты, земледельческие орудия, охотничье снаряжение, предметы культа и украшения, железо и драгоценные металлы «не в деле», хлеб, овощи, фрукты, вино, кондитерские изделия, пряности и др. Привозить издалека, за многие тысячи верст, преодолев не только таможенные барьеры, но и бездорожье, не считаясь со временем и трудами, потраченными в пути. Разумеется, в расчете не просто на выгоду (этим сказано слишком мало), а на выгоду, которая бы с лихвой окупала все расходы и труды по многотрудной доставке товаров.

Эти товары доставляли в первую очередь торговые люди. Кроме того, в годы охотничьей лихорадки их привозили и промышленники, которые почти все ввиду выгодности сделок в какой-то мере занимались торговлей, правда, в несравненно меньших размерах, чем торговые люди.

Возникает вопрос: сколько их приезжало? Из Якутской таможни в разные концы края было отпущено в 1641 г. для одной торговли — 12 чел., на соболиные промыслы и для торговли — 80 чел., на соболиный промысел — 453 чел.; в 1645 г. — соответственно 4, 65 и 477 чел. и, кроме того, на соболиный промысел и на рыбную ловлю — 60, для одной рыбной ловли — 37 чел.; в июне-июле 1650 г. — соответственно 0, 69, 141 чел. и на соболиный промысел и рыбную ловлю — 37 чел.; в 1655 г. на соболиный промысел и торговлю — 26 чел., на соболиный промысел — 195 чел.; в 1660 г. на промысел и для торговли — 55 чел., на соболиный промысел — 140 чел., на соболиный промысел и рыбную ловлю — 4 чел. и на одну рыбную ловлю — 1 чел.[52]

Таким образом, в конце 1630-х — начале 1640-х годов из Якутского острога в районы проживания местного населения специально для торговли, надо полагать, выезжало до 100 чел., во второй половине 1640—1650-х годах — до 70 чел. Подавляющее их большинство торговую деятельность сочетало, как правило, с промышленной, поскольку это сулило больше выгод. Кроме того, мелочной торговлей занимались и те, кто выезжал просто на промысел.

Со второй половины 1660-х годов из-за хищнического истребления пушных зверей приезд промышленных людей резко сокращается, а впоследствии вовсе прекращается. По этой же причине сокращается и число приезжающих торговых людей. Так, например, в 1690 г. прибыло в Якутск 11 торговых людей, в 1695 г.— 8, в 1700 г. «явили» здесь мягкой рухляди 7 торговых людей[53].

Они приезжали главным образом из уездов Европейской России, преимущественно Поморья. Якутские таможенные книги об этом говорят совершенно ясно. В 1660 г. отпущено из Якутска после совершения торговых операций на Русь 28 торговых людей, в Тобольск — 1, в Енисейск — 4, в Илимск — 3. Так же обстояло дело и в течение следующих десятилетий. В 1665 г. в Россию отпущено 25 торговых людей, в Тобольск — 1, в Илимск — 1 и в Чечуйский острог — 1[54]. В 1670 г. в те же места отпущено соответственно 25, 1, 2, 1 торговый человек и в Енисейский острог — 1[55]. Количественное преобладание купцов российского происхождения сохраняется и в 1680—1690-х годах, но с той разницей, что оно перестает быть столь резким, как в предыдущие десятилетия[56].

Русские купцы добирались до Лены, преодолев огромное расстояние. На многотрудную дорогу уходило два года. Но это не останавливало их. Многие из них, наиболее богатые, северо-восток Азии превратили даже в сферу своего постоянного действия. В 1654 г., например, в Якутском остроге свои постоянные лавки имели 20 торговых людей, в том числе гость Вас. Запись имел 3 лавки, гость Кирилл Босой — 2, гость Вас. Шорин — 2. Лавки имели даже некоторые промышленные люди (5 чел.)[57]. К 1659 г. лавок Вас. Записи стало 4, Кирилла Босого — 3. Сохранились и лавки Вас. Шорина. Всего в этом году в Якутске лавки имели 21 торговый человек и 3 промышленника. В основном это были те же люди, что и в 1654 г., среди них известные торговые люди Матюшка Ворыпаев, Микитка Агапитов, Ив. Сверчков, Тихонко Колупаев[58]. Многие из них через своих приказчиков и лавочных сидельцев торговлю в пределах Якутского уезда вели в течение даже нескольких десятилетий, сочетая ее с соболиными промыслами, используя труд покрученников. Торговлей наряду с ними продолжали заниматься отдельные промышленники и, кроме того, некоторые представители приезжего служилого населения.

Развитие производительных сил, экономики и культуры Сибири в дальнейшем неизбежно должно было отразиться на составе этих представителей нарождавшегося торгового капитала. Среди них все большее значение начинают приобретать купцы уже самой Сибири, ее городов, т. е. в известном смысле свои местные богачи и влиятельные люди, выступавшие конкурентами российских купцов в завоевании рынка северо-восточной Азии. С течением времени они выходят победителями в этой борьбе. Купцов из Европейской России приезжает все меньше и меньше. Причиной тому были не столько даль и бездорожье и связанные с ними издержки, сколько резкое падение соболиной торговли, ранее расцветавшей. Правда, наиболее предприимчивые из российских купцов, особенно поморских городов (Архангельска, Вологды, Устюга Великого и др.), редко и центральнороссийских (Москвы, Тулы и др.), потребности которых удовлетворяли и не соболи, а, например, лисицы, белки, горностаи, все еще продолжали приезжать в Якутск и в другие места северо-востока Азии. Однако тон задавали не они, а купцы сибирских городов, ежегодно приплывавшие «водою судами и прочими мелкими лотками» из Иркутска и Енисейска. За ними, как бы в поддержку их усилий по завоеванию рынка, со своими товарами шли разбогатевшие представители сибирских служилых людей из городов Тобольска, Енисейска, Иркутска, Нерчинска, Селенгинска, Удинска и др. [59] С 1720-х годов в это движение подключились зажиточные крестьяне верхнеленских волостей, ежегодно на барках, паузках и плотах доставлявшие хлеб в Якутск. В 1767 г. в Якутск, например, пришло 39 крестьянских судов с 79 тыс. пудов хлеба [60].

Все они, т. е. купцы и российские, и сибирские, и прочие частные торговцы, являлись теми конкретными субъектами, через посредство которых была протянута прочная нить непосредственных экономических связей метрополии с отдаленной окраиной, нить, постепенно превратившая эту окраину в органическую часть России.

Они привозили много разнообразных товаров, в XVII в., например, двухсот с лишним наименований. Среди них важное место занимали продукты питания: мука ржаная, ячневая и рисовая, крупа ячневая и овсяная, толокно, сало, рыбий жир, сахар, мед (для браги), хмель (для кваса и пива) и др. Изделия русского кустарного промысла были

представлены сермяжным сукном, холстами разных видо (тонкими и толстыми, широкими и узкими, гладки и грубыми), крашениной портишной, лазоревой, тру чатой и т. д., предметами одежды (рубашками, штана шубами, кафтанами, зипунами, часто с художественн отделкой —«строченные и вышитые шелком», «вышит золотом», «с шелковыми нашивками» и т. д.), обувью ра ных видов и назначений (сапогами и башмаками саф яновыми мужскими, женскими и детскими, «телятинны и бараньими, чирками, уледницами, лыжными), бел и красной дубленой и сыромятной кожей, головными уб рами, в том числе шапками атласными и тафтяны «с пухом козлячим», галантерейными товарами (завеса кушаками и поясами разными, венцами, нашивкам шнурками, подвязками ременными, гребешками кост ными, зеркалами, серьгами серебряными и медными, же чугами и ожерельями, наручниками медными, перстня медными «со ставками серебряными»), посудой, главн образом медными котлами для варки пищи «с дуга железными», ковшами и сковородками, хозяйственны товарами (мылом простым и «сладким», восковыми св чами, ножами, замками и т. д.), бакалеей, канцеля скими принадлежностями (бумагой писчей, чернильн цами медными), предметами религиозного культа (ик нами, нательными крестами, ладаном, церковной литер турой), судовой снастью, охотничьими и рыболовны снастями (сетями, неводами, пряжей, бечевой, сума переметными, топорами, пешнями, обметами собольим луками вычегодскими, лыжами, камусами лосиным оленьими и конскими). Торговцы привозили оружие боеприпасы (пищали, винтовки, «трещетки самопальные свинцовые пульки, порох, дробь, «петли и замки сам пальные», огниво, натруски и т. д.), а также сельскох зяйственный инвентарь (сошники и ральники, косы-гор буши, пилы, седла, подхомутники, шлеи однородные двойные, узды ременные, гужи сыромятные). Особо место занимали товары «на иноземную руку»: бисер круп ный, разноцветный, одекуй синий и белый, колокольчик медные. На северо-восток Азии попадали и товары запад ноевропейского происхождения, правда в незначительно количестве (сукна разных сортов, в том числе «английс кое», «амбурское», «литовское», шелк, бархат, атласы т. д.), а также товары иранского, индийского, турецког

и бухарского происхождения, преимущественно шелковые, шерстяные и бумажные ткани разных сортов и названий[61].

Состав привозимых в XVIII в. товаров существенно не изменился. По-прежнему большой спрос был на выделанные кожи (юфти), сукна разных сортов, преимущественно на русское сермяжное («без сукна никто пробыть не может, ибо иноземческие народы ныне так охотно на платье оное употребляют, что тогда уже за изрядно убранных себя почитают, когда зипун суконный сверх обыкновенного своего платья носят»), на холст и полотно, разные металлические изделия и предметы украшения. Среди иностранных товаров попадались сукна английские, французские, немецкие, голландские[62]. Но больше было китайских тканей и предметов украшения[63]. Значительно в большем количестве, чем раньше, привозился хлеб, главным образом из заимок верховьев Лены.

Приобретались товары, шедшие на северо-восток, в самых различных местах. Торговые люди или же их доверенные в различных городах Европейской России закупали на деньги русские и заграничные товары. Везли их сами хозяева или их доверенные лица — приказчики, посидельцы, родственники (сыновья, братья, племянники и т. д.). В Сибирь самолично ездили в основном рядовые торговые люди, большинство же крупных и именитых купцов (гостей, купцов гостиной и суконной сотен, представителей духовной и приказной знати) торговлю вело посредством вторых и третьих рук — приказчиков или родственников. Приказчиками и посидельцами служили дворовые люди, т. е. крепостные, показавшие толк и смекалку в меркантильных делах и пользовавшиеся полным доверием хозяина, или же лица свободного состояния, служившие по найму на определенных условиях — за определенную годовую плату или из доли прибыли. С торговыми караванами ехали специальные лица «для товарного бережения»— до десяти человек и более, смотря по количеству товаров, судов, возов и т. д. Это была ответственная функция и поручалась она дворовым людям или родственникам, иногда возлагалась на посторонних людей по договоренности. Сам же караван обслуживали, т. е. везли товары (от города до города, от волока до волока и т. д.) на условиях найма так называемые работные люди. Часто ими служили попутчики из промышленников и покрученников, ехавшие на промыслы на су-

дах торговых людей или вместе с ними до конечного пункта. Путь до Лены был долог, поэтому купцы и их приказчики, если считали нужным, торговлей занимались и в дороге, во время продолжительных остановок. Однако, как правило, подавляющее их большинство в пути приобретало новые товары для перепродажи в районах северо-востока Азии. Доля последних с течением времени все увеличивалась, поскольку это было выгодно и освобождало купцов от провоза товаров на далекое расстояние. Уже в 1640-х годах товары сибирской покупки занимали заметное место в общем привозе. Так, в 1641/42 г. из Енисейска на Ленский волок и в Якутск было отпущено 5 гостей и 20 торговых людей. У гостей товаров русского привоза оказалось на 8696 руб., енисейской покупки — на 825 руб., у торговых людей — соответственно на 2942 и 2576 руб.[64]

В течение XVII — первой трети XVIII в. главным пунктом на востоке, куда стремились торговцы, являлся Якутск — административный центр обширного района. В то время он считался самым богатым из городов Сибири. Г. Ф. Миллер справедливо писал, что «Якутск достоин большого примечания, ибо кроме того, что пребогатый город во всей Сибири в лучшей мягкой рухляди, а именно — в хороших соболях, то и привозят туда всякие российские и китайские товары для довольствия не токмо сего города, но также и пространного Якутского уезда и земли Камчатки»[65].

Вторая половина мая — первая половина июня — прекрасная пора в жизни этого города. С верховьев Лены один за другим приплывали партии торговых и промышленных людей со своими товарами. Одновременно по водным же путям и наземной дорогой сюда же являлись те торговые и промышленные люди, которые побывали на промыслах и в иноземческих улусах. И закипала работа в приказной и таможенной избах. Денно и нощно работали подьячие и целовальники. Вновь прибывшие товары и прочие ценности следовало быстро учесть и записать в соответствующие таможенные книги, взыскать полагавшиеся пошлины. Все это предваряло другое и более важное: расплатившиеся с казной люди обретали свободу в распоряжении своим имуществом и начинались торги. Тем, кому предстояло ехать дальше на промыслы, следовало распродать лишние тяжести, приобрести не-

достающие товары и предметы промышленного завода, заодно покупать то «золото», за которым они и приехали, — соболи якутские. Те же, кому следовало возвратиться на родину, по логике вещей также старались выгадать — побольше увезти с собой мягкой рухляди или же, наоборот, часть ее распродать. Словом, все зависело от обстоятельств, коньюнктуры рынка, субъективных побуждений торговцев.

Потом начиналось другое: во второй половине июня и в июле люди постепенно разъезжались. Одни возвращались на родину, другие выезжали на промыслы. Пора оживленных торгов миновала, но только до следующего лета, когда такие торги повторялись. Однако не следует думать, что в остальное время жизнь в Якутске замирала. Нет. Розничная торговля продолжалась и осенью, и зимой, и весной. Торговля велась между самими местными жителями и разными приезжими лицами.

Где и как велись эти торги? В Якутском остроге имелась материально-техническая база в виде торговых помещений. Здесь под стенами острога гостиный двор был построен уже в 1643 г.[66] Это казенное здание с самого начала было разделено на отдельные лавки, куда складывались товары. Они сдавались в наем приезжим купцам. Около гостиного двора находился базар. В нем были частные торговые помещения или лавки людей разных чинов. Число лавок возрастало.

Этот базар с лавками и гостиный двор, как и повсюду в России, являлись местами проведения торгов. Торговля в частных домах и в других местах строго запрещалась. В лавках базара и на его торговой площади велась розничная торговля, в гостином же дворе совершалась главным образом оптовая торговля. Однако и там и здесь обращались одни и те же товары. Привозной товар (промышленные изделия и продукты питания) обменивался на местный (пушнину, скот. мясо, масло, рыбу и т. д.).

Торговля носила денежно-меновой характер. Торговые люди, с одной стороны только что прибывшие, с другой — собиравшиеся на родину, свои товары реализовывали прежде всего на пушнину. При этом совершались крупные по тем временам сделки. Богатые торговые люди скупали оптом и в розницу тысячи соболей. Скупали главным образом пушнину и более мелкие торговые люди. Поэтому меховой рынок Якутского острога выглядел

весьма солидно, особенно в 1630—1650-х годах. Торговые и промышленные люди покупали не только меха, но и промышленно-охотничье снаряжение для ловли зверей, продукты питания и т. д. В обмен они давали деньги, которые в Якутске были в большом ходу, промышленные изделия и продуктовые товары, прежде всего муку, пользовавшуюся здесь особенным спросом. Муку продавали тысячами пудов.

В торговые сделки вступали прежде всего сами русские люди. В многочисленных таможенных книгах в качестве продавцов и покупателей фигурируют гости, гости гостиной сотни, гости суконной сотни, торговые люди, их приказчики и лавочные сидельцы, промышленные люди, гулящие люди, казаки, десятники, сотники, дети боярские, подьячие и другие служилые чины, служители культа. В сентябре-октябре 1640 г. в Якутске 22 служилых и 2 промышленных человека продали 3 жеребцов, 21 коня, кобылу, быка и 5 коров. Купили их 17 служилых, 2 торговых, 3 промышленных человека и посадский. Якутов не оказалось ни в числе продавцов, ни в числе покупателей [67]. В 1643 г. 50 торговых и промышленных людей продали 12 175 пудов муки. Покупателями этой муки были одни промышленные и служилые люди. В 1645 г. таким же путем муки было продано 12 480 пудов. В 1654/55 г. 13 торговых людей скупили оптом и в розницу 6760 соболей у 149 промышленников, 42 служилых людей и 4 частновладельческих крестьян [68]. В 1660 г. было продано на убой 28 быков и 18 коров. Купили их 22 служилых человека и 5 промышленников. В числе продавцов, кроме 28 служилых и промышленного человека, числятся четыре якута: 1 сентября казак В. Иванов Томской купил «у новокрещеново якута у Фетьки Слепова быка краснова, дал четыре рубли; да он же купил подгородней волости у ясачного якута у Ачинейка корову пеструю, дал три рубли»; 17 октября казак Якунька Назаров Колмогорец купил «подгородней волости у якута Якова Изилова два бычка бурые, дал пять рублей»; 14 ноября служилый Васька Иванов Томской купил «подгородней волости ясачнова якута у Бачетки корову пеструю, дал три рубли» [69]. В 1665 г. 7 казаков, 5 промышленников и торговый человек купили 12 быков и 15 коров. Продали их 22 казака и 2 подгородных якута [70].

Таким образом, в первые десятилетия на якутский

рынок якуты приезжали редко и участниками оживленных торгов являлись почти одни русские. Только впоследствии и лишь постепенно местное население втягивается в торговлю на городском рынке. По данным 1680-х годов оно привозило в город «харчевого на продаже, зайцев и всяких птиц и зверей» и сбывало их на базаре «служилым и всяким людям по их якутцкой и русских людей меж себя уговорной цене»[71]. В число «харчевых» входили мясо, масло, молоко, рыба и другие продукты. Их подгородные якуты стали привозить на базар постоянно. Равным образом они торговали сеном, ягодами разных видов. В середине XVIII в. красную и черную смородину, голубику и бруснику они продавали горожанам целыми возами[72].

А как обстояло дело с продажей мягкой рухляди? Таможенные книги на этот вопрос дают ясный ответ. В них отражена оживленная меховая торговля, происходившая в Якутском остроге. Названы поименно люди, продававшие и покупавшие меха. Однако среди этих имен до самого начала XVIII в. вовсе не встречаются имена якутов, эвенков, эвенов и других аборигенов края[73]. Положительного материала нет и относительно первой половины XVIII в. О чем это говорит? Значит ли это, что даже подгородные якуты совсем не привозили на городской рынок излишки мехов, остававшиеся после уплаты ясака? Нет, не значит. В феврале 1640 г. бетунский князец Камык в Якутском остроге продал 40 соболей «за 60 пряток бисеру, весом фунт без чети»[74]. В 1700 г. «у всяких чинов людей и у ясашных иноземцов» в Якутске для казны куплено 419 соболей и 82 собольих пупка[75]. Эти примеры говорят о том, что якуты все же привозили в Якутск меха, но мало, от случая к случаю.

Мало потому, что не было условий. В Якутске находилась воеводская организация — страж порядков, установленных царским правительством. Здесь же была таможенная изба, избежать которой не было возможно. И якуты центральных волостей побаивались ехать на рынок с мехами. Ведь многие из них состояли в недоимщиках в уплате ясака, а по закону продавать следовало только излишки, после полной уплаты ясака. Кроме того, были другие ограничения, в том числе в годы действия законов о государственной монополии на покупку мехов. Была и еще одна, даже более существенная при-

чина. В Сибири наряду с частной торговлей существова государственная, конкурировавшая с первой. Главная е цель заключалась в скупке пушнины от населения (пл к ясаку, поминкам, таможенным пошлинам). Имен поэтому царские власти издавали законы об ограничен частной торговли, вводили полную или частичную мон полию на те или иные виды мехов. Другая цель государ ственной торговли состояла в приобретении товаров «н государев обиход», т. е. для удовлетворения местны нужд воеводских канцелярий в писчей бумаге, воске для печати, сальных свечах, иглах и нитках для сшивания тетрадей и т. д. (так называемые избиные расходы съез жей избы); «пашенного завода» для крестьян (семенног хлеба, лошадей, сошников, серпов, кос-горбуш и т. д.) судовых снастей, продовольствия и разных припасов дл оснащения различных экспедиций; провизии, обуви платья для аманатов, сетей и пряж неводных «на аманатов для рыбной ловли»; оловянной и медной посуды (котлов, блюд, тарелок и т. п.), одекуя и бисера для по дарков ясачным и обмена по пушнину. Словом, потреб ностей было немало, особенно на северо-востоке Азии И удовлетворялись они разными путями. Пушнина ску палась главным образом у аборигенов, частично у торго вых и промышленных людей, «товары на государев оби ход» — у торговых и промышленных людей и местных жителей. Скупались они ясачными сборщиками или спе циально отряженными служилыми людьми или же от дельными уполномоченными на то торговыми и иными людьми. Лицам подобного рода выдавались воеводские наказные памяти с предписанием, «что у иноземцев у ясачных людей сверх государев ясак заплатят весь сполна, их соболиный и всякой мягкой рухляди объявитца, и им те соболи купить у иноземцев на государев товар, которые у них товары за подарки останутся»[76]. Государевы агенты по скупке пушнины особенно часто посещали подгородные якутские улусы, как наиболее близкие от Якутска. Можно привести отдельные примеры. В 1636 г. куплено от бетунского князца 40 соболей и 2 соболиные шубы за 5 безменов меди; от улусного мужика той же волости — 10 соболей и 10 пластин собольих за два тазика; от кангаласского князца Эюка — 40 соболей и 9 пластин собольих за 3 медных тазика и за котел; от борогонского князца Логуя — 20 соболей и соболиная шуба за 2 тазика и ко-

гел. В 1640 г. от 13 якутов центральных волостей куплен 121 соболь за 3 фунта бисера и 50 прядок одекуя. В 1643 г. у якутов Кангаласской, Мегинской, Бетунской, Одейской, Мальягарской и Модуцкой волостей куплены 41 соболь, шуба соболья и 7 лисиц за 62 прядки одекуя, 31 прядку бисера и 19 медных пуговиц[77]. Подобная скупка мехов разъездными агентами превратилась в ежегодно повторяющуюся практику и в таком виде перешла в XVIII в. При этом с течением времени казна стала расплачиваться не только безделушками (бисером и одекуем), медной и оловянной посудой, но и другими товарами, не останавливаясь даже перед специальным завозом их из Центральной России. В 1699 г., например, через Верхотурье в Якутск поступило для покупки соболей и черных лисиц 11 867 аршин крашенины и 21 999 аршин холста[78].

Вот где причина того, что на рынок Якутска поступало мало пушнины от населения центральных районов Якутии. Именно в силу изложенных обстоятельств в этих местах господство принадлежало казне, скупавшей через своих агентов меха у населения прямо на месте его проживания и потому помешавшей появлению этого товара на городском базаре.

Якутск являлся только центром, но не единственным местом торговли. Торговые связи охватили самые различные уголки края. Установили их, во-первых, само государство через своих агентов, во-вторых, служилые люди и, в-третьих, торговые и промышленные люди. Это и есть те пути проникновения и распространения товарно-денежных отношений среди коренного населения, на которых мы намерены несколько остановиться.

Прежде всего следует отметить, что были налицо объективные условия для рапространения таких отношений. Местное население предъявляло большой спрос на металлические изделия. Якуты давно освоили выплавку железа из руды и его ковку. Они делали предметы военного снаряжения (куяки, панцири, пальмы, наконечники стрел) и для хозяйственных надобностей (например, косы-горбуши). Однако всего этого производилось мало. Эвенки знали ковку железа, но не умели выплавлять его из рудных пород. Юкагиры были знакомы с железными изделиями и изредка получали их от якутов в обмен на пушнину. Чукчи же, коряки и ительмены с производством

металла вовсе не были знакомы. Поэтому был большой спрос на русское железо (железное сырье в прутах), на оружие из металла (пальмы, шишаки, наручники, доски куячные, наконечники стрел железные), на предметы домашнего обихода (топоры, ножи, медную и оловянную посуду). Уровень духовного развития народа породил необходимость и в украшении одежды, особенно той, которую носили во время свадеб и праздников. Отсюда большой спрос на бисер, одекуй, медные и оловянные пуговицы. В XVII в. бисер и одекуй, пожалуй, пользовались даже наибольшим спросом. Распространенным товаром являлись они и в дальнейшем. Развитие взаимных связей постепенно породило потребность и в других товарах, например в изделиях из ткани, рыболовных снастях, продуктах питания, особенно в муке.

Этими условиями воспользовалось прежде всего само государство, от имени которого в ясачных острогах, острожках и зимовьях сидели ясачные сборщики. Сбор ясака они сочетали с торговлей и всегда везли с собой кое-какой казенный товар, прежде всего бисер и одекуй, не требовавший особых трудностей в перевозке. Этот товар ясачные сборщики меняли на ценные меха во время не только съездов «иноземцов» для уплаты ясака, но и разъездов по улусам и кочевьям последних. В 1637 г., например, только по одной Лене служилые купили «на государевы товары и на деньги» 434 соболя, 34 собольих шубы, 5 малахаев собольих тунгусских, 38 лисиц красных, 6 лисиц черночеревых, 3 шубы лисьих и 5 пластин лисьих же [79]. С течением времени подобная торговля не ослабевала. Казна продолжала отпускать товары на покупку мягкой рухляди от местного населения и торговых и промышленных людей. При этом ассортимент товаров все более разнообразился. В конце XVII в. из Москвы в Якутск было отправлено товаров на 1200 руб. Среди них значились шелк, кумачи, сукна разных сортов, «шиптуги», «летчины», «гамбургские яренки», крашенины, холсты, «хрящ», сермяжные товары, кожи, юфти, шубы овчинные, кафтаны, шапки, рубахи, чулки вязаные, иглы, булавки, перстни медные, бисер и одекуй, огнивы, воск, ладан, бумага, перец, нашатырь, сера, белила, свинец, олово прутовое и в блюдцах, уклад, железо листовое, сковороды железные, медь в котлах и сковородах, мишура [80].

Ясачные сборщики в местах своей службы занимались продажей не только казенных, но и своих товаров. Почти каждый из них возил с собой кое-какой товар (хотя бы бисер и одекуй) в расчете на выгодный обмен. Подобная деятельность, несмотря на запрет законом, не смущала казаков. В глухой тайге и в тундре они были хозяевами. Там некому было следить за их деятельностью. Они покупали у местного населения для своего пропитания коров и лошадей, оленей и мясо-молочные продукты, однако разными путями старались приобретать прежде всего ценные меха. За пушнину давали «русские товары», в том числе бисер и одекуй, топоры и пальмы, наконечники стрел и прут железный, муку и т. д. Меха «иноземской покупки» иногда попадали даже в таможенные книги. В 1660 г. с 1 сотника и 6 служилых людей была взята пошлина за 221 соболя, 5 бобров, 3 выдр и 11 красных лисиц, купленных у местного населения в разных местах [81]. В явчей таможенной книге 1676 г. отмечено, что казак Первушка Игнатьев в Бутальском зимовье и в устье Камнуны купил от «иноземцов» 5 соболей, казак Ивашка Паламошной в Усть-Патомском зимовье — 10 соболей, сын боярский Иван Крыжановский — 4 соболя [82]. В подобной же книге 1685 г. имеется запись о том, что казак Максим Мухоплев, «будучи в Оленском зимовье прикащиком, купил у ясачных иноземцов после ясачного платежу десять соболишек с пупки и с хвосты»[83]. В приходной таможенной книге 1690 г. сказано о взыскании пошлины с сына боярского Аф. Пущина за 4 соболя, «что он, будучи в Патомском зимовье, купил после ясачного платежу на осталые свои хлебные запасы»[84]. В книге десятинного сбора за 1704—1705 гг. записано несколько служилых людей, уплативших десятичную пошлину за купленную пушнину и шкуры животных. Так, приказчик Олекминского острожка Василий Толстоухов уплатил пошлину за 1000 белок и 20 красных лисиц, приказчик Жиганского зимовья Михаил Лыткин — за 50 красных лисиц, 200 оленьих и бычьих шкур, нерчинский казак Матвей Бирючевский — за 1800 белок и 400 горностаев, якутский сын боярский Федор Клепиков — за 1000 белок и 20 красных лисиц [85].

В тех же таможенных книгах еще чаще встречаются записи о добытых мехах зверей самими казаками. «И будучи, государь, мы, холопы твои, на тех твоих государевых

дальних службах, после твоих государевых ясашных зборов сами из зимовей на лес выволочась, промышляем соболишка своими промыслами»,— писали они не раз в своих челобитьях якутским воеводам [86]. Не менее часто встречаются и записи мехов, принесенных служилыми «иноземцами в почесть». Однако можно категорически утверждать, что значительная доля этих мехов была приобретена путем покупки и только в целях сокрытия недозволенного торга нарочито отнесена к категории «своего промысла» и добровольных поминок. Такая практика была общераспространенным явлением. Казак в Якутске обычно заявлял, что привезенные им меха — его собственная добыча. Целовальнику же не было дела, каким образом они приобретены, и он записывал в книгу, как скажет хозяин. Да и проверить не было возможно.

Недозволенным торгом занимались даже сами воеводы. В 1645 г. торговые и промышленные люди в своей мирской челобитной царю Михаилу Федоровичу писали, что «ушники» (осведомители) воеводы П. Головина А. Почекунин, Д. Матвеев, Б. Астрахан, И. Тельной, И. Табаков «безпрестани с ыноземцы торговали»[87]. В 1658 г. торговый человек Никита Малахов говорил о незаконных торговых оборотах воеводы М. Лодыженского. В 1653 г. последний с башлыками и другими служилыми людьми послал на Индигирку, Колыму и Алазею для продажи 60 ведер вина, 40 пудов хмеля, 10 пудов меда, 100 пудов муки и 40 дюжин карт; в 1655 г.— на Индигирку, Колыму, Алазею, Охотское побережье и в Даурию — 95 ведер вина и 35 пудов хмеля; в 1657 г.— на Индигирку и Колыму — 101 ведро вина, 40 пудов хмеля и 500 пудов муки. Взамен он получил 2 тыс. соболей, шубу соболью и 4400 руб. деньгами и в виде письменных кабал. Кроме того, в 1655 г. М. Лодыженский послал на Индигирку с торговыми и служилыми людьми «живота своего коч» и «полкоча живота своего». Доносчик говорит, что от башлыков и казаков М. Лодыженского «и от их винной продажи и от насильства государства заочная дальная вотчина вконец погибла»[88].

П. Головин и М. Лодыженский не составляли исключения. Деятельность почти каждого из воевод XVII в. заканчивалась организацией сыска. Главной статьей их злоупотреблений являлось пользование властью в целях самообогащения путем не только обкрадывания казны,

но и проведения незаконного торга с населением. Такая меркантильная деятельность воевод ослабевает примерно с конца XVII в. в связи с истощением запасов ценных зверей и резким сокращением соболиного рынка.

Однако торговые связи сборщиков ясака с местным населением продолжались и в XVIII в. Более того, служилые люди становятся в числе первых, кто распространял привозные товары на окраинах, поскольку в связи с исчезновением соболя приезжие купцы почти перестали ездить в глухие и отдаленные районы. Г. Ф. Миллер, очевидец событий тех времен, писал, что иногородние купцы весьма редко ездили в дальние острожки и зимовья, что там поэтому первенствующее положение занимали казаки, которые к торговле имеют «наилучший способ». Дороги чрезмерно трудны, сотни верст надо идти по снегу на лыжах и тащить за собой сани со скарбом. Казак к этому привык, пребывая на постоянной службе, «и сие ни за что почитает». Поэтому ему «нетрудно везти с собою несколько товаров», потребных «иноверцам» [89].

Участие казны и служилых людей в торговле с окраинным местным населением оставило свой след в истории края. Значение имела и деятельность торговых и промышленных людей, приезжавших специально для проведения торгов и организации промыслов.

Выше, в этом же разделе, мы привели данные об отпуске из якутской таможни приезжих русских людей в разные концы края. В 1641 г. выехало для торговли, на соболиные промыслы и на рыбную ловлю 545 чел., в 1645 г.— 643 чел., в 1650 г.— 247 чел., в 1655 г.— 222 чел., в 1660 г.— 200 чел. В дальнейшем в связи с разорением промыслов число выездов в отдаленные районы резко сокращается. Но об этом ниже. Теперь же необходимо установить, в какие именно места больше всего выезжало людей. Выше нам уже приходилось анализировать данные ряда таможенных отпускных книг. Оказалось, что в 1630—1650-х годах подавляющее большинство торговых и промышленных людей ехало вниз по Лене главным образом в бассейны Оленька, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы, затем в Жиганы и в бассейны рек Алдана и Маи. Меньшинство шло вверх по Лене в районы рек Олекмы, Чары и Патомы. С 1660-х годах немногие приезжающие почти все шли в сторону севера и только

отдельные из них поднимались в систему р. Олекмы.

Таким образом, деятельность торговых и промышленных людей имела все же ограниченное значение. Во-первых, она охватывала далеко не все районы. На Охотском побережье и в обширном Удском крае торговцы и охотники появлялись редко. Они мало ездили и в бассейн Вилюя. Предпринимателям казалось, что в этих местах соболей мало. Что касается районов центральной Якутии, то здесь, где сравнительно густой массой проживало якутское население, охотники и торговцы почти совсем не бывали. Во-вторых, сравнительно непродолжителен был и расцвет промыслов. Поэтому начиная с 1660-х годов районы пребывания торговых и промышленных людей еще более суживаются.

Торговые и промышленные люди с собой возили промышленный завод. Таможенные книги, как правило, не перечисляют ассортимент входивших в него этих товаров, ограничиваясь указанием их суммы в денежном выражении, с которой взималась пошлина. В них в стереотипной форме отмечалось, что с таким-то человеком пошло «русского товару и хлебного запасу» или «хлебного запасу и русского всякого товару и промышленного заводу» на столько-то рублей, алтын и денег.

Они возили с собой, как правило, товаров и всякого снаряжения немного. Привозной товар в основном реализовался в Якутске. С одной стороны, это делалось потому, что возить много тяжестей дальше от Якутска не было условий: неимоверно тяжелы были транспортные условия, в глухих местах не было сколько-нибудь значительных торговых центров. С другой стороны, главной целью дальних поездок являлась добыча пушнины путем охоты, а не торговля. Последняя всегда имела вспомогательное значение. Для иллюстрации этого положения достаточно проанализировать данные любой из таможенных книг времени расцвета промыслов.

Возьмем для примера книгу за 1650 г.[90] В этом году на соболиный промысел и для торговли было отпущено 66 чел., в том числе предпринимателей (приказчиков гостей, торговых людей, некоторых состоятельных промышленников — 13, покрученников и родственников их — 53). Все они были отпущены на Индигирку и Колыму и только один промышленник с тремя покрученниками поехал в Жиганы. На первый взгляд некоторые

из них повезли много товаров. Так, приказчик гостя Кирилла Босого Микита Федоров Ворыпаев повез товаров и снаряжения на 2484 руб. 16 алтын и 4 деньги, лавочный сиделец приказчика гостя Василия Записи Ивашка Максимов Творогов — на 2139 руб., приказчик гостя Бажена Балезина Максимка Парфенов — на 1054 руб., приказчик торгового человека Ивашки Аммосова Осколкова Иевко Елисеев — на 2228 руб. 6 алтын 4 деньги, у остальных сумма товаров и снаряжения исчислялась в сотнях рублей. Но это на первый взгляд. Ведь почти каждый из предпринимателей имел покрученников, число которых было тем больше, чем богаче и знатнее был хозяин. Их надо было оснастить для охоты, кормить, одевать и обувать во все время их пребывания на промыслах, иногда даже в течение не одного года. И все за счет увезенного товара. Следовательно, значительная его часть вовсе не попадала на рынок. Она шла на нужды самих промысловиков. В этой связи небезынтересно сумму товаров и снаряжения каждого хозяина разделить на число душ, входящих в его артель. Тогда окажется, что на 10 чел. товаров и снаряжения приходилось по 40—50 руб., на 3 чел.— по 50—60 руб., на 17 чел.— по 60—70 руб., на 3 чел.— по 70—80 руб., на 8 чел.— по 80—90 руб., на 3 чел.— по 100—150 руб., на 17 чел.— по 250—300 руб. и только на 5 чел.— по 400—450 руб. Еще меньшая сумма приходилась на товары и снаряжение у тех лиц, которые были отпущены не для торговли, а только на соболиные промыслы и рыбную ловлю. Таких в 1650 г. было 78 своеужинников, преимущественно из одних промышленников (торговых людей и приказчиков гостей было только трое). Покрученников у них было около 100. На каждого из этих своеужинников и покрученников приходилось товаров и снаряжения: на 12 чел.— менее чем по 10 руб., на 66 чел.— по 10—20 руб., на 30 чел.— по 20—30 руб., на 7 чел.— по 30—40 руб., на 10 чел.— по 40—50 руб., на 7 чел.— по 50—60 руб., на 5 чел.— по 60—70 руб., на 2 чел.— по 70—80 руб., на 28 чел.— по 80—90 руб., на 1 чел.— 90—100 руб., на 1 чел.— 110—120 руб., на 1 чел.— 200—250 руб., на 2 чел.— 250—300 руб. и только на 1 чел.— 650—700 руб.

Таким образом выходит, что на промыслы можно было ходить имея запасов даже менее чем на 10 руб. Можно

было приниматься за дело с 10—20 руб. Имея же запас более чем на 20—30 руб., можно было заниматься уже кое-какими торгами. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что торгами занимались не только те, кто получал проезжие грамоты для торговли, но и подавляющее большинство тех, кто ехал просто на соболиные промыслы и на рыбную ловлю. Однако торговля у последних была, как правило, мелкая, главным образом остаточными запасами. Значительные операции совершали лишь немногие, у которых запасов было более чем на 100 руб. на человека. Несколько иная картина была у тех, кто ехал для торговли. У них запасов было больше, соответственно и операции были значительные. Вместе с тем повторяем, что нет оснований переоценивать, как это делают многие исследователи, значение торговой деятельности торговых и промышленных людей в глухой периферии, в районах промыслов. Торговля там всегда являлась привязкой к главному звену: промыслам соболя.

Между кем там совершалась торговля? Прежде всего между самими русскими, как и в Якутском остроге. Между торговыми, промышленными, служилыми и гулящими людьми происходил взаимный обмен необходимыми предметами. Среди последних первое место принадлежало соболю. Люди побогаче приобретали его, отдавая в обмен нуждающимся продукты питания, промышленный завод и т. д. Местами обмена служили преимущественно остроги, острожки и ясачные зимовья, где в определенное время (до и после промыслового сезона) обычно собирались русские. Раньше, когда зверей было «в великом изобилии», «в Среднем Колымском остроге отправлялся наибольший торг», писал Г. Ф. Миллер [91].

В торговлю втягивались и местные жители. «Для торгу и промыслы с иноземцы» ходили не только сами торговые люди и их приказчики, но даже и их покрученники. Ходили и промышленники [92]. Ходили они со своими товарами «по юртам», скупая соболиные меха [93]. С той же целью «садились» они и около ясачных зимовий, острожков и острогов. Причем вначале, особенно в сношениях с охотничьими племенами Севера, местами даже довольно долго наблюдались примитивные формы «немой торговли». Продавец и покупатель не доверяли друг другу. Покупатель шел с осторожностью и с оглядкой к продавцу, продавец же остерегался покупателя. Друг

к другу близко не подходили. Предмет, предлагаемый в обмен на товар, издали бросали («метали») и поспешно брали то, что в обмен выкладывалось продавцом, и быстро удалялись. Такая форма торговли вначале местами наблюдалась даже в сношениях русских с якутами [94]. Все это было закономерно. Требовалось какое-то время, пока устанавливалось взаимное понимание. Когда же оно начало устанавливаться, люди шли друг к другу охотно: нужен был взаимовыгодный обмен.

Теперь об Охотском побережье. До сего времени мы намеренно не говорили об этом крае. Мельком отметили только, что в XVII в. торговые и промышленные люди там появлялись редко. Еще более редко появлялись в первой трети XVIII в. их преемники — купцы. Охотск был слишком далек от Якутска. Да и дороги туда почти не было. Туда из Якутска попеременно ездили почти одни только сборщики ясака. Значение Охотска резко возрастает с 1730-х годов, когда он был объявлен центром Приморского управления и когда здесь на месте захудалого острожка начали строить морской порт. Однако страшные неудобства передвижения и транспортировки грузов продолжали иметь место и после этого. Устройство тракта, начавшееся с 1720—1730-х годах, устранило их. Кроме того, якуты центральных улусов, которые могли бы доставлять грузы предпринимателей на побережье моря, изнемогали под тяжестью подводной повинности. Ежегодно они были обязаны выставлять до 5 тыс. лошадей для доставки в Охотск казенного груза — хлеба и прочего продовольствия, а также разного снаряжения. Поэтому утверждения некоторых исследователей, что часть купцов, прибывавших из России в первой половине XVIII в., будто бы из Якутска шла дальше до Охотска и Камчатки, не подтверждаются никакими данными. Приезжие купцы сбывали товары в Якутске и в других местах Якутии и до Охотска и Камчатки не ездили. Они хорошо знали, что большой выгоды там не получить.

Иное положение создавалось с 1740-х годов, с началом морских зверобойных промыслов, о которых достаточно написано выше. Адьюнкт Российской Академии наук И. И. Исленьев, побывавший в Якутии в конце 1760-х годов, в своих записках писал, что половина привозимого в Якутск товара отправляется далее в Охотск и на Камчатку [95]. Здесь речь идет о новом явлении, свя-

занном прежде всего с бобровыми и котиковыми промыслами. Купцы ехали на эти промыслы, сулившие много барышей. Ехали, разумеется, с товарами и снаряжением, как и промышленники XVII в. Часть этих товаров распродавалась в Охотске, Гижигинске, на Камчатке и доходила до Чукотки. Именно таким путем создавался дальневосточный рынок, о котором более подробно будет сказано ниже, в другой связи.

Теперь же остановимся на вопросе о том, сколько мехов вывозили торговые и промышленные люди в годы расцвета соболиных промыслов.

В июне-июле 1641 г. 110 торговых и промышленных людей вывезли на Русь 29 785 соболей, 22 164 пупка собольих, 844 хвоста, 116 лоскутков, 93 пластины, 100 остредей, 27 лисиц красных, 7 росомах, 20 горностаев, 180 белок и, кроме того, большое количество «объедков» собольих, шапок, рукавиц, кафтанов, шуб и одеял собольих и лисьих[96]. В 1650 г. 100 торговых, промышленных и служилых людей вывезли туда же 12 891 соболя, 5274 пупка, 14 лоскутков, 11 пластин, 162 хвоста, 21 подскору, 19 исподов шапочных, 1 шубу, 5 кафтанов, 2 шапки, 12 рукавиц собольих, 7 лисьих красных, 2 лоскута бобровых[97]. В 1655 г. 101 чел. вывез на Русь 25 033 соболя, 7143 пупка, 27 лоскутов, 94 пластины, 27 остредей, 1078 хвостов, 195 полухвостов, 78 подскоров, 31 испод шапочный, 12 шуб, 4 кафтана, 53 шапки, 13 пар рукавиц собольих, черную лисицу, 17 сиводушчатых, 26 красных, 11 росомах. Кроме того, в Енисейск и на Ленский волок 15 торговыми, промышленными и служилыми вывезено 1669 соболей, 472 пупка, 193 пластины, 6 исподов шапочных, 39 шуб, 2 шапки собольи и выдра[98]. В 1660 г. 117 чел. вывезли в Россию 16482 соболя, 3353 пупка, 5 лоскутков, 4 пластины, 72 хвоста, 2 шубы, кафтан, 3 шапки, 8 исподов шапочных, 17 подскоров и 2 пары рукавиц собольих, 2 шубы горностаевых, лоскут бобровый, 2 лисьих хребта, лоскут и лапку[99].

Словом, в годы расцвета промыслов ежегодно частными лицами вывозилось большое количество ценной пушнины. Значительным оставался вывоз и в следующие два десятилетия. В 1665 г., например, 107 чел. вывезли на Русь 12 897 соболей, 3143 пупка, 15 лоскутков, 36 хвостов, 3 шубы, 4 кафтана, 39 подскоров, 4 шапки, 8 исподов шапочных, 16 пар рукавиц собольих, 2 черночеревые

лисицы, 4 лисьих лоскута, 4 шубы и 13 подскоров лисьих, лоскут бобровый, росомаху, 440 горностаев, 11 шуб горностаевых и шубу беличью. На Чечуйский волок, в Илимск, Енисейск и Тобольск 29 чел. вывезли 1182 соболя, шубы соболью и горностаевую [100]. В 1670 г. выехало в Россию 40 чел., с ними отпущено 8228 соболей, 2514 пупков, 4 шубы, кафтан, треух, 5 подскоров, 2 лисьи шубы, одеяло лисье, 50 горностаев, 2 горностаевые шубы. С 24 торговыми, промышленными и служилыми людьми ушло в Тобольск, Енисейск и Илимск 1983 соболя и 157 собольих пупков [101].

В дальнейшем вывоз соболей резко сокращается, зато увеличивается вывоз мехов менее ценных зверей. В 1685 г. 36 чел. вывезли на Русь 2204 соболя, 1090 пупков, 5 пластин, 4 подскора, рысь, 100 песцов, 10 челок, 6560 горностаев. 12 чел. вывезли в Тобольск, Иркустк, Верхоленск и Илимск 91 соболя, 10 рысей, 100 песцов, 2 белки, 2240 горностаев и 7 беличьих шуб [102]. В июле-августе 1690 г. 22 чел. увезли с собой в Россию, Енисейск, верховья Лены и в Даурию только 673 соболя, 709 пупков, 10 лисиц сиводушчатых, 16 красных, 10 рысей. Зато белок стало 14 300, песцов — 1315, горностаев — 10 тыс., мехов беличьих хребтовых и черевьих — 66 [103]. С первой половины XVIII в. шкурки белок становятся основным товаром вывоза. Комиссионер устюжского купца Козьмы Саблина Федор Тропин, например, в 1754 г. вывез из Якутии 16 200 темно-серых белок, 16 200 белок бурого цвета и 21 300 белок серого цвета. В том же году из Якутска в Верхотурье прибыл приказчик тульского купца И. Лугинина П. Силин, у которого по якутским выписям оказалось 330 соболей, 5220 шкурок темно-серой белки, 24 540 шкурок белки бурого цвета, 44 тыс. шкурок белки серого цвета, 50 голубых песцов [104].

Но каково было в вывозимых мехах соотношение мехов, добытых во время промыслов и перекупных? Это важный вопрос, касающийся роли торговли, ее значения и масштабов. К сожалению, таможенные книги не дают ясного ответа на этот вопрос. В них количество мехов, увозимых каждым человеком, регистрировалось, как правило, суммарно и общими словами, без указания, какая часть мехов им куплена или добыта во время промыслов: такого-то «дни отпущен из Якутцкого острогу из таможни вверх по великой реке Лене мимо Илимского воло-

ку в Енисейский острог и к Руси» такой-то промышле ник или торговый человек, «а с ним мяхкие рухляд или «мяхкие рухляди своего промыслу и перекупны столько-то соболей и т. д. Только в редких случаях вы делялось количество мехов «упромышленных» и перекуп ных, и то непоследовательно. Так, в 1650 г. торговы людьми вывезено на Русь соболей «упромышленных» - 44, «упромышленных» и перекупных — 2453, перекуп ных — 1507, промышленниками — соответственно 226 6034 и 0, служилыми людьми — 108, 217 и 268. Таки образом, из 11895 соболей «упромышленных» оказало 2416 (18,7%), упромышленных и перекупных — 77((67,5%) и перекупных — 1775 (13,8%). Далее, по по счету П. Н. Павлова, промышленные, торговые, служ лые и прочие люди явили в якутскую таможню в 1635 соболей упромышленных 7467 и перекупных 224 в 1640 г.— соответственно 6041 и 26 371 и в 1648 г.- 11 772 и 1287 [105]. Однако нам хорошо известно, что то говые и промышленные люди из-за правительственно запрета покупать меха у местного населения по обыкн вению купленные меха часто скрывали и говорили, ч они — их собственная добыча. В 1649 г. служилые люд доносили, что «купленные соболи и всякую рухлядь ог торговые объявляют и сказывают в таможнях своего пр мыслу»[106]. Поэтому в приведенных данных количество п рекупных соболей следует считать заниженным.

Впоследствии же в связи с постепенным прекращение промышленного движения доля купленной пушнины н уклонно возрастала. Например, из 673 соболей, 709 пу ков, 26 лисиц, 10 рысей, 14 300 белок, 66 мехов беличьи хребтовых и черевьих, 1315 песцов и 10 тыс. горностае вывезенных в 1690 г., «упромышленных» было толь 200 соболей, а все остальное куплено в Якутске «на го тин дворе и порознь»[107].

Пройдет немного времени и в составе вывозимых м хов вовсе исчезнет и эта доля «упромышленной» пушнин и весь вывоз будет состоять только из купленных мехо

Говоря о различных аспектах рыночных связей сев ро-востока Азии с Россией и Сибирью, мы еще не касали более или менее подробно участия местного населени в торговле. Мы имели случай отметить только, что в Яку ском остроге, да и на периферии товарно-денежный обм происходил главным образом между самими русским

Было отмечено слабое участие аборигенного населения в торгах. И это объяснено влиянием казенных покупок, иначе говоря тем, что государственные агенты повсюду старались покупать у населения оставшиеся после уплаты ясака меха. Однако были и другие причины. Аборигены ежегодно платили немало ясака. Из-за истощения промышленных районов они часто платили его «с недобором», и поэтому нередко сами покупали пушнину у эвенков, а иногда у торговых людей, попадая в кабалу к ним. Имела значение и государственная регламентация частной торговли.

Но какой характер имела эта торговля, хотя по объему она и была сравнительно небольшой? Очень неэквивалентный, как давно установлено исследователями. Она по существу была, как справедливо отметил С. В. Бахрушин, формой крепостнической эксплуатации коренного населения [108].

Эта эксплуатация проявлялась не только в запрещении продавать местному населению ряд необходимых в его быту товаров и в установлении длинного списка «заповедных товаров». Главное заключалось в неэквивалентности обмена. Алчные купцы обманывали темное население, соблазняя его своими товарами. Они, например, брали за стрелу по соболю, за огниво — по соболю, за нож — по соболю, за пилу — по два, за топор — по два, и по три, и дороже, за пальму — по 10—15, за прут железный — по 10. Иногда бывало, что брали по 8—10 соболей за один только топор [109]. Бывали даже случаи, когда «получали за один железный котел или медный котел столько соболей и черных лисиц, сколько оных в котел вместиться могло»[110]. Каждый норовил брать как можно больше, отдавая как можно меньше. Поэтому в первые десятилетия обычная цена медного «котлика» равнялась 10—20 соболям, топорика — 8. В те времена за 5 безменов меди можно было брать 40 соболей и 2 собольи шубы, за медный тазик — шубу соболью или 10—15 соболей, за 3 фунта бисера и 50 прядок одекуя — 121 соболя и т. д.[111]

В то же время служилые и промышленные люди применяли самые грубые формы принудительной торговли, мало чем отличавшейся от прямого грабежа, особенно на Севере, где незащищенное население стояло на очень низком уровне общественного развития. В 1663—1664 гг. колымские юкагиры жаловались, что в прошлых годах

приказчик сын боярский Константин Степанов Ду... и служилый Гришка Иванов Татарин в Нижнеколымск... зимовье учали «на них иноземцев порознь наметыв... железные свои товары сильно»: пальмы — по 15—20 с... болей, прут железный — по 10—15 соболей, топоры — по 10 соболей. С тех пор так же поступают и все друг... приказные, которые, приезжая в Нижнее зимовье, «н... метывают на них войском свои железные товары сильно... И если у кого соболей не будет или не достанет, они и... «бьют батоги насмерть и в тех недоносных соболя... емлют на них поруки». «Пуще» служилых поступают пр... мышленники, которые, «ходя по их юртам за свои желе... ные недоплатные товары, за соболи емлют сильно пар... и постели и чюмы одирают и всяким у них борошнем е... лют». Юкагиры сообщали, что́ стоили «войсковые желе... ные наметные товары». Так, Тимка Чагиев с родом плат... ясака в год 80 соболей, а за «наметный товар» ежегод... давал 200 соболей, Локейка с родом — соответственно ... и 160, Кимкуй Моганин — 21 и 200, Паулга и Уелин ... 20 и 150, Панега Мальсот — 16 и 80, Пантой Мальчиг... нов — 31 и 60, Мелетка Ширялов — 40 и 120, Кичи... Антин — 20 и 70. Некоторые давали по 240 соболей и б... лее [112]. В другой раз те же колымские юкагиры заявлял... что служилые люди иногда даже устанавливали норм... «наметывания»: кто платит ясаки 5 соболей, тому намет... вали товаров на 20 соболей, а кто платит 10 соболей, то... наметывали товаров на 40—50 соболей. При этом за топ... брали по 8—10 соболей, за стволины пищальные — ... 15—20, за пальмы — по 10—20. У кого не окажется с... болей, «того они бьют батоги без милости и в казенку с... дят»[113]. Подобная принудительная торговля перешла да... в XVIII в. По свидетельству очевидца Г. Фика, в 1730-... годах сборщики ясака возили в якутские улусы «с собо... из города не в малом числе соболей и лисиц на продаж... и хотя иноземцы прежде прибытия тех зборщиков соболе... и лисиц и заготовят, то, однако, оные зборщики того с... них не принимают, а принуждают их в тот платеж от себ... и вдвое и втрое платить»[114].

Наконец, необходимо отметить и то, что предмет... купли и продажи являлись люди. Почти каждый русск... человек, особенно из верхушечных слоев, имел подневол... ных якутов, эвенков, эвенов и юкагиров. И это не толь... в XVII в., но даже и в XVIII в. Г. Г. Скорняков-Писаре...

отбывавший якутскую ссылку в конце 1720-х — начале 1730-х годов, писал, что «в Якуцку мало таких казаков, у кого б ясачных людей в холопах не было»[115]. При этом некоторые имели по нескольку холопов. Из росписи ясырей из юкагиров, коряков и чукчей, проживавших в 1681 г. в Анадырском остроге, видно, что у сына боярского Родиона Кобелева было 3 ясыря, у старца Федосея — 7, у десятника Ивана Потапова — 5, у казаков Заледея — 2, Павла Леонтьева — 2 и т. д.[116] Вначале было больше пленных, захваченных во время казачьих набегов [117]. Но скоро стало больше купленных ясырей главным образом у самих местных жителей. В росписи ясырей 1641 г. значится 132 якутских холопа, работавших у русских торговых, промышленных и служилых людей. Из них «погромными» названы 17 чел., купленными у якутов — 35, купленными одними хозяевами у других — 80 чел.[118]

Местные жители продавали в рабство своих близких и дальних родственников, иногда и самих себя, главным образом чтобы расплатиться за ясак и поминки. Якуты в 1660-х годах в своих челобитьях царю писали: «А на которых на нашей братье якутах ваше, великих государей, ясачная доимка великая, и те якуты детей своих продают меж себя и служилым людям», многие из нас, «сбывая с себя за прошлые годы, вашего великих государей, ясаку и поминков доимку, детей своих и жен и родственников служилым людям иззапродали»[119]. Продавали в обмен на деньги, пушнину, скот и русские товары. Иногда очень дешево. В середине 1640-х годов подгородный якут Черекой продал свою племянницу Куобах казаку Григорию Киселю за котел, таз медный, пальму и волосяную сеть [120]. А 1648 г. борогонский якут Косика Сытыкин продал служилому Онтипу Фролову Кузнецу вскормленника своего Инельтен на «постелю оленью, 10 алтын денег, пуд муки, пуд рыбы просольной муксуновины»[121]. В 1653 г. подгородный якут Мазыя Докуев продал попу Якутского острога Степану Алексееву своего холопа Авына и взял «четыре рубли денег да кожу коровью»[122]. Проданные таким путем невольники переходили из рук в руки: хозяева перепродавали их, менялись ими, закладывали, завещали. Особенно часто переходили из рук в руки молодые женщины. Крещеная юкагирка Марфа Васильева дочь жаловалась, например, что она «в продаже у десятерых человек

с рук на руки перебывала, а ныне я, сирота твоя, от не
Омоса стала в холопстве у черного попа Макария»[1

Купленных ясырей русские люди использовали в каче
тве жен, держали в работниках, вывозили вверх по Ле
на Ленский волок, в Енисейский острог и в Россию [124]. В
это — оборотная сторона нового экономического явлени

Вместе с тем это явление имело немало положительн
сторон. Как известно, основой всякого рынка служит
только общественное разделение труда, но и порайонн
специализация страны. Если посмотреть на северо-вост
Азии с этой точки зрения, то он являлся одним из самь
крупных районов России. Но в нем не было сколько-н
будь развитой местной промышленности, местного реме
ла, земледелия и прочих промыслов. Однако это хорош
компенсировалось его пушными богатствами — богатс
вами, определившими его место на экономической кар
страны. Именно благодаря этой пушнине огромная и с
мая отдаленная окраина включилась в систему слагавш
гося всероссийского рынка и тем самым создались усл
вия для превращения ее в органическую часть Росси
ского государства.

Это превращение происходило постепенно. Требов
лось прежде всего экономическое и культурное сближ
ние пришлого русского населения с местным население
Торговля являлась наиважнейшим звеном для тако
сближения, и именно в этом аспекте должна быть оцене
ее роль в истории края.

Местное население, хотя и медленно, втягивалось в т
варно-меновые и товарно-денежные отношения. В е
хозяйство проникали новые товары: ткани, металлич
ские изделия, предметы украшения, хлеб и другие пр
дукты. Новые орудия труда (железный топор, коса-го
буша, рыболовные снасти, охотничье снаряжение) пов
шали производительность скотоводческо-охотниче
хозяйства. В обращении появились деньги, в первую оч
редь среди якутов. Скот, до прихода русских выполня
ший функцию всеобщего эквивалента, т. е. денег, собол
выполнявший ту же функцию с введением ясачного р
жима, со второй половины XVII в. свою роль постепен
уступают деньгам. Вещи постепенно стали оцениват
на рубли, алтыны и деньги (XVII в.), на рубли и копей
(XVIII в.). О довольно широком распространении ден
среди местного населения говорит тот факт, что в 1731

в счет ясака собрано 6417 р. 50 к. денег, т. е. 28,5% всего ясака [125]. Вместе с тем на далеких окраинах торговля еще долго носила меновый характер. В 1730-х годах народы Охотского побережья и Камчатки не употребляли денег. Верхоянские эвенки не знали «толку в деньгах» даже во второй половине XIX в.[126]

Торговля привозными товарами постепенно привела и к появлению местного купечества, прежде всего из среды русских. Первые представители этого нового сословия появились в первой половине XVIII в. В середине этого века, по свидетельству И. Исленьева, в Якутске было несколько десятков купцов, из которых выделялся Протодьяконов, «которого достаточным назвать было можно, потому что капитал его в деньгах и в товаре простирался до 15 000 рублей». Остальные были мелкими купцами, совмещавшими посредническую торговлю со службой. «Иные из них питаются только тем, что, взявши в долг табаку и бисеру, продают его, ездя по якутам, и получают некоторый барыш»[127]. Однако некоторые купцы уже в тот период проявляли энергичную предпринимательскую деятельность и ездили до побережья Охотского моря и островов Тихого океана [128].

Возникновение ярмарок и дальнейшее развитие торговли

Мы уже говорили, что на северо-востоке Азии ярмарки возникли с 1760-х годов. Значит ли это, что до этого времени здесь не было никаких ярмарок? Нет, не значит.

В 1663 г. колымские юкагиры «на Колыме реке на Нижной ярмонке на Красном песку били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу словом, потому что им иноземцом, бояся от башлыков, нихто об их нужах и об обидах великому государю челобитен никто не пишет»[129]. В том же году юкагир Меринко Абылтаев жаловался, что «дали де ему на Нижной армонке из войска товару тое пальмишку да прут железа... а приказывают де зимою за тое пальмишко и за прут железа готовить в войско за пальму 10 соболей, за прут железа 8 соболей»[130]. В 1664 г. юкагирский князец Кильтешка Калямин и его улусные люди свою челобитную о насилиях и вымогательствах ясачного сборщика Ивана Кузакова подали пятидесятнику Григорию Иванову Та-

тарину в Среднеколымском ясачном зимовье «весною н ярманге»[131]. В 1681 г. «генваря в 27 день на Верхней Ко вымской ярмонге перед приказным человеком перед пят десятником казачьим перед Герасимом Цыпандиным ра прашиван казак Кузька Яковлев»[132]. В июле 1764 г в Якутской воеводской канцелярии писали: «В Якуцке дл произвождения комерции ярмонга бывает с начала июн месяца первых чисел и продолжается до половины июля даже и до августа месяца»[133].

Выходит, что ярмарки на северо-востоке Азии сущест вовали издавна — с самого начала возникновения торго и соболиных промыслов, т. е. с первой половины XVII в., ибо общественное явление, отраженное в документах на чала 1660-х годов, сложилось не вдруг, а много раньше Но что это были за ярмарки? Обычные съезды торговы и промышленных людей в определенных местах, во врем которых происходил обмен товаров. Ярмарками или яр монками они назывались по образцу российских, откуд приезжали русские люди и где так издавна назывались большие торговые съезды.

Говоря о ярмарках, мы имеем в виду не эти ярмарки — обычные сборы торговых и промышленных людей, а яр марки, организованные по указам властей и поэтому под чинявшиеся определенным правилам. Первое правитель ственное указание на необходимость учреждения ярмарок среди ясачных Сибири содержится в инструкции Сената данной в июне 1763 г. лейб-гвардии Семеновского полк секунд-майору Щербачеву, отправленному в Сибирь с ко мандой для «отвращения происходящих там непорядко и взяток, вымогаемых при сборе ясака». В ней повелева лось «назначить с согласия тех иноверческих князцо и старшин в городах и острогах, так и в отдаленных улу сах в пристойных местах, где собственно они сами поже лают, сугланы или сборныя места и при оных учредит ярмонки». Учредить их следовало «для лучшаго и поря дочнаго сбора ясака» и для выгоды самих иноверцев: яса собран был бы в городах, острогах и в иных определенны местах (сугланах) организованно и своевременно, а ясач ные тут же могли бы продать излишки своих мехов «н нужные к содержанию их товары». При этом здесь же пре дупреждалось, чтобы на эти ярмарки купцы приезжал «единственно только с нужными по таможним обстоятель ствам к житию их (т. е. ясачных) товарами» и тольк

«единожды в год», «в определенные от них же самих иноверцов времена», когда там будут находиться комиссары для сбора ясака. В другое время выезжать в улусы и кочевья ясачных купцам категорически запрещалось. Во время же ярмарок свободная мена разрешалась только после полной уплаты ясака [134].

Таким образом, уже в первом правительственном акте содержались определенные правила, которые должны были регулировать ярмарочную торговлю. Однако этот акт представлял собой общее указание, касавшееся всей Сибири. Указ же об учреждении ярмарок в городах Восточной Сибири — в Иркутске, Якутске и Удинске — был издан Сенатом 25 июня 1768 г.[135]

Именно с этого времени перед местными властями северо-востока Азии встал вопрос об учреждении ярмарок, подчинявшихся определенным, подсказанным сверху правилам.

Сколько и когда было учреждено подобных ярмарок? Впервые на этот вопрос попытался ответить Г. П. Башарин. Он писал: «В конце XVIII — первой половине XIX в. в Якутии существовало около трех десятков ярмарок». Затем он тут же привел список ярмарок по Якутскому, Вилюйскому, Олекминскому, Колымскому и Верхоянскому округам, т. е. по всей Якутии. Указал время и продолжительность проведения ярмарок [136].

Однако в действительности такого количества действующих ярмарок никогда не было. В конце XVIII в. функционировали только две ярмарки: Якутская городская и Анюйская. В других местах ярмарки еще не были учреждены. Об этом свидетельствует достоверный документ, составленный по требованию Комиссии по топографическому описанию и составлению карты Иркутского наместничества, «Описание Якуцкой провинции Иркутской губернии» от 1794 г.[137] В нем пишется, что «по неимению в окрестностях онаго [Якутска] городов из давних времен торговых и следственно съездов для продажи или покупки чего-либо не бывает»[138]. Далее в документе подробно описываются положение и достопримечательности Олекминского, Верхневилюйского, Алданского, Удского, Жиганского, Верхоянского и Среднеколымского округов. Но о ярмарках нет ни единого упоминания.

И это понятно, так как приведенные в списке Г. П. Башарина ярмарки (все, кроме Якутской городской и Анюй-

ской, а именно 10 ярмарок в Якутском округе, 4 — в Олекминском, 3 — в Вилюйском, 8 — в Верхоянском и Колымском округах) были учреждены только в 1812—1813 гг., после получения предписания иркутского гражданского губернатора Трескина от 9 августа 1812 г. об учреждении «немедленно во всех тех иноверческих ведомствах ярмонок, где оных еще не учреждено». Учреждены они были на территории большинства улусов и волостей, где проживало местное население, учреждены формально и наспех, без учета местных условий. Поэтому абсолютное их большинство вовсе не функционировало, некоторое время числясь только на бумаге. Об этом свидетельствуют рапорты улусных голов и смотрителей ярмарок, поданные в Якутский окружной земский суд осенью 1819 г.

В Мегинском улусе ярмарка была учреждена на правом берегу Лены, напротив г. Якутска, и в 7 верстах от него. Но здесь, как доносил улусный голова Константин Попов, «с самого начала при оной никакого стечения торгующих и поныне не происходило»[139]. Все, кто хотел торговать, ездили в город. В Батурусском улусе ярмарка была учреждена в местности «Жабыль», примерно в 50 верстах от Якутска. Но и там «никогда никакой торговли ни с какой стороны» не производилось [140]. В с. Покровске, в 70 верстах от Якутска, на левом берегу Лены, где также была учреждена ярмарка для якутов Кангаласского улуса, «в привозе российских и китайских [товаров], равно и промену у якутов пушных товаров» не бывало [141]. Для якутов Борогонского и Дюпсинского улусов ярмарка в 1813 г. была назначена в местности «Мюрю», но смотритель ярмарки князец Иван Мигалкин доносил, что «с самого того времени, так и прежде и ныне, на оную ярмонку ни единого из торгующих купцов не являютца ни с какими товарами. Жители (улусов) за нужное быть ярмонке не находят и наивсегда за потребностями своими выезжают в город» Якутск [142]. В Верхневилюйском комиссарстве были учреждены три ярмарки: при урочище Эльгяе в Сунтарском улусе, при урочище Харамахе в Верхневилюйском улусе и при урочище Тамалакане в Средневилюйском улусе. Однако из рапорта комиссара Заболоцкого видно, что на тех местах «с того самого времени поныне не только никакой торговли не производилось, но даже и съезда на оныя для произведения торговли ни из какого сословия людей» не бывало [143]. В Олекминском комис-

сарстве почти не действовали ярмарки при тунгусских урочищах Чопчу и Перше. Первая ярмарка находилась в 650 верстах от Олекминска, вторая — в 360 верстах. В этих местах коренных жителей вовсе не было. Желающие могли «збираться с разных мест». Туда изредка якуты возили немного съестных припасов в обмен на пушнину [144]. Регулярной торговли не велось и на ярмарках, учрежденных было в Верхоянском и Колымском округах: Булунской, Верхоянской, Усть-Янской, Зашиверской, Ожогинской, Русскоустьинской и Среднеколымской. По причине чрезвычайной отдаленности этих мест торговля с немногими приезжающими купцами происходила в любое время года независимо от узаконенного срока [145].

Таким образом, из 25 ярмарок, учрежденных в 1812—1813 гг., постоянно стали действовать только четыре: Олекминская, Кыллахская, Майская и Учурская. В остальных предусмотренных местах ярмарки или вовсе никогда не открывались, или же незначительные торги происходили лишь эпизодически. Поэтому вместе с ранее существовавшими на территории Якутии нормально функционировало всего 6 ярмарок: в Якутском округе — Якутская городская, Учурская при устье р. Учура и Майская при р. Мае; в Олекминском округе — Олекминская городская и Кыллахская на острове р. Лены; в Колымском округе — Анюйская при Анюйской крепости. В Вилюйском же и Верхоянском округах, как писалось в отчетах якутского гражданского губернатора о состоянии Якутской области за 1854 и 1862 гг., ярмарок учреждено не было [146].

За пределами Якутии ярмарка функционировала в Охотске, где фактически находилось средоточие всей сибирской приморской торговли. Российские и китайские товары отправлялись в Гижигинск, на Чукотку и Камчатку, а местные товары этих земель попадали в Сибирь и Россию только через Охотск. Однако нам не удалось установить точную дату возникновения там ярмарки. Можно только предположить, что она была учреждена во второй половине XVIII в. Кроме Охотской, на Охотско-Беринговом побережье были еще две ярмарки — Анадырская и Чукотская.

Все названные 10 ярмарок функционировали до самого конца изучаемого нами времени, т. е. до середины

XIX в. Главными из них были две — Якутская и Охот ская. Остальные являлись дочерними, так как товары в них попадали с двух первых.

Якутская ярмарка являлась, конечно, важнейшей Она бывала летней и зимней. Летняя начиналась «с пер вых чисел июня и продолжалась по август месяц», обычн с 1 июня по 1 августа. Зимняя открывалась 10 декабр и закрывалась 1 января [147]. На ярмарке обращались при возные товары, главным образом российские, частичн западноевропейские и китайские. Это были шелковые полушелковые, хлопчатобумажные и льняные ткани сукно, кожаные изделия, изделия из железа и меди, фар форовая, фаянсовая, медная, оловянная и деревянна посуда, охотничьи припасы и принадлежности (порох свинец, ружья разных видов, прядево для неводов и се тей), продукты питания, в том числе чай, сахар, мука крупа, соль. Много привозилось черкасского листовог табака, водки и пр.

Привозили их купцы разных городов. «По вскрыти реки Лены съезжаются из Иркуцка на судах купцы та мошние и приезжие, из разных городов сибирских и рос сийских торговые люди, а частично греки и малороссияне временем же из Тобольска и Енисейска прямо приезжаю рекою Леною через волок, в Илимском уезде состоя щий»,— сказано в «Описании Якуцкой провинции» кон ца XVIII в.[148] «А в одно... время,— пишется там же,— вместе с купцами приезжая сверху р. Лены барками и пло тами торгующие крестьяне привозят к продовольстви якуцких жителей на продажу муку, крупу, солод, холсты сукна сермяжные, кедровые орехи, пеньку, дуги, огло ли и прочие к общежитию потребные вещи»[149]. Примерн то же сообщается и в последующих известиях. На ярмар ку «приезжают [купцы] из губерний Иркутской, Воло годской, Владимирской и Московской... Купечеств городов сибирских и российских приплывает на судах ре кою Леною, доставляя различные товары»,— писал оче видец Миницкий в первой трети XIX в.[150] «Иркутски купцы привозят вниз по Лене массу своих товаров, чтоб оптом закупать накопляемые за год меха»,— сообщае другой очевидец, но уже середины XIX в.[151]

Эти свидетельства показывают, что до самой середин XIX в. транспортной артерией, как и раньше, оставалас одна Лена. На пристанях ее верховьев в Качуге, Усть

Куте и в других селениях весной собирались все те, кто ехал с товарами вниз до Якутска. Здесь они строили разовые сплавные суда (павозки, барки, карбазы и плоты) и по вскрытии реки устремлялись к цели своей поездки. Уже во второй половине XVIII в. ежегодно таким порядком шли десятки судов. В 1774 г., например, прошло вниз по Лене до Якутска 74 судна, в том числе купеческих — 32, крестьянских — 36 и мещанских — 6. В 1776 г. прошло 136 судов, в том числе крестьянских 50. Груз их составил 153,6 тыс. пудов. В 1778 г. судов прошло 54, в том числе купеческих — 11, крестьянских — 25, мещанских — 15, казенных — 3. Они везли 78,1 тыс. пудов груза. В последующем году судов стало 59, из них купеческих — 7, крестьянских — 37, мещанских — 11, церковных служителей — 2 и казенных — 2. Груз их составил 68 тыс. пудов. В 1780 г. прошло 55 судов, в том числе купеческих— 16, крестьянских— 29, мещанских — 9, церковных служителей — 1, с грузом в 54,9 тыс. пудов. Наконец, в 1781 г. в Якутск ушло 63 суда, в том числе купеческих — 16, крестьянских — 32, мещанских — 13 и прочих — 2. Груза они везли 50 тыс. пудов [152].

Хозяевами этих судов были прежде всего торговые крестьяне из уездов Иркутской губернии — Иркутского, Верхоленского, Илимского и Усть-Киренского, редко из далеких Яренского и Важского. Им принадлежало до половины товара и более. Так, из только что приведенных размеров грузов крестьянам принадлежало в 1776 г. 78,6 тыс. пудов, в 1778 г.— 31,8, в 1779 г.— 38,4, в 1780 г.— 27,2 и в 1781 г.— 28 тыс. пудов [153]. В основном это был хлеб верхнеленских пашен в виде пшеничной и ржаной муки, ячной и гречневой крупы, толокна, ржаного солода, овса, сухарей. За крестьянами шли купцы, мещане и прочие лица, главным образом иркутские, и лишь некоторые из Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска и Вологды. Им принадлежало до половины груза (хлеб и другие товары).

В XIX в. количество грузов, шедших в Якутск, увеличилось, особенно хлеба. В «Положении о распространении хлебопашества в Иркутской губернии» Н. Трескина от 1812 г. писалось: «Вся обширнейшая Якутская область обеспечивается, так же как Охотск и Камчатка, хлебом Иркутского и Нижнеудинского уездов»[154]. Размеры привоза колебались в зависимости от различных обстоя-

тельств от 100 до 300 тыс. пудов в год и бо
Преобладающая его часть шла из деревень и волос
верховьев Лены и бассейна р. Илима. В начале XIX
одна Илимская волость ежегодно поставляла в Якут
до 160 тыс. пудов хлеба. В 1830-х годах из одной Илги
ской волости отправляли туда же до 70 тыс. пудов [1
Увеличивался завоз и различных промышленных изд
лий. Поставщиками выступали в первую очередь ирку
ские купцы. Приезжали также отдельные купцы из дру
гих сибирских городов, например Тобольска и Енисейск
даже из губерний центральной России — Московско
Владимирской, Вологодской. Временами появлялись
выходцы с Украины. Но больше всего было кресть
верхнеленских волостей, привозивших урожаи своих
хлебов.

Многие их тех, кто ехал в Якутск с товарами, по до
роге останавливались в г. Олекминске, в слободах Вит
ме и Пеледуе, около некоторых станций и деревень и пр
изводили торг. Особенно часто останавливались кресть
не, снабжая ежегодно приленских жителей хлебо
В Якутск приплывали во время ярмарки — в самом н
чале или в разгар ее.

К этому времени здесь собирались якуты центральны
улусов, слободские крестьяне, купцы и их приказчи
из далекого Верхоянья, с Колымы и из других мест с
веро-востока Азии. Численность купцов по сравнени
с XVIII в. постепенно возрастала. Их можно было най
не только в Якутске, но и в других городах — центра
округов. В 1823 г. в Якутске, например, купцов втор
и третьей гильдий было 43, включая и членов их семе
в Олекминске купцов третьей гильдии — 10, в Вилюйск
той же гильдии — 8 чел.[156] В 1835 г. купцов втор
и третьей гильдий в Якутске было 33, включая и член
их семей, в Олекминске — 4, в Вилюйске — 1, в Верхо
янске — 4, в Среднеколымске — 2 [157]. Были купцы, про
живавшие и вне городов. Поэтому общее число купцо
в том же году в Якутском округе вместе с членами их се
мей составляло 88 чел., в Олекминском округе — 15
в Вилюйском округе — 1, в Верхоянском округе —
и в Колымском — 2[158]. А вот данные о числе куп
цов г. Олекминска. Здесь в 1837 г. их было — 3
в 1849 г. — 10 и в 1852 г. — 12 [159]. Значительная часть эти
купцов, особенно якутских, имела своих агентов — при

казчиков, некоторые — по несколько человек. Следует, кроме того, отметить, что мелкой торговлей занималась часть зажиточных мещан, служилых, крестьян и прочего населения. В иных местах они количественно превосходили число гильдейских купцов.

Некоторые из якутских купцов, являясь сравнительно крупными предпринимателями, участвовали в морских промыслах на Курильских и Алеутских островах. В 1771—1772 гг. компания, организованная на судне «Прокопий» якутским купцом Прокопием Протодьяконовым и вологодским купцом Матвеем Оконешниковым, добыла на Курилах бобров и котиков на 20 130 руб., в 1775 г. компания якутского купца Павла Лебедева-Ласточкина и Григория Шелихова там же добыла пушнины на 55 445 руб. Компания двух последних купцов на судне «Наталия» промыслом морских зверей на Курилах занималась и в 1777—1778 гг. Только на острове Аткисе она добыла пушнины на 51 085 руб.[160] Затем П. Лебедев-Ласточкин свою деятельность перенес на Алеутские острова, более богатые бобрами и котиками. В начале 1780-х годов на островах Тихого океана действовало пять компаний, в том числе и его компания. В 1781—1797 гг. ими было отправлено на острова за пушниной 10 судов, в том числе 4 судна компании Лебедева-Ласточкина. За эти годы они вывезли мягкой рухляди на 1 196 119 руб.[161] Суда Лебедева-Ласточкина доходили до Аляски. Они не только активно вели торговлю с аборигенами Кенайского залива, выменивая у них шкуры морских и речных бобров, выдр, лисиц, соболей, но и организовывали походы на Север, доходя до низовьев р. Юконы [162].

Эти местные купцы играли главенствующую роль на Якутской ярмарке. Они и их приказчики свозили сюда все покупаемые ими в различных уголках северо-востока Азии дорогие меха, мамонтовую кость и моржовые клыки. Именно эти богатства, а не продукты скотоводства (скот, мясо, масло, прочие молочные продукты, кожа) и охоты (шкуры оленей, медведей, лосей, зайцев, дичь, рыба и т. д.), обращавшиеся в немалом количестве на Якутской ярмарке, привлекали сибирских и российских купцов и, таким образом, связывали отдаленный край с центральными районами страны.

На Якутскую ярмарку съезжались и первые представители нарождавшегося якутского купечества. В улусах

уже во второй половине XVIII в. появились богачи, располагавшие большими денежными средствами. В 1785 г. коллежский асессор и заседатель Якутского совестного суда Осип Матушевский писал, что «у иных иноверцов посредством их промыслов довольно имеется денег в золотой и серебряной монете»[163]. С течением времени возникали более крупные состояния. Один купец в 1800 г. отметил, что у якутов накапливаются солидные денежные суммы, что богачи много денег получают путем продажи пушнины, что во время ярмарок они ежегодно продают мягкой рухляди русским купцам на сумму до 300 тыс. руб. «В мою бытность,— писал он,— один простой якут, называемый Хаепа, имел до 100 000 руб. золотом, которую сумму я сам видел и многие тамошние купцы, ибо он в каждую ярмонку, бываемую в Якутске, продавал мягкой рухляди тысяч на тридцать и более, получая все серебром и золотом». Он писал, что якуты «немало денег получают и от подрядов»[164].

Богатые якуты имели частые сношения с эвёнками, эвенами и юкагирами, снабжая их разными вещами, «а наиболее съестными припасами» и взамен получая «пушные звери и другия произведения охоты»[165]. Пушнину и продовольственные товары они скупали также и у якутского населения и перепродавали в городах русским купцам со «значительной для себя пользой». Все это вызывало недовольство русских купцов, действовавших в тех же местах. Депутаты последних в феврале 1832 г. даже подали в Якутскую городскую ратушу пространную жалобу на якутских купцов. В ней они писали, что действия якутских купцов распространились «по всей Якутской области до величайшей степени», дошли «до пределов Охотского порта и Тагуйского форпоста» и привели «к ощутительному подрыву коммерции купцов... чувствительному стеснению и расстройству их». Ходатайствуя перед ратушей о защите интересов русских купцов от «столь вредной и непозволительной законами торговли якутских купцов», заявители писали, что некоторые якутские купцы производят «торговую спекуляцию от 10 до 30 тысяч рублей каждый»[166].

Оборот Якутской ярмарки был сравнительно большой по местным масштабам. В 1820-х годах, по свидетельству очевидца, весь оборот торговли на ярмарках г. Якутска (летней и зимней [167]) и Якутского уезда (Майской и Учур-

ской) достигал 2 млн. руб. (точнее — 1 954 587 руб.)[168]. В 1838 г., по данным Г. П. Башарина, на Якутскую ярмарку было привезено российских и сибирских товаров на 1 119 495 руб., продано из них во время летней ярмарки — на 696 632 руб.[169] В 1854 г. на Якутскую, Олекминскую и Кыллахскую ярмарки «приплавлено товаров по Лене» на 438 078 руб. 75 коп. Из них на Якутской ярмарке продано на 312 698 руб. 50 коп., на Олекминской — на 41 тыс. руб. и на Кыллахской — на 18 тыс. руб.[170] И наконец, данные за 1862 г.: в этом году привезено на якутскую летнюю ярмарку «колониальных и мануфактурных товаров» на 584 960 руб. 30 коп., продано из них на 407 202 руб. 15 коп.[171] Выходит, что ежегодные обороты Якутской ярмарки достигали в среднем 1 млн. руб.

Приезжие купцы в обмен на привозимые товары приобретали главным образом пушнину, затем мамонтовую кость и моржовые клыки, также высоко ценившиеся в то время. «Якутская область взамен привозимых товаров отпускает пушной зверь, моржовый зуб и мамонтовую кость»,— писалось обычно в годовых отчетах якутских губернаторов о состоянии Якутской области за тот или иной год [172]. Меха доставлялись в Якутск местными купцами и их приказчиками со всего северо-востока Азии — из бассейнов Лены и ее притоков, Оленька, Яны, Индигирки, Колымы, с Чукотского полуострова, Камчатки, Охотского побережья, из Удского края и даже из северо-западной Америки. В документах о Якутской ярмарке постоянно упоминаются соболи алданские, вилюйские, учурские, жиганские, колымские, удские, камчатские и гижигинские, бобры речные колымские, выдры колымские и камчатские, лисицы якутские, вилюйские, колымские, камчатские и гижигинские, белки якутские, олекминские, вилюйские, алданские, оймяконские, колымские, охотские и гижигинские. Кроме этих зверей, упоминаются рыси, горностаи, колонки, хорьки, медведи, волки. Меха этих животных доставлялись ежегодно, и, таким образом, в Якутск стекалась вся годовая добыча с необъятного пространства. Мамонтовая кость ежегодно добывалась главным образом усть-янскими и нижнеиндигирскими русскими и якутскими промышленниками на берегах Северного Ледовитого океана, особенно же на островах Ляховских. Моржовые клыки добывались на крайнем северо-востоке оседлыми приморскими чукчами.

На какую сумму сбывалось этих ценностей на ярмарке в Якутске до середины XIX в., можно видеть из данных, приведенных в приложении к работе Г. П. Башарина [173].

Предмет продажи	1838 г.	1840 г.	1843 г.	1850 г.
Соболь	10 200	10 000	12 000	5 000
Лисица красная	5 010	12 000	10 500	5 250
Лисица сиводушчатая .	590	600	1 000	550
Лисица черная	45	50	10	50
Бобр речной	160	700	1 000	600
Рысь . . .	—	—	—	20
Выдра . .	120	300	200	50
Куница колымская . . .	700	1 500	1 000	2 650
Песец голубой	60	100	200	20
Песец белый	12 000	12 000	12 000	4 250
Песец норниковый .	—	—	15 000	1 550
Белка .	425 000	780 000	300 000	375 000
Горностай .	25 000	80 000	30 000	14 000
Колонок	4 500	5 000	1 000	—
Хорек	—	—	—	1 400
Медведь . .	—	—	—	175
Кабарга (струя)	4 000	8 000	1 000	—
Волк . . .	—	—	—	40
Мамонтовая кость .	500 п.	1 310 п.	1 500	—
Моржовые клыки . .	250 п.	300 п	1 000	—
Всего .	795 925 р.	1 183 725 р.	944 925 р.	160 067 р.
В том числе пушнины	761 325 р.	1 105 725 р.	865 925 р.	160 067 р.

Выходит, что ежегодно на ярмарке мехов продавалось на многие сотни тысяч рублей, иногда даже более чем на 1 млн. руб. В отличие от прошлых времен, особенно XVII в., на рынке обращались не только соболи, но и все прочие меха. Однако соболь еще не сошел со сцены. Он фигурирует на ярмарке постоянно, иногда даже в значительном количестве.

С середины XIX в. размеры пушного рынка резко па-
ают. Сумма ежегодной продажи на Якутской ярмарке олебалась в пределах 100—350 тыс. руб. Это было вызано прекращением привоза камчатских, чукотских, гиижигинских и охотских мехов в результате освоения Амура, образования Приморской области и включения Охоткого побережья и Камчатки в ее состав.

Привозные товары, купленные в Якутске, местные упцы и их приказчики развозили по другим ярмаркам.)ни их доставляли прежде всего на Майскую, Учурскую, Анюйскую и затем Охотскую ярмарки, причем сроки роведения первых трех были назначены с таким расчеом, чтобы после них купцы поспели на летнюю Якутскую ярмарку (Анюйская — весной, Учурская — с 1 мая по июня, Майская — с 15 июня по 1 июля). Купцы товары развозили и по другим местам, где не было ярмарок, реимущественно по северным районам. Там на привозые товары выменивались меха, мамонтовая кость и морковые клыки, которые, как правило, привозились в Якутск на летнюю ярмарку. Ежегодно происходил своюобразный кругооборот товаров: привозные товары снаала попадали в Якутск, оттуда через посредство местых купцов и их приказчиков в течение осени, зимы и есны ходили по различным местам огромного края, там ни превращались в меха и другие местные товары, коорые к летней ярмарке попадали в Якутск с тем, чтобы ыть раскупленными приезжими купцами. И так из года год. Поэтому Якутск являлся важным экономическим ентром и одним из значительных центров всероссийско рынка, стягивавшим к себе богатства всего северостока Сибири и служившим пунктом, из которого они ывозились дальше — в Сибирь, Россию и Китай.

Значительным центром всероссийского рынка на Тиоокеанском побережье являлся Охотск. Здесь ярмарка ткрывалась 15 июля и закрывалась 15 сентября. Продолжительность ее функционирования обусловливалась обирностью района, откуда приезжали купцы [174]. Больше его приезжало якутских купцов. «Достаточные [купцы] дят в Охоцкой порт, гоняют туда скот, возят сухари, рупу, ветчину, масло коровье и сало»,— сказано в «Опинии Якуцкой провинции» 1794 г.[175] Приезжали сюда, обывав на Якутской летней ярмарке и закупив там приозные товары [176]. В Охотск ехали и отдельные наиболее

предприимчивые купцы из городов Центральной России и Сибири. Вот данные о прибытии сюда купцов и их приказчиков: в 1831 г. якутских купцов прибыло 6, камчатских — 3, иркутских — 1, гижигинских — 1, богородских — 1, «гостиных» — 1, приказчиков — 20, всего 33 чел.[177]; в 1833 г. якутских купцов прибыло 8, российских — 2, камчатских — 1, приказчиков — 19, всего 30 чел.[178]; в 1836 г. якутских купцов— 4, иркутских — 1, камчатских — 2, купеческих детей —2, приказчиков мещанских — 22, в том числе иркутских — 7, якутских — 6, киренских — 3, тотемских — 2, тюменских — 2, московских — 1, балаганских — 1, всего 31 чел.[179]; в 1837 г. якутских купцов — 5, иркутских — 2, гижигинских — 1, камчатских — 1, тотемских — 1, приказчиков мещан — 22, в том числе иркутских — 6, якутских — 5, тотемских — 4, киренских — 3, московских — 1, устюжских — 1, томских — 1, гижигинских — 1, всего 32 чел.[180]

Товаров привозилось довольно много: в 1836 г., например, на 258 644 руб., в 1837 г.— на 324 859 руб., в 1844 г.— на 153 518 руб.[181] Среди них фигурировали изделия шелковые и полушелковые, шерстяные, бумажные, льняные, пеньковые, кожа разных видов, хрустальная, фарфоровая и фаянсовая посуда, серебряные и медные изделия, готовая одежда, обувь, продукты питания (мука, крупа, масло, сыр, колбаса, чай, сахар), вина, фрукты, табак, ружья, рогатый скот и т. д. Большая часть этих товаров на ярмарке продавалась сразу, что свидетельствует о значительной покупательной способности Охотска. Так, в 1836 г. во время ярмарки было продано товаров на 161 067 руб., в 1837 г.— на 188 889 руб., в 1844 г.— на 100 200 руб.[182] Товары, не проданные на ярмарке, реализовывались в остальное время года.

Во время ярмарок в Охотске собиралось довольно большое число людей. В «Ведомости о состоянии Охотска» за 1844 г. писалось: «Самое большое число жителей во время ярманки и съездов было до 1000 чел.» (в то время постоянных жителей в городе было 876 чел.)[183]. Среди покупателей привозных товаров следует прежде всего назвать жителей самого Охотска, города, лишенного местной промышленности в какой-либо форме и других источников необходимых средств к существованию. Поэтому членам военного ведомства, гражданским служащим, казакам, мещанам, служащим Российско-Американской

компании и другим приходилось ежегодно делать запасы на целую зиму, до следующей ярмарки. Продовольствие и разное снаряжение покупали и промышленники, уходившие в море на промысел бобров и котиков. Значительной была роль камчатских и гижигинских купцов, оптом закупавших товары для перепродажи жителям Камчатки, Чукотки и Гижигинского края.

Среди местных товаров, шедших в обмен на привозные, главное место занимали мягкая рухлядь и моржовые клыки. Например, как указано выше, в 1837 г. на ярмарке было продано привозных товаров на 188 889 руб., а пушнины и моржового клыка реализовано на 177 350 руб., в том числе морских бобров — 9, речных — 17, соболей — 3924, лисиц чернобурых — 15, сиводушек — 283, красных — 3026, песцов голубых — 80, белых — 989, выдр — 103, волков — 39, белок 49 468, горностаев — 3 и «моржового зубу» — 440 п. 9 ф.[184] Во второй половине XVIII в. в Охотске продавалось много пушнины, добытой промышленниками на Курильских, Командорских и Алеутских островах.

Словом, Охотск сыграл ту же роль, что и Якутск: он стягивал к себе рыночные ценности всего крайнего северо-востока Азии. Из Охотска привозные товары ежегодно отправлялись в Гижигинск, Тигиль, Петропавловск. Оттуда они попадали к охотникам и морским звероловам. Вымененная на эти товары их добыча ежегодно привозилась в Охотск.

Из дочерних наиболее значительной была Анюйская ярмарка. В литературе даются разноречивые сведения об ее основании. А. Е. Шаховский в первой четверти XIX в. писал, что она открыта «старанием бывшего зашиверского исправника Банера в 1789 г.»[185] Г. П. Башарин утверждал другое: что будто она учреждена в 1775 г. по указанию того же Баннера — зашиверского комиссара [186]. Однако в 1775 г. никакого зашиверского комиссара не могло быть, поскольку еще не было самого зашиверского комиссарства. Впервые только в 1783 г. возникает отдельная зашиверская административная единица под названием Зашиверского уезда, и во главе не с комиссаром, а с земским исправником. Поэтому верными являются сведения, сообщенные А. Е. Шаховским.

Местом проведения ярмарки вначале определили речку Ангарку (притока Большого Анюя), где построили бы-

ло Ангарскую крепостцу. Через некоторое время ярмарку перенесли на остров Малого Анюя и здесь поставили Островную крепостцу. В 1848 г. она была разрушена половодьем и ярмарку перевели на 10 верст ниже, на возвышенный левый берег Малого Анюя [187].

Место это было обитаемо только во время ярмарки, проводившейся ежегодно в течение нескольких дней во второй половине марта. Сюда собирались главным образом чукчи, приезжали также юкагиры, эвенки, эвены и коряки, иногда даже из далекого Гижигинского края. Люди съезжались за 1000—1500 верст, кто как мог: на оленях, собаках, лошадях. Для встречи с ними приезжали купцы из Якутска, русские обыватели из колымских зимовий. Они привозили с собой листовой крепкий табак южнорусского происхождения (так называемый черкасский) — главный предмет торга, всякого рода металлические изделия (ножи, топоры, железные и медные котлы), оружие, порох, свинец, бусы, некоторые хлопчатобумажные изделия, чай, сахар. Товарами же аборигенов являлись шкуры лисиц (красных, чернобурых, серебристых), песцов, рысей, росомах, выдр, речных бобров, медведей, моржовые клыки, одежда из шкур оленя. Торг был чисто меновой. Деньги не ходили совсем.

Ярмарка эта была оригинальной. Вот красочное ее описание: «Русский чиновник (обычно исправник.— *Ф. С.*) с небольшим конвоем наблюдает за порядком и спокойствием и собирает в казну довольно незначительную пошлину (т. е. ясак.— *Ф. С.*) с чукчей. Перед открытием ярмарки определяется такса для того, чтобы купцы не подрывали друг друга (так, например, 2 пуда черкасского табаку стоимостью приравниваются 16 лисьих и 20 куньих шкур), и кто отдает свой товар ниже такой нормальной цены, тот подвергается денежному штрафу. По окончании этих предварительных работ все православные идут в церковь и слушают обедню, потом поднимается флаг на башенке острога, и ярмарка открывается. Тотчас же чукчи, вооруженные дротиками, стрелами и луками, приходят в движение и ставят свои сани с товаром полукругом перед крепостью, перед ними устанавливаются русские и другие торговцы, и все, затаив дыхание, ждут колокольного звона, по знаку которого начинается торговля. Лишь только пронесется гул от перваго удара колокола, как по русским будто пробежит электрическая

:кра. Каждый, самым странным образом нагруженный ιбаком, котлами, ножами и другими произведениями... ιешит изо всех сил стать первым у саней, перескакивает ιрез своего конкурента или же сам растягивается на сне-'. Что за дело, что дорогой потеряет шапку, рукавицы и, ›жет быть, пару зубов,— при 30° морозе без шапки и ʼкавиц бежит он сломя голову, чтобы вознаградить уд-ιенною деятельностью потерянное время. Не добежав ιе до первого чукча, он уже издали расточает перед ним ιки красноречия и на странной смеси русскаго, чукот-:аго и якутскаго языков восхваляет удивительную доб-ιкачественность табака и необыкновенную прочность ιтла. Этой суетливости совершенно противоположны спо-ιйствие и непоколебимая важность чукча, молча он ιслушивает болтовню и качает головой, если, по его ιению, слишком мало дают за его товар, и при этом ни мгновение не теряется, тогда как русский в поспеш-ιсти нередко отдает 2 п. табаку за один и хватает крас-'ю лисицу за чернобурую. Вся ярмарка редко продол-ιется более 3 дней»[188].

По окончании торга происходило своеобразное празд-ство: оленьи скачки на призы, борьба, пляски и прочие еселения.

Были и другие меновые ярмарки, подобные Анюй-ой,— Анадырская и Чукотская.

Первая ярмарка происходила в феврале у р. Анадырь, 35 верстах ниже места уничтоженного Анадырского грога. Здесь в 1788 г. рыльский купец Кречевцев для рговли с чукчами поставил небольшое селение, обне-ιное высокими деревянными стенами. Позднее торговлю ιукчами на этом месте захватила Российско-Американ-ая компания, имевшая комиссионерство в Гижигинске. 1819 г. компания продала свое заведение с товарами жигинскому купцу 2-й гильдии П. А. Баранову. Еже-дные обороты ярмарки достигали 15 тыс. руб.[189]

Чукотская ярмарка функционировала с 1781 г. на том месте, в устье р. Пенжины, в 100 или в 250 верстах селения Каменного, к северо-востоку ближе или далее, отря по тому, где расположатся чукчи. Ежегодно сюда марте собиралось 300—400 чукчей, коряков, русских пцов, мещан и казаков [190]. В 1840-х годах в отчетах об равлении Гижигинским округом писали, что Чукотская марка «в округе ежегодно бывает в марте месяце между

хребтами при р. Пальцовой, от Гижиги верст около 700 с чукчами, коряками и тунгусами» (р. Пальцовая — один из притоков Пенжины)[191]. На ярмарку ежегодно приезжало по 2—4 гильдейских купца, преимущественно местных, гижигинских, и некоторое число разночинцев с мелочными товарами. Так, в 1827 г. прибыло 2 гижигинских купца, 25 разночинцев и 60 казаков; в 1844 г.— 2 гижигинских купца, 1 иркутский и 1 якутский; в 1847 г.— 3 гижигинских, 1 иркутский [192]. Они из Гижигинска выезжали в январе или в феврале в сопровождении 60 вооруженных казаков во главе с самим исправником. «Препровождение купецких караванов на чукоцкую ярмонгу» было установлено в 1812 г. «Положением об управлении Камчатки», поскольку на ярмарку собиралось инородцев «во множестве» и считалось, что они «народ сколько дик и необразован, более же того кичлив, скрытен и опасен». Кроме «ограждения торговли», казаки тут же попутно собирали ясак с коряков и получали «самопроизвольное приношение» чукчей [193]. На ярмарке преимущество имели, как пишется в генеральном отчете исправника об управлении Гижигинским округом за 1847 г., «табак черкасский, котлы медные, бумажные изделия, железные вещи, кольца, бисер, иглы, шелк и пр.»[194] Обороты ярмарки были небольшие. В 1827 г. двумя купцами было привезено товаров на 5500 руб., выменено у чукчей шкур зверей и моржовых клыков на 600 руб., остальной товар купцы променяли корякам на оленей. «Ярмонга продолжалась половина дня»[195]. В 1844 г. иркутский купец 1-й гильдии Лев Мичурин, якутский купец 2-й гильдии Иван Шилов, гижигинские купцы 3-й гильдии Петр Баранов и Прокопий Брагин черкасского табака привезли 91 пуд, меди «в деле» и «в посуде» — 6 п. 30 ф., железных котлов — 3 п. 35 ф., сковород — 10 фунтов, ковшей — 10, топоров — 28, ножей русских, якутских и паренских (корякских) — 55, огнив якутских и братских — 74, кремней — 100, винтовок — 9, замков ружейных — 9, железных копий наконечников — 12, пальм якутских и паренских — 17, прядева — 20 фунтов, гребней роговых — 85, иголок — 3085, ножниц — 1, наперстков 100, табакерок — 12, ниток корольковых — 713, колокольчиков разных — 400, бисера — 18 фунтов, бумажных и кашемировых платков — 47, бумажных и гарусных кушаков — 6 и разной мелочи, всего на 16 261 р. 50 к.

ассигнациями (4646 р. 27 к. серебром). Выменено на эти товары на ярмарке соболей — 12, лисиц красных — 326, сиводушчатых — 37, речных бобров — 94, песцов белых — 78, голубых — 1, куниц — 60, рысей — 3, выдр — 1, кухлянок — 10, моржового клыка — 58 пудов [196]. В 1847 г. один иркутский и три гижигинских купца привезли черкасского табака — 146 пудов, котлов медных — 15 п. 8 ф., железных — 16 п. 5 ф., медных кастрюль — 1 п. 30 ф., якутских ножей — 60, винтовок — 11, ружейных замков — 33, железных наконечников копий — 10, якутских пальм — 20, кремней — 200, наперстков разных — 120, иголок — 5 тыс., роговых гребней — 100, разных колокольчиков — 56, бумажных табакерок — 24, бисера — 18 фунтов, бумажных и гарусных кушаков — 10, бумажных платков — 50, тюменского холста — 30 аршин, дабы — 5 аршин, чая — 10 фунтов, сахара — 15 фунтов и всякой мелочи, всего на 7172 р. 70 к. серебром. Купцы выменяли на эти товары 15 соболей, 1106 лисиц красных, 61 сиводушчатую, 1 бурую, рысь, 28 выдр, 183 речных бобра, 285 белых песцов, 3 голубых, 27 куниц, 10 шкур оленьих и 3 волчьих, 30 кухлянок и 97 пудов моржового клыка [197].

На Анадырской и Чукотской ярмарках деньги не употреблялись совсем. Торг был чисто меновой. У чукчей и коряков единицей обмена являлась красная лисица. За нее в середине XIX в., смотря по цвету и качеству, просили 1—3 фунта табака. У эвенков и эвенов счет велся на белку, за которую получали по два листа табака. По окончании ярмарок устраивались увеселительные игры: оленьи скачки, бега чукчей в запуски, борьба их между собой и с казаками. Оленьи скачки и бега устраивались на приз: на шесте вывешивали несколько фунтов табака в том месте, где бег должен был окончиться. «Счастливец, достигнувший прежде всех к месту, с торжеством снимает свою награду»[198].

Ярмарочная торговля—торговля сезонная, раз или два в году. Товарно-денежный обмен на ярмарках производился главным образом между приезжими купцами и местным населением. Это была торговля важного значения, благодаря которой северо-восток Азии приобщился к всероссийскому рынку. Однако в ярмарочных городах Якутске, Охотске и Олекминске существовала и повседневная мелкая торговля в гостиных дворах и на базарах, которая

велась в течение всего года. К. Дитмар в какой-то степени был прав, когда писал, что более оживления, нежели ярмарка, в Якутске вносит «мелкая торговля, концентрирующаяся в гостином дворе и на базаре». Он особенно подчеркивал значение воскресного рынка, «на котором приезжающие из деревень якуты торгуют разной провизией и мелочью»[199]. Подгородные якуты привозили в город скот, мясо, масло, молоко и прочие продукты скотоводческого хозяйства, дичь, шкуры зверей, рыбу, ягоды и т. д. Взамен они брали деньги для уплаты ясака и других податей, чай, табак, бумажные, шерстяные и шелковые ткани, металлические изделия, посуду и т. д. Мелочная торговля в течение года шла и в гостиных дворах Охотска и Олекминска. В этих городах, как и в Якутске, местные купцы занимались продажей своих товаров также в домашних лавках [200].

Но как обслуживались жители территорий, где не было ярмарок? Территорий обширных, например, бассейнов рек Вилюя, низовьев Лены, Оленька, Яны и Индигирки, т. е. территорий Вилюйского и Верхоянского округов, затем Гижигинского края и Камчатского полуострова. Равно и отдаленных районов Якутского, Олекминского и Охотского округов, где были ярмарки. Доходили ли до них привозные товары и вовлекались ли они таким образом в орбиту всероссийского рынка?

Документы дают ясный ответ на эти вопросы. В отчетах якутских гражданских губернаторов за различные годы можно найти такие слова: «Хотя в окружных городах Вилюйске и Верхоянске ярмарок не учреждено, но привозимые якутским купечеством в эти города российские и китайские товары продаются как в городах, так и в округах на деньги и промениваются на мягкую разного рода рухлядь, также на конный и рогатый скот и на мамонтовую кость»[201]. Эти утверждения губернаторов подтверждаются другими данными. Местные, а иногда и приезжие купцы после летних Якутской, Олекминской и Кыллахской ярмарок выезжали со своими товарами не только в Охотск, Анюй, в Маю и Учур, но и в те места, где не было ярмарок. В Олекминском округе «по рекам Алекме и Витиму и около китайской границы промышляются тунгусами лучшие соболи, которые и продаются не в Якутске, а в самом том комиссарстве, для покупки которых и других зверей и живут там безсъездно до 15 чел. прикащиков от разно

городных»,— сказано, например, в документе от 1794 г.[202] В 1819 г. зимой и летом «российских и китайских товаров» в Верхоянске куплено на 1945 руб., в Зашиверске — на 450 руб., в Усть-Янске — на 500 руб., в мещанских селениях по Индигирке в Ожогинске и Русском Устье — на 2800 руб. В Булуне «иноверцы по неимению в промысле зверей ничего от русских не покупали, кроме того как только уплачено прежних долгов разными звериными, оленьими шкурами и мамонтовою костью на 1000 руб., да занято вновь деньгами и нужными к ловле заготовлениями до 4300 руб.»[203] В якутских улусах действовали якутские и русские купцы, торговцы из богатых подрядчиков и так называемых городчиков, время от времени приезжавшие в города для обмена своих и чужих продуктов на промышленные товары.

В Гижигинске хотя и не было ярмарок, этот город выступал экономическим центром большого края, где проживали чукчи, коряки, эвенки и эвены. Сюда ежегодно купцы из Охотска на казенных судах привозили «разные российские товары, харчевые припасы и материалы». В 1840 г., например, привезено товаров и припасов на 47 582 р. 44 к., в том числе московским купеческим сыном Василием Котовым — на 9005 р. 50 к., приказчиком иркутского купца А. В. Шелихова Василием Тупицыным — на 10 564 р. 50 к., приказчиком якутского купца Ивана Шилова мещанином Н. Косыгиным — на 12 430 р. 75 к., гижигинскими купцами Прокопием Брагиным — на 6408 р. 12 к. и Петром Андреевичем Барановым — на 9173 р. 57 к.[204] В 1841 г. теми же купцами (без московского) товаров привезено значительно больше: А. В. Шелиховым — на 34 450 р. 50 к., И. Шиловым — на 16 205 р. 68 к., П. Барановым— на 19 365 р. 50 к. и П. Брагиным — на 8677 р. 25 к., всего на 78 698 р. 73 к.[205]

Часть этого товара продавалась жителям самого Гижигинска. Для этого купцы при домах имели лавки [206]. Другая часть товаров вывозилась на Анадырскую и Чукотскую ярмарки, о которых мы уже писали. Остальной товар реализовывался среди аборигенного населения помимо ярмарки. В данный момент нас интересует этот аспект вопроса.

Гижигинские купцы и зажиточные мещане держали сотни собак, десятки лошадей и на них почти ежемесячно совершали поездки в ближние и дальние эвенкийские,

эвенские и корякские стойбища и кочевья, в одиночку и группами. На свой черкасский табак, сахар, чай, медные котлы, разные железные вещи и бумажные изделия они выменивали меха, моржовые клыки и оленей на питание. В 1840 г. от одних бродячих коряков пригнали 2060 оленей [207]. В стойбищах и кочевьях купцы попутно останавливались и во время поездок на ярмарки. «Намерен я отправиться на сих днях по Гижигинской округе, равно и на Чукотскую меновую ярмарку с товарами для производства торговли в четырех нартах»,— писал в феврале 1844 г. купец П. Брагин и просил от гижигинского земского управления законного разрешения [208]. Точно так же поступали и другие купцы, ехавшие на ярмарки. «Товары увозятся по округу и на Якутскую ярмарку», пушнина выменивается «по округе и на Чукотской ярмарке»— стереотипно пишется в годовых отчетах гижигинских исправников.

На Камчатке, как и в Гижигинске, ярмарки никогда не учреждались. Потребности русского и аборигенного населения полуострова удовлетворялись немногочисленными местными и иногородними купцами. «Число занимающихся внутренней торговлею простирается до 9 человек»,— писало местное начальство в 1829 г. Среди них было 2 камчатских купца и 7 приказчиков якутских купцов. В 1848 г. местных купцов было 3, иногородних, т. е. якутских,— 4 [209]. Жили они в двух центрах — Петропавловске и Тигильске, производя торг постоянно, так как «торговля в означенных пунктах необходима, ибо отдельные жители не имеют возможности каждый за своими потребностями приезжать в порт, и так если бы производство торговли заключалось только в одном порте, в таком случае отдаленные жители оставались бы без необходимейших для них потребностей»[210]. Но в Тигильске жил только один местный купец, большинство же остальных торговцев находилось в Петропавловске.

Эти купцы в июне — августе покупали на ярмарке в Охотске российские и китайские товары и в августе-сентябре доставляли их на казенных транспортных судах в Петропавловский порт и Тигильскую крепость. Товары они покупали и с иностранных торговых и китобойных судов, с начала XIX в. часто останавливавшихся в Петропавловске. В 1830 г., например, с корабля «Султан» из Бостона (США) в Петропавловске было продано товаров

на 18 тыс. руб.[211] В 1847 г. в Петропавловске было продано с французских китобойных судов «Космополит» и «Мюз» товаров и съестных припасов на 5182 р. 50 к., с немецкого китобойного судна «Ганза» — на 1571 р. 50 к. и с американского китобойного судна «Джеймс Мор» — на 3315 р. 50 к.[212] В первой половине 1850-х годов К. Дитмар писал, что Петропавловск посещается «довольно многочисленными судами, особенно же китоловами, которые регулярно приходят сюда весною, на пути к северу, и осенью... на обратном пути — к югу»[213]. Некоторые иностранные торговые фирмы в Петропавловске создавали свою постоянную базу. В конце 1840-х годов так поступил, например, американский торговый дом Кнокс, купивший здесь дом с земельным участком и приспособивший его для торговых целей. Судно этой фирмы ежегодно из Бостона привозило в Петропавловск товары, соответствующие местным потребностям (различные ткани, продукты питания, предметы роскоши) [214]. Разумеется, часть этих товаров раскупалась купцами. Купцы нужные им товары доставали также в лавках Российско-Американской компании, развернувшей свою торговую деятельность в Петропавловске особенно с 1840-х годов.

Эти товары включали шелковые, шерстяные и бумажные ткани, сукна, холст разных сортов, пряжу, готовую одежду, обувь, выделанную кожу, посуду медную, железную, чугунную и фаянсовую, кузнечные, плотничные и столярные инструменты и прочие орудия труда, ружья, чай, сахар и леденцы, масло, табак, мыло, свечи сальные, канцелярские принадлежности [215].

Этими товарами русские купцы торговали прежде всего в Петропавловске и Тигильске в лавочках, имевшихся при их домах. В 1848 г. таких лавочек в Петропавловске было 10, правда, они принадлежали не только местным и якутским купцам, но и Российско-Американской компании, американцам [216]. Товары покупали наряду с горожанами камчадалы. К. Дитмар в 1852 г. писал, что они в Петропавловске появлялись почти ежедневно променять свою добычу. Нередко приезжали даже эвены из отдаленных мест [217].

Однако основную торговлю купцы вели не в Петропавловске и Тигильске, а во время своих зимних путешествий по Камчатке. «Торговля бывает зимой по округе Камчатской, производится в каждом селении из возков,

провозимых чрез оные торговцами, проезжающими в разное время»; в округе торговля производится «временно зимою отправляющимися с товарами из порта и Тигиля купцами обыкновенно в начале зимы и возвращающимися пред наступлением распутицы и окончанием звериных промыслов»,— пишется обычно в годовых отчетах по Камчатскому округу [218]. С наступлением зимы, больше всего в декабре, местные и иногородние купцы, обычно 5—8 чел., группой отправлялись в путь, останавливаясь в каждом населенном пункте и производя торг. Это была как бы передвижная ярмарка. Купцы нередко доходили до самого крайнего севера полуострова, до кочевий олюторцев. Их обычно сопровождал чиновник, обязанный защитить местное население от своеволия и грабежа купцов, «на всяком шагу обсчитывавших камчадалов»[219]. Возвращались же в Петропавловск и Тигильск весной, обычно в апреле.

Такая ежегодно повторяющаяся в одно и то же время зимняя передвижная торговля полностью находилась в руках русских купцов. Российско-Американская компания и иностранцы не ездили в глубь полуострова и там не держали комиссионеров. Торговля с населением носила чисто меновой характер. Камчадалы и коряки денег не знали и все шкуры отдавали только за нужные им вещи.

Оборот камчатской торговли по местным масштабам бывал довольно значительным. В 1830 г. семь купцов привезли из Охотска товаров на 159 319 р. 50 к., продали из них — на 105 871 руб., выручили мехов на сумму 65 608 руб. и ассигнациями — на 40 263 руб. В 1832 г. (точнее с 1 октября 1831 г. по 1 июня 1832 г., без учета Тигильска) из Охотска поступило товаров на 128 952 р. 35 к., продано из них — на 114 721 р. 25 к. Мехов от местного населения было куплено: морских бобров — 46, соболей — 2937, лисиц красных — 2954, сиводушек — 177, черных — 1, выдр — 217, хвостов бобровых — 76 и околов бобровых — 54 [220]. В 1848 г. из Охотска, Новоархангельска (Российско-Американской компанией) и Америки было привезено товаров на 208 384 р. 7 к. серебром, реализовано из них — на 91 697 р. 87 к. серебром [221].

Рассмотрением торговли на Камчатке мы заканчиваем раздел о развитии торговли на северо-востоке Азии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Приведенный материал довольно хорошо показывает

состояние торговых связей на огромной территории, их механизм, размер, их роль в жизни населения. Однако нами не было сказано о ценах на товары, обращавшиеся на рынке, на товары привозные и местные. Остановимся вкратце на этом вопросе.

Характерной чертой торговли на окраине России являлась ее неэквивалентность. Это обусловливалось не только политической и экономической зависимостью края от метрополии, алчностью торговцев, но и отсталостью и забитостью местного населения. Жители Заполярья, Охотского побережья и Камчатского полуострова до самой середины XIX в. не знали денег как средства обращения, купли и продажи. Им был понятен лишь прямой вещеобмен. Продукты охоты они меняли на табак, водку, чай, медные и железные изделия, порох и свинец, грубые ткани, бусы. Повсюду наибольшим был спрос на табак, особенно на крепкий листовой. Не менее ценилась водка, продававшаяся вопреки запретам.

Дело усугублялось тем, что жители названных районов не знали цены товарам. «При существовавшей издавна в Камчатке меновой торговле камчадалы не знали настоящей ценности пушных товаров»,— писал А. Сгибнев [222]. Даже во второй половине XIX в., по свидетельству И. А. Худякова, заполярные жители не знали «счету денег» и давали их столько, сколько торговец выпросит [223]. Вот и обдирали купцы непосредственных производителей. Пуд листового табака, в 1834 г. стоивший в Якутске 18 руб., в Верхоянске продавался за 200 руб., в Усть-Янске — за 40 песцов (песец в Якутске стоил 4 руб.), на Анюе — за 10 красных лисиц, каждая из которых в Якутске стоила по 18 руб. Пальма, стоившая в Якутске 1 р. 20 к., в Верхоянске продавалась за 2 песца. За 2 же песца продавался топор, стоивший в Якутске 2 руб., и т. д.[224] Эти цены еще более возрастали по мере удаления от Верхоянска. Если якутские купцы обторговывали верхоянских, зашиверских и ожогинских жителей, то последние обторговывали жителей Момы, тундры и других мест, лежавших в стороне от купеческих трактов. Так, жиганские якуты обторговывали оленекских, а оленекские — анабарских и т. д. [225] В 1830-х годах гижигинские купцы местным жителям пуд табака продавали по 200—400 руб., фунт бисера — по 10—20 руб., в то же время хорошего соболя брали за 10 — 18 руб. (в Охотске

ценился по 30—40 руб.), черную лисицу — за 60—80 руб. (в Охотске стоила 400—500 руб.)[226].

При этом купцы почти повсюду пользовались слабостями своих темных клиентов. Приедут в далекое стойбище, потчуют хозяина и хозяйку водкой и только после этого толкуют о деле с захмелевшим охотником, уже готовым отдать им все, что они попросят. Применяли они и методы насилия. Из письма иркутского губернатора начальнику Охотского порта Миницкому от 20 июня 1814 г. видно, что гижигинские купцы в торговле с анадырскими жителями употребляли «буйственное насилие и обманы», брали у них «товары за вещи, ничего не значущие, иногда били их и насильно отнимали оные»[227]. О зимних поездках камчатских купцов по селениям местных жителей очевидец К. Дитмар писал, что они «более походили на разбойничьи набеги, чем на разъезды купцов»[228].

Излюбленным методом купцов являлось закабаление потребителей. Они отпускали товары нуждающимся в долг и в следующий приезд забирали у них всю добычу. «Долги насчитываются каждый год так, что хотя жители и и отдают купцам всю свою пушнину и мамонтовую кость, однако из долгов не выходят»,— писал И. А. Худяков, имея в виду жителей Заполярья [229]. Подобное явление было распространено и на востоке. В конце 1830-х годов камчадалы должны были уплатить одному приказчику Шелихова до 20 тыс. руб.[230]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.
[2] См.: Там же, с. 153.
[3] См.: Там же, т. 27, с. 386.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 364.
[5] *Степанов Н. Н.* Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1939, вып. 5, с. 53—79; *Он же.* Хозяйство тунгусских племен Сибири XVII в.— Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1961, т. 222, с. 238—245; *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940, с. 30—31, 37; *Он же.* Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, с. 80—88, 155—157.
[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 97.
[7] *Вилков О. Н.* Тобольск — центр таможенной службы Сибири XVII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974, с. 150.
[8] *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII веке.— В кн.: Русское государство в XVII веке: Новые явления в со-

циально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961, с. 330—370.

9 *Александров В. А., Чистякова Е. В.* К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка.— Вопросы истории, 1959, № 2, с. 132—143.

10 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

11 *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII веке, с. 338.

12 ППСЗ, т. III, с. 263—264.

13 Там же, с. 282—284.

14 Памятники сибирской истории. СПб., 1882, кн. 1, с. 409—410.

15 *Мартынов М. Н.* Якутия по наказам в Комиссию 1767 г. о сочинении проекта нового уложения.— Учен. зап. ИЯЛИ ЯФ АН СССР, 1955, вып. 3, с. 44—45.

16 ЛПБ, рукоп. отд. Эрм. собр., № 360, л. 16.

17 ППСЗ, т. VII, с. 819—821.

18 *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 года. Якутск, 1916, с. 173—174.

19 Там же, с. 176.

20 Там же, с. 187.

21 ППСЗ, т. X, с. 895—896.

22 ППСЗ, т. XI, с. 29—30.

23 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956, с. 48.

24 ППСЗ, т. XIII, с. 709—710.

25 Там же, т. XVI, с. 31—38.

26 *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968, с. 124.

27 *Романов Н. С.* Ясак в Якутии в XVIII веке. Якутск, 1956, с. 82.

28 ППСЗ, т. XXXVIII, с. 397.

29 Там же, т. III, с. 530.

30 *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области..., с. 184—185.

31 *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII веке, с. 364—369.

32 *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области..., с. 165—166.

33 ППСЗ, т. XXXVIII, с. 397.

34 КПМГЯ, с. 166.

35 *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области..., с. 165, 167, 174.

36 ППСЗ, т. XXXVIII, с. 397.

37 *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII веке, с. 335.

38 Там же, с. 336.

39 АИ, т. V, с. 204, 206.

40 *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области..., с. 187.

41 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 179.

42 *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века. Якутск, 1972, с. 61.

43 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 32, стб. 19, л. 1—6.

44 *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в., с. 336.

45 КПМГЯ, с. 165.

46 Там же.

47 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 22, стб. 19, л. 1—6.

[48] См.: *Романов Н. С.* Ясак в Якутии в XVIII веке, с. 65—66.
[49] Там же, с. 83.
[50] КПМГЯ, с. 59.
[51] Там же, с. 234.
[52] ЦГАДА, ф. 214, кн. 333, л. 75—192; ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480; кн. 192, л. 2—62; кн. 387, л. 178—298; кн. 749, л. 1—151.
[53] Там же, ф. 214, кн. 1245, л. 147—168; ф. 1177, оп. 4, кн. 1533, л. 68—98; кн. 1656, л. 1—24, 67—73.
[54] Там же, кн. 864, л. 107—190.
[55] Там же, кн. 1002, л. 123—174.
[56] Там же, кн. 1533, л. 41—59; ф. 214, кн. 1245, л. 147—168.
[57] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 484, л. 1—71.
[58] Там же, оп. 1, д. 194, л. 1—9.
[59] ААН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. 199, л. 243; *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века. с. 64—66, 73—75.
[60] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, с. 264—265.
[61] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-х годах XVII в.: Дис. ...канд. ист. наук. Л., 1952, с. 98—119; *Вилков О. Н.* Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968, вып. 3, с. 72—73; *Он же.* К истории Якутска и Охотска в XVIII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974, с. 208—209.
[62] *Миллер Г. Ф.* Известия о торгах сибирских.— Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, т. II, дек., с. 525—534.
[63] *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 67, 71.
[64] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 97—98.
[65] *Миллер Г. Ф.* Известия о торгах сибирских, с. 242.
[66] *Сафронов Ф. Г.* Город Якутск в XVII — начале XIX в. Якутск, 1957, с. 26.
[67] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 44, л. 2—16.
[68] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии... л. 151—153.
[69] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 748, л. 128—222.
[70] Там же, кн. 864, л. 61—105.
[71] КПМГЯ, с. 119.
[72] *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 78; John Ledyard's Journey through Russia and Siberia. 1787—1788.— In: The journal and selected letters. Madison; Milwaukee; London, 1966, p. 172.
[73] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1245; ф. 1177, оп. 4, кн. 748, 864, 1146, 1533, 1655 и др.
[74] *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения якутов. XVII век. Якутск, 1966, с. 378.
[75] *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 60.
[76] ДАИ, т. II, с. 176.
[77] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 180—183.
[78] *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 59—60.

79 *Селиверстов И. И.* Торговля и промысел русских в Якутии..., л. 184.
80 *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 59.
81 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 748, л. 140—141, 161.
82 Там же, кн. 1143, л. 10 об., 13 об., 16.
83 Там же, кн. 1368, л. 12 об.
84 Там же, кн. 1533, л. 5.
85 *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 64—65.
86 КПМГЯ, с. 164—165.
87 Там же, с. 42.
88 Там же, с. 56—59.
89 *Миллер Г. Ф.* Известия о торгах сибирских, с. 243—244.
90 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 387, л. 178—298.
91 *Миллер Г. Ф.* Известия о торгах сибирских, с. 245—246.
92 КПМГЯ, с. 165.
93 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 32, стб. 19, л. 1—6.
94 *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии.— В кн.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953, с. 349—350; *Степанов Н. Н.* Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII веке.— Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1961, т. 222, с. 243—244.
95 *Исленьев И. И.* Перечень дневной записки.— Новые ежемесячные сочинения, 1788, ч. XXIII, май, с. 5.
96 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 24, л. 370—480.
97 Там же, кн. 387, л. 178—298.
98 Там же, ф. 214, кн. 333, л. 75—192.
99 Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 749, л. 1—151.
100 Там же, кн. 864, л. 107—190.
101 Там же, кн. 1002, л. 123—174.
102 Там же, кн. 1002, л. 123—174.
103 Там же, кн. 1533, л. 41—59.
104 *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 73—74.
105 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 387, л. 178—298; *Павлов П. Н.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965, вып. 2, с. 26—27.
106 КПМГЯ, с. 165.
107 ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1533, л. 41—59.
108 *Бахрушин С. В.* Русские торги и промыслы в Якутии, с. 350.
109 КПМГЯ, с. 95, 106—109.
110 *Миллер Г. Ф.* Известия о торгах сибирских, с. 534.
111 *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 180—183, 194.
112 КПМГЯ, с. 107—108.
113 Там же, с. 109—110.
114 ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., д. 300, л. 8 об.
115 Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, в XVIII в.: Сборник архивных материалов. Л., 1935, с. 50.
116 КПМГЯ, с. 193.
117 ДАИ, т. VIII, с. 174—175; КПМГЯ, с. 184—185.
118 *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа, с. 79.
119 Там же, с. 78—79.
120 КПМГЯ, с. 162.
121 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 12, стб. 3, л. 11.

[122] Там же, карт. 13, стб. 4, л. 261; *Гурвич И. С.* Русские на северо-востоке Сибири в XVII в.— В кн.: Сибирский этнографический сборник М., 1963, V, с. 79.
[123] *Селиверстов И. И.* Торговля и промыслы русских в Якутии..., л. 200.
[124] КПМГЯ, л. 166; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., с. 50.
[125] *Софронеев П. С.* Якуты в первой половине XVIII века, с. 81.
[126] *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа, Л., 1969, с. 84.
[127] *Исленьев И. И.* Перечень дневной записки, с. 5—6.
[128] *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века, с. 87.
[129] КПМГЯ, с. 106.
[130] Там же, с. 108.
[131] Там же, с. 111.
[132] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 32, стб. 19, л. 1.
[133] ААН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. 199, л. 243.
[134] *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, ч. 1, с. 257—259.
[135] ППСЗ, т. XVIII, с. 693.
[136] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 179—180; *Он же.* Рынок Якутии конца XVIII — первой половины XIX в.— Исторические записки, 1956, т. 55, с. 293—294.
[137] ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f.
[138] Там же, л. 43.
[139] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 168, л. 9.
[140] Там же, л. 12.
[141] Там же, л. 11.
[142] Там же, л. 28, 35 об.
[143] Там же, л. 40—41, 43.
[144] Там же, л. 15—16.
[145] Там же, л. 49—50, 55.
[146] ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, д. 112, л. 67; оп. 12, д. 10, л. 59.
[147] ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f, л. 41; ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, д. 112, л. 66; оп. 12, д. 10, л. 58; *Миницкий.* Описание Якутской области.— ЖМВД, 1830, кн. VI, с. 164.
[148] ЛПБ., отд. рукоп., Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f, л. 42.
[149] Там же, л. 43.
[150] *Миницкий.* Описание Якутской области, с. 164, 166.
[151] *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901, с. 25.
[152] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1957, т. II, с. 487—489.
[153] Там же.
[154] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 81, л. 8.
[155] *Щукин Н.* Поездка в Якутск. СПб., 1844, с. 45, 206; *Иохельсон В.* К вопросу о развитии земледелия в Якутской области.— Памятная книжка Якутской области на 1895 г. Якутск. Вып. 1.
[156] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1(54), д. 128, л. 65.
[157] Там же, д. 146, л. 220.
[158] Там же, л. 249.
[159] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 130, л. 133; д. 672, л. 29—31; д. 1107, л. 120.

160 *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., с. 188.
161 Там же, с. 116.
162 *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 114.
163 *Матушевский О.* Описание обитающих в Якутской области якутов.— В кн.: Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, с. 42.
164 ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 107, л. 16—19.
165 *Джулиани Ю.* О якутах.— Сын отечества, 1836, т. CLXXVIII, с. 55.
166 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 188.
167 На зимней ярмарке продавались товары, оставшиеся от летней
168 *Миницкий.* Описание Якутской области, с. 164.
169 *Башарин Г. П.* История отношений в Якутии, с. 181.
170 ЦГИАЛ. ф. 1265, оп. 4, д. 112, л. 66.
171 Там же, оп. 12, д. 10, л. 7.
172 Там же, д. 112, л. 65.
173 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 390—397.
174 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 4.
175 ЛПБ, Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f, л. 40.
176 Там же, л. 42.
177 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 99, л. 4 об.
178 Там же, ф. 1073, оп. 1, д. 37, л. 71 об.
179 Там же, ф. 1016, оп. 1, д. 187, л. 12 об.
180 Там же, л. 19.
181 Там же, л. 9—12, 15—19; д. 289, л. 4.
182 Там же, л. 9—12; 15—19; д. 289, л. 4.
183 Там же, д. 289, л. 22.
184 Там же, д. 187, л. 18.
185 *Шаховский А. Е.* Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт.— Северный архив, 1823, ч. VII, № 13, с. 37.
186 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 182.
187 Там же, с. 182.
188 *Гартвиг.* Природа и человек на Крайнем Севере.М., 1866, с. 251—252.
189 *Шаховский А. Е.* Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт, с. 36—37; *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 г., с. 424.
190 *Шаховский А. Е.* Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт, с. 38; *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 424.
191 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1076, оп. 6, д. 415, л. 21, 31.
192 Там же, оп. 5, д. 333, л. 11 об.; д. 334, л. 6—8; оп. 6, д. 341, л. 2.
193 Там же, оп. 5, д. 333, л. 14—15.
194 Там же, оп. 6, д. 415, л. 31.
195 Там же, оп. 5, д. 333, л. 11 об.
196 Там же, д. 334, л. 6—8.
197 Там же, оп. 6, д. 341, л. 1—2; д. 415, л. 11, 21.
198 *Шаховский А. Е.* Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт, с. 38—39; *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 425.

199 *Диттмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 26.
200 ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f, л. 43—44; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 174, л. 9—12.
201 ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, д. 112, л. 67; оп. 12, д. 10, л. 59.
202 ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f, л. 56.
203 ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 168, л. 49—50.
204 ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 168, л. 49—50.
205 Там же, д. 227, л. 21—26.
206 Там же, оп. 6, д. 415, л. 31 об.
207 Там же, оп. 5, д. 177, л. 34.
208 Там же, д. 334, л. 3.
209 Там же, ф. 1007, оп. 2, д. 5, л. 14; оп. 1, д. 336, л. 46.
210 Там же, оп. 1, д. 21, л. 19—20.
211 *Голенищев Г.* О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах.— ЖМВД, 1833, № 12, ч. X, с. 16—17.
212 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 318, л. 3, 9, 16, 26.
213 *Димтар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 125.
214 Там же, с. 128.
215 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 16, 45—46.
216 Там же, л. 69.
217 *Диттмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 185.
218 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 15, 45.
219 *Диттмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 400; *Collins P.* Siberian journey down the Amur to the Pacific, 1856—1857. The University of Wisconsin Press, Madison, 1962, p. 342.
220 *Голенищев Г.* О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах, с. 16, 28—29.
221 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 16, 69.
222 *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869, ч. V, с. 69.
223 *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа, с. 93.
224 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 190.
225 *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа, с. 93.
226 *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 (исторический очерк).— Морской сборник, СПб., 1869, т. CV, № 11/12, с. 39—40.
227 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 2, д. 152, л. 9—10.
228 *Диттмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., с. 130.
229 *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа, с. 93.
230 *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы, ч. V, с. 37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша работа, несмотря на свои скромные размеры, дает исследователю, как нам думается, немало сведений по экономической истории северо-востока Азии, аккумулированной в двух ее взаимосвязанных и важнейших проявлениях: промыслах и торговле, до сих пор слабо изучавшихся.

В работе внимательно изучены многие аспекты поставленных проблем. В области промыслов — это такие вопросы, как размеры движения промышленников, социальный состав последних, организация пушных промыслов в материковой части северо-востока Азии и на островах Тихого океана, техника охоты, вывоз пушнины. В области торговли — это роль северо-востока Азии в сложении всероссийского рынка, формы и характер торговли до и после возникновения ярмарок, втягивание местного аборигенного населения в товарно-денежные отношения и связанные с ними другие вопросы.

Среди нас обиходным стало выражение о превращении Сибири и северо-востока Азии в органическую часть России еще в дореволюционный период. Однако, может быть, мы не всегда отдаем себе отчет в том, насколько объемно это выражение. Оно, конечно, в первую очередь отражает факт территориального вхождения окраины в состав России. Это, разумеется, важный факт — факт политического характера. Но вместе с тем одно территориальное вхождение и распространение государственно-правовых порядков далеко не достаточно для полного и прочного слияния территорий, населенных различными народностями с разными историко-бытовыми и культурными традициями. Нужны еще другие, и не менее важные, факторы. Прежде всего факторы экономического характера, особенно существенные в сближении территорий и народов.

К факторам подобного рода и относятся вопросы, нами исследованные. Именно постоянные взаимовыгодные экономические связи скрепляли территориальное единство, материализовывали политическое единство в социальное, экономическое, культурное, вероисповедное и т. д., т. е. превращали северо-восток Азии в органическую часть России.

Главными фигурами, осуществлявшими эти связи, являлись прежде всего промышленные люди, выходцы из простого народа, и торговые люди, представители нарождавшегося купеческого капитала, не боясь дальности расстояния, бездорожья, суровости климата, случайностей в неизведанных территориях, ходившие на свой страх и риск за тридевять земель.

Свидетели этой их деятельности — пожелтевшие от времени листы столбцов и книг архивохранилищ страны, наши вестовые. Озвучить их — задача историков. Не мы первые решаем эту задачу. Были предшественники. Сделано немало. Предстоит сделать еще больше. Наша работа — лишь очередная дань уважения прошлому.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Перечень архивных фондов

Центральный государственный архив древних актов в Москве:
- ф. 214 — Сибирский приказ
- ф. 1177 — Якутская приказная изба

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде:
- ф. 1264 — Первый Сибирский комитет
- ф. 1265 — Второй Сибирский комитет
- ф. 1409 — Собственная е. и. в. канцелярия

Архив Академии наук СССР в Ленинграде:
- ф. 3 — Канцелярия АН и Комиссия АН
- ф. 161 — Л. Г. Левенталь

Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР:
- ф. 160 — Якутская воеводская изба

Ленинградская Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина:
- рукописный отдел, ф. Эрмитажного собрания

Центральный государственный архив РСФСР по Дальнему Востоку (Томск):
- ф. 1007 — Камчатское приморское управление
- ф. 1016 — Охотское приморское управление
- ф. 1059 — Канцелярия начальника Охотского порта
- ф. 1073 — Охотская торговая полиция
- ф. 1076 — Гижигинское земское управление
- ф. 1077 — Гижигинский городничий
- ф. 1506 — Охотский нижний земской суд
- ф. 1520 — Комендант Охотского порта

Центральный государственный архив Якутской АССР:
- ф. 6 — Олекминский частный комиссар
- ф. 7 — Верхневилюйский комиссар
- ф. 8 — Зашиверский частный комиссар
- ф. 10 — Среднеколымский частный комиссар
- ф. 19 — Олекминское окружное управление
- ф. 52 — Усть-Оленское крестьянское общество
- ф. 53 — Нижнеколымское крестьянское общество
- ф. 146 — Устьянское крестьянское общество
- ф. 180 — Якутский окружной земский суд
- ф. 349 — Алданское казначейство

Опубликованные источники

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841—1843, т. 1—5.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857—1884, т. 1—3.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846—1875, т. 1—12.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов. Л., 1935.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник архивных документов. Л., 1936.

Памятники сибирской истории, СПб., 1882, книга первая; СПб., 1885, книга вторая.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.

Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 года. Якутск, 1916.

Литература

Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?— Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.

Александров В. А., Чистякова Г. В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка.— Вопросы истории, 1959, № 2.

Александров В. А. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963.

Аргентов М. Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 г., и статистические сведения о Нижнеколымске 5—20 января 1850 г.— Зап. СОРГО, 1857, кн. 3.

Бахрушин С. В. Покрута на соболиных промыслах XVII в.— Научные труды, М., 1955, т. III., ч. 1.

Бахрушин С. В. Русские торги и промыслы в Якутии.— В кн.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956.

Башарин Г. П. Рынок Якутии конца XVIII — первой половины XIX в.— Исторические записки, 1956, т. 55.

Берх Б. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823.

Богораз В. Г. Русские на реке Колыме.— Жизнь, 1899, т. 4.

Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, ч. 1.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

Зилков О. Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968. Вып. 3.
Зилков О. Н. К истории Якутска и Охотска в XVIII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974.
Зилков О. Н. Тобольск — центр таможенной службы Сибири XVII в.— Там же.
'артвиг. Природа и человек на Крайнем Севере. 2-е изд. М., 1866.
'еденштром М. Описание берега Ледовитого моря между левым устьем Яны и Барановым камнем.— Сибирский вестник, СПб. 1823, №. 2.
'оленищев Г. О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах.— ЖМВД, 1883, № 12, ч. X.
'ондатти. Сведения о поселениях по Анадыру.— Зап. Приамурского отдела ИРГО, Хабаровск, 1897, т. III, вып. 1.
'урвич И. С. Русские на северо-востоке Сибири.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М., 1963, V.
'урвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
[жулиани Ю. О якутах.— Сын отечества, 1836, т. CLXXVIII.
[итмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901.
'агоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909.
Iванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966.
Iохельсон В. К вопросу о развитии земледелия в Якутской области.— Памятная книжка Якутской области на 1895 г. Якутск, 1895. Вып. 1.
Iсленьев И. И. Перечень дневной записки.— Новые ежемесячные сочинения, 1788, ч. XXIII, май.
Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII веке.— В кн.: Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.
Крашенинников С. П. О соболином промысле.— В кн.: С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.
Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.
Мараков С. В. Природа и животный мир Командор. М., 1972.
Мартынов М. Н. Якутия по наказам в Комиссию 1767 г. о сочинении проекта нового уложения.— Учен. зап. ИЯЛИ ЯФ АН СССР, 1955, вып. 3.
Матушевский О. Описание обитающих в Якутской области якутов.— В кн.: Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948.
Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских.— Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, сент., дек.; 1756, февр., май.
Миницкий. Описание якутской области.— ЖМВД, 1830, кн. VI.
Экунь С. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939.
Павлов П. Н. Вывоз пушнины из Сибири в XVII веке.— в кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. 1.

Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в.— Там же. Новосибирск, 1965. Вып. 2.
Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
Павлов П. Н. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1973.
Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой.— В кн.: Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. IV.
Полевой Б. П. Григорий Шелихов «Колумб Российский». Магадан, 1960.
Полевой Б. П. Главные задачи первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I.— В кн.: Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1964. Вып. II.
Романов Н. С. Ясак в Якутии в XVIII веке. Якутск, 1956.
Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII — начале XIX в. Якутск, 1957.
Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961.
Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869.
Сгибнев А. Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник, СПб., 1869, т. CV, № 11, 12.
Селиверстов И. И. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-х годах XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952.
Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана. Л., 1938.
Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947.
Софронеев П. С. Якуты в первой половине XVIII в. Якутск, 1972.
Степанов Н. Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1939, вып. 5.
Степанов Н. Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири XVII в.— Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1961, т. 222.
Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861, ч. I; 1863, ч II.
Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. М., 1940.
Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков. Якутск, 1945.
Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.
Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
Шаховский А. Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт.— Северный архив, 1823, ч. VII, № 13.
Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I; Иркутск, 1957. Т. II.
Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд. СПб., 1844.
Collins P. Siberian journey down the Amur to the Pacific, 1856—1857. The University of Wisconsin Press, Madison, 1962.
John Ledyard,s Journey through Russia and Siberia. 1787—1788.— In. The journal and selected letters. Madison; Milwaukee; London, 1966.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН СССР — Архив Академии наук СССР
АИ — Акты исторические
АЮДР — Акты, относящиеся до юридического быта Руси
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИЯЛИ ЯФ АН СССР — Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР
КПМГЯ — Колониальная политика Московского государства в Якутии
ЛПБ — Ленинградская публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
ППСЗ — Полное собрание законов Российской империи (первое собрание)
СОРГО — Сибирское отделение Русского географического общества
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
ЦГА РСФСР ДВ — Центральный государственный архив РСФСР по Дальнему Востоку (Томск)
ЦГА ЯАССР — Центральный государственный архив Якутской АССР
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград) (ныне ЦГИА СССР)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Федот Григорьевич
САФРОНОВ

РУССКИЕ ПРОМЫСЛЫ И ТОРГИ

на северо - востоке Азии в XVII — середине XIX века

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
Якутского филиала Сибирского отделения
Академии наук СССР

Редактор издательства
Е. П. Прохоров
Художник
С. А. Киреев
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
М. Н. Фролова
Корректор
Р. С. Алимова

ИБ № 18286

Сдано в набор 31.07.79
Подписано к печати 06.11.79
Т-17842. Формат 84×108 1/32
Бумага № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 7,56 Уч.-изд. л. 8,1
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 640
Цена 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная
ул., 90. 4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25